

Содержание

MISSION

Несколько важных слов образованным горожанам (2)

ГОРИЗОНТЫ ПОНИМАНИЯ ВЕЛИЧИЯ ЗАМЫСЛА (пояснения к эпиграфу MISSION)

Величие замысла (материал подготовлен главным редактором журнала и находится в содержательном поле цитатного мышления) (9)

Лев Владимирович Лосев. Образованность Бродского (13)

ГОРИЗОНТЫ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Сенявская Е.С. Помнить - значит знать (15)

Гуреев М.Б. Актуальные проблемы молодежного патриотизма в России (22)

Безукладова Л.В. Ренессанс духовности в университетах XXI века (27)

Гордякова О.В. Три вида патриотизма (30)

ГОРИЗОНТЫ ПРАВОСЛАВНОГО МИРА

Интервью с протоиереем о. Максимом Золотухиным (33)

Интервью с Ириной Васильевной Долгушиной (38)

ГОРИЗОНТЫ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

50 книг XX века (41)

50 писателей XX века (49)

50 поэтов XX века (57)

ПЕРСОНА: СИБИРЯК

Конфликт поколений: вчера, сегодня и всегда! (67)

Ответственность педагога: сочетание авторства и посредничества (74)

ГОРИЗОНТЫ ПАРАДОКСАЛЬНОГО МЫШЛЕНИЯ (собрание Дмитрия Сироткина)

Цитаты про учителей (78)

Цитаты про школу (80)

Цитаты про мысли (82)

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Патриотизм как операционная система (84)

MISSION

НЕСКОЛЬКО ВАЖНЫХ СЛОВ ОБРАЗОВАННЫМ ГОРОЖАНАМ

Один мой знакомый эксперт как-то поделился: «Пару лет назад я забрел на районное совещание директоров школ. Заведующая методическим кабинетом (скоро ли там откроются методологические кабинеты?) с жаром рассказывала о новых методах диагностики учеников: «Мы их совсем не понимаем, думаем, что они ленятся, а у них просто день неудачный. Или звезды не дают работать». Я насторожился. Она с тем же жаром продолжала рассказывать о том, что ученые сейчас рекомендуют заводить специальное досье на детей с указанием их биоритмов и знаков Зодиака. Учителя же должны учитывать расположение звезд и строить свои педагогические стратегии в соответствии с гороскопом учеников. По-видимому, в момент произнесения этих слов на моем лице появилось недостаточно почтительное выражение, и тогда в дискуссию вступила уже заведующая. «Ничего тут смешного нет, – сказала она убежденно, – во многих передовых школах не только знак Зодиака записывают в личное дело, но ещё и дерево, и стихию». Поразившись смелости передовых школ, я оглянулся в поисках поддержки у коллег-директоров. Поддержки не было. Напротив, одна опытная директриса наставительно сказала: «Нам так нужна наука в школе, а вы мешаете». Скептики были в очередной раз посрамлены».

Красноярские педагоги уважают педагогическую теорию. За что? Нам (редакции журнала «Образование Будущего») представляется, что теорию вообще уважают не за то, что она улучшает нашу повседневную жизнь. Мало кто связывает полезность телефона с успехами абстрактной физики. Теория, прежде всего, удовлетворяет нашу потребность в понимании, в обретении смысла. В настоящем сообщении нам хотелось бы обсудить возможности учителей найти такую теорию, обнаружить скрытые смыслы своего труда.

Педагогика (как теоретическая, так и воплощенная в практике) развивалась в узкой рамке собственно педагогической рефлексии. В лучшем случае цели образования определялись в более широкой рамке социального развития. Однако «методологической базой» такой постановки целей были, как правило, тривиальные соображения о социальном заказе или информационной революции. Далее – после определения целей – педагогический процесс анализировался лишь с точки зрения технического достижения этих целей. Эта ситуация имеет иногда совершенно курьезные последствия. Так, в большинстве пособий и работ по дидактике фактически не обсуждается сложная взаимосвязь процессов учения (его субъект – ученик или «коллективный ученик») и обучения (субъект – учитель). Вместо этого рассматривается лишь процесс обучения, а про учение делается молчаливое предположение, что оно существует и позволяет обучать. Для каждого, кто хоть раз не просто обучал детей, а думал над этим, понятно, что все обстоит **не так просто**.

Учителя не могут больше удовлетворяться анализом происходящего в классе с точки зрения того, соответствует это методике (новому инструктивному письму) или нет. Они нуждаются не в оценке, а в подлинном понимании, в построении содержательной интерпретации того, что делает учитель и ученики. Рефлектирующих педагогов начинает интересовать их **собственная философия**; их волнует, на каких предположениях о школе, о детях, о мире основывается практика педагогической работы.

Какие же реальные интеллектуальные конструкции позволяют нам отвечать на эти вопросы, если нам кажется недостаточной фраза о том, что «коммунистом можно стать, лишь обогатив память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество»? Многие педагоги рассматривают в качестве такого интеллектуального средства психологию. Вспомним, что говорят многие учителя после психологических мастерских или лекций! «Наконец, я начала понимать, что происходит у меня в классе».

Однако, до сих пор за этими попытками не стоит значительное социокультурно-педагогическое движение. Они пока не связывают педагогическое сообщество с другими общественными группами и всем спектром гуманитарного знания, хотя и весьма перспективны.

Идеологический кризис первых двух десятилетий XXI века на фоне активных социальных и экономических трансформаций привёл, с одной стороны, к распаду традиционных форм культурно-созидательной деятельности большинства социально-известных и узнаваемых институций общественного и государственного развития. С другой стороны – он же привел к потере значимых ориентиров в решении «вечного» вопроса «Что делать?», которые могли бы выступить основой для появления и проявления новых форм и нового содержания системы (**внимание!**) патриотического воспитания Российской Федерации, Красноярского края, города Красноярска.

Патриотическое воспитание как социокультурно-педагогическое движение

Среди самых различных возрастных стратов жителей города почти отсутствует представление о России как о сложной системе культурных, социальных, интеллектуальных и иных отношений с богатой историей, традициями и возможностями. Образ **своей страны, своего региона, своего города** упрощен до представления об административных и политических границах (к тому же часто представляемых неадекватно).

В этих обстоятельствах чрезвычайно актуально появление в городской культурной политике (а образование всегда являлось элементом культурной политики, о чем, правда, стыдливо умалчивали «многая лета») нового, современного и конструктивного образа патриотизма, без чего, по-видимому, большие группы населения не смогут быть вовлечены в решение задач, значимых для государства и российского общества в целом. Особенно сейчас!

Тем самым именно сейчас появляется возможность выстроить **образ патриотизма**, не столько и не только «придуманный» для населения «ответственными кабинетными работниками», а вырастающий из настроений самых разных, патриотически настроенных инициативных групп жителей нашего города. Образ этот может появиться лишь в открытой дискуссии на основе предъявленных инициатив и образцов в специально-организованном межпоколенческом пространстве людей, создающих Будущее в мысли и способных воплотить Будущее в реальности.

Патриотизм можно и нужно понимать, как установку – личную, либо общую для какой-либо социальной группы, включающую в себя:

- Осознание определенного содержания (страны, нации, города и городской идеи, территории и деятельности), как **своего**. Того, с чем личность или сообщество могут себя идентифицировать, могут сказать: «Я – россиянин», «Я – патриот», «Я – красноярец» и т.п.;
- Осознание границы этого **своего** – пространственной, временной, социальной;
- Действия, воспроизводящие и поддерживающие **своё** по отношению к иному, к определению границы с иным, в том числе в связи с опасностью, исходящей от **иного**.

Патриотизм может разворачиваться в действия:

- Непосредственной заботы о **своём** – либо о том, что не может воспроизводиться естественно и нуждается в специальных действиях для воспроизводства (как, например, **память, традиция, преемственность**). Либо о том, что в существующих условиях естественно воспроизводиться не может (например, анклавы природы в антропогенных, городских и сельских, ландшафтах);
- Удержания знаковых и символических форм на новых носителях. Сюда относятся не только музеи и собирание фольклора в традиционном этнографическом смысле, но и внимание к динамически складывающимся и исчезающим формам современной жизни;
- Защиты и восстановления естественных, значимых для места, для сообщества механизмов воспроизводства жизни, деятельности, смыслов и идей;
- Развития и поддержки значимых и перспективных форм жизни, деятельности, идей, смыслов.

В рамках данной проблематики можно отметить ещё два важных понятия:

- **Мечта** – особая знаковая, смысловая, идейная конструкция, удерживающая **перспективы и возможности** своего места, своей жизни, своей деятельности. Содержание **мечты** является объемлющим по отношению к конкретным проектам, замыслам, образам будущего, но определяет их общую направленность и ценность;
- **Подвиг** – особое, почти невозможное (с точки зрения сил и возможностей «нормального» человека) действие, предельная реализация чувства значимости **своего** в действии заботы, защиты, развития. Совершение подвига всегда связано с осознанием существования смысла, нормы, порядка, более значимых, чем ограниченность сил, чувство самосохранения, личная перспектива.

Таким образом, та подлинность **своего**, о которой мы ведём речь, чем-то подобна полезным ископаемым, залежам благородных веществ, что ждут своего часа в земле и могут быть потом пущены в оборот человеческой жизни.

Поэтому настраиваясь на ожидание России как человеческого и патриотического события, необходимо настраивать субъектов различных инициативных групп и в целом население города, школьников и учителей, постоянно находиться в творческом событии-броске, событии-попытке найти-**себя-здесь-вместе-со-страной**.

Проблема культурного кризиса заключается в том, что у нас перестают быть нормой различные техники национального самовосстановления. Самовосстановление – это выход из стрессовых ситуаций, решение сложных организационных и личных проблем, решение профессиональных задач. К каким средствам мы прибегаем? С помощью чего ликвидируем эти зазоры? Можно говорить о том, что трансляция культуры в России реализуется в четырёх составляющих.

Первая работает с образцами, с героями, примерами для подражания. Культурная трансляция связана с символикой, символическим мышлением. Какое событие люди в СССР называли номером один в истории страны? Полёт Юрия Гагарина в космос! А космический спутник стал одним из центральных символов XX века, знаком мощи и величия страны. Прошлым летом в Москве можно было увидеть ряд размещённых на билбордах рекламных образов – спутник, балерину, матрёшку – объединённых надписью: «ЭТО ВСЕ, ЧЕМ МЫ БУДЕМ ГОРДИТЬСЯ, ЕСЛИ ТЫ ПЕРЕСТАНЕШЬ МЕЧТАТЬ!». Понятно, что есть русский балет, автомат и есть спутник – то, чем гордилась страна, и это всё, что у нас останется в постсоветской России, «если ты перестанешь мечтать». То есть новых символов, на основе которых стране можно двигаться в своём развитии, мы пока не придумали. А отсюда и трагедия ряда партий: им нужно звать население **куда-то**, но символов, **означающих будущее**, ещё нет. В итоге рождаются политические пустышки огромных размеров.

Вторая составляющая – горизонт знания людей, масштаб их мышления, организация этого пространства, в котором они живут. Наши коллеги, работая со старшеклассниками, часто спрашивают: «со сколькими субъектами федерации граничит территория, на которой они живут?». Называют соседей не более половины. Это наблюдение говорит о том, что молодые люди пока не воспринимают пространство страны как пространство своего перемещения и своих будущих возможностей. Год назад, работая в Тыве, они были потрясены, выяснив, что местные взрослые, как и дети, называют Россией пространство, находящееся за Саянами. Они не идентифицируют себя как составную часть нашей страны, 80% старшеклассников не представляют себе возможным выезд «за Саяны». В мифологическом тывинском сознании это подобно выезду в другой мир. Красноярск – не Тыва, но и здесь мы наблюдаем неспособность в воображении «схватить страну» как страну своих возможностей.

Третья составляющая связана с **памятью населения**. Что старшее поколение должно обязательно передать младшему? Что должно сохранить? Можно сыграть в такую игру: какой фильм, какую книгу, какую картину непременно надо передать потомкам? Что нужно помнить, а что – необязательно? Вот идеи для разработки тренингов, которых пока не существует. Больше 10 лет идёт дискуссия об учебниках истории, которые должны читать наши дети. Они уже вырастают, а взрослые ещё и не знают, каким должен быть современный честный учебник по истории России. В итоге в школах читают учебник, где фактически ничего не написано. То есть **учебника нет**. Много лет идёт борьба за то, чтобы поменять список художественных произведений, которые читают в школе. Перечислять можно и далее. Проблема ясна?

Четвертая составляющая – самая сложная по своему воплощению. Это рамка желаний, интересов, увлечений – того, что влечёт человека. Этот тезис можно развернуть на следующем примере.

Существует концепция, что школу можно поделить на три части.

Младшая школа – **школа формирования интереса**. Маленький ребёнок говорит, что ему интересны динозавры. И у него всё вокруг в динозаврах – в комнате, на кухне и т.д., и все книжки – про динозавров. И независимо от того, тройка или пятерка у него по математике, для него начальная школа закончена, так как у него проявился интерес, направляющий его деятельность, руководящий отбором информации. В пятом классе он уже не будет заниматься динозаврами, они окажутся в ящике на балконе, а он станет заниматься, например, монетами. Это правильно. Собираение монет – более сложный процесс, связанный с более широким спектром знания.

Подростковая школа – **школа постановки задач** самим себе. Например, собираются в компании и ставят задачу навредить учителю. Сами не знают зачем, но эту задачу «на себе» уже несут.

Старшая школа – **время взросления**, освоение широкого пространства самореализации, осмысление его законов и векторов развития, соотносимое с представлениями о собственной жизненной траектории.

На этом простом примере всё, вроде бы, ясно. Но при этом с рамкой интенции в стране большая проблема. Про неё говорят мне родители. Это проблема полного отсутствия у детей интереса к чему-либо. Одна мама сказала: «Ему ещё 14, а ему уже ничего неинтересно!». Что это означает? А то, что он уже старшеклассник, ему пора заняться формированием личной стратегии, а он ещё начальную школу не прошёл – ему ещё ничего неинтересно...

Итак, перед нами **четыре рамки культурного развития и культурной политики**:

рамка символическая – образов и примеров;

топологическая – масштабов освоения территорий, амбиций;

рамка памяти – собственной истории, истории страны и её культуры;

рамка интенциональная – желаний, увлечений.

Как практически обрести себя, если не знаешь – куда двигаться, в каком векторе? В пору юношеского самоопределения можно и нужно осваивать исторические культурные практики, выстраивая их под себя. Это очень важно и в 15-27 лет, и в 30-33 года, когда люди могут входить в культуру, чтобы обрести **собственную** культурную форму. Уже потом каждый будет думать, как поставить, к примеру, свой театр на ноги, свою пьесу превратить в театр, как заработать для театра деньги. Но прежде, важно обрести эту культурную форму и начать выращивать идеологию своего движения на философском уровне.

Но это не выйдет без институализации, социализации. А для их осуществления нужна дружба поколений. Стоит выяснить, какие и в каком поколении есть дефициты и ликвидировать их. А те, кто старше, должны понять, какие у них есть дефициты, чтобы ликвидировать их с помощью нового поколения. Тогда возможен **диалог поколений**. Если новое поколение будет делать всё в одиночку, то оно может и не сделать того, что **должно**.

Как правило, мы стараемся говорить о том, о чём можем найти слова; описываем такие события, которые можно представить в виде картинки; анализируем то, что поддается

нашим инструментам видения и анализа. При этом мы нередко ощущаем, что нечто существенное уплывает от нашего восприятия, выпадает из нашего описания. Но вместо попыток найти новые способы общения с реальностью мы упорно продолжаем иметь дело со вторичными, маловажными, но поддающимися нашему непосредственному восприятию феноменами. Хорошо об этом сказал Маленький Принц: «Взрослые очень любят цифры. Когда рассказываешь им, что у тебя появился новый друг, они никогда не спросят о самом главном. Никогда они не скажут: «А какой у него голос? В какие игры он играет? Любит ли он бабочек?» Они спрашивают: «Сколько ему лет? Сколько у него братьев? Сколько он весит? Сколько зарабатывает его отец?» И после этого воображают, что они узнали человека». Нелишне вспомнить и другую фразу из этой мудрой книжки: **«Зорко одно лишь сердце»**. В школе происходит очень много важных событий, которые ускользают от нашего внимания потому, что мы их не замечаем или не можем рационально описать.

***На полях.** И учителя, и ученые-педагоги давно имеют дело с этими таинственными реальностями. Довольно распространенным, например, в методической литературе является сравнение школы с айсбергом: «Видимая его часть – это внешне проявляющиеся действия и отношения... Невидимая, подводная часть – внутренние устремления, мотивы, потребности...». Для пояснения этой идеи можно подробнее вспомнить о знаменитой триединой дидактической задаче, которую каждый советский учитель должен был формулировать в плане урока: задачу обучения, воспитания и развития. В действительности же, на уроке явно (наблюдается) разворачивается только один (двуединый) процесс: обучение-учение. Обучение как передача информации и организация деятельности класса и учение как выполнение учениками некоторых учебных действий. Относительно этого двуединого процесса учитель и может ставить задачу обучения, которая формулируется в терминах однозначных, наблюдаемых и, что исключительно важно, явно проверяемых действий (операций) и их результатов (эффектов), например, решение уравнений, повторение слов и т.п.*

В то же время каждый мало-мальски толковый учитель понимает, что на уроке происходит ещё что-то. Это «что-то» дидакты и называли развитием и воспитанием. Под воспитанием, происходящем на уроке, имелось в виду формирование (выращивание, культивирование) определённых личностных качеств школьника, организация присвоения им ценностей, установок, отношений. Развитием считали педагогические действия, обеспечивающие становление общих (надпредметных) способностей, относящихся в соответствии с дидактической традицией в основном к интеллектуальной сфере. Понятно, что задачи развития и воспитания выглядели в составе триединой дидактической задачи несколько странно. Только молодые и самонадеянные педагоги могли утверждать, что они действительно решают эти три задачи одновременно. В большинстве случаев невозможно проверить, произошло ли на уроке развитие и воспитание. Чтобы уйти от проблемы дидакты придумали «бла-бла-бла» про компетенции и компетентности. Часть «на полях» закончена.

Для достижения заявленных приоритетов можно предположить работу по следующим основным направлениям:

- 1) *социально-патриотическое направление* (работа с образцами и языками социальной коммуникации);

- 2) *культурно-патриотическое направление* (работа с образцами и стилями социальной престижности);
- 3) *военно-патриотическое направление* (работа с образцами и нормами культурно-исторических традиций);
- 4) *интеллектуально-патриотическое направление* (работа с образцами и нормами проектной деятельности, ориентированной на инновации).

В 1999 году впервые появилась книга Петра Вайля «Гений места» (журнальные варианты почти всех глав публиковались в «Иностранной литературе» (1995-1998)). Идея любой главы этой книги состоит в двойном со- или противопоставлении: каждый город, воспринятый через творческую личность, параллелен другой паре «гений–место». Понятно, что «гений» имеет к «месту» непосредственное биографическое отношение. На линиях органического пересечения художника с местом его жизни и творчества возникает новая реальность, которая не проходит ни по ведомству искусства, ни по ведомству географии – и вот уже красноярский педагогический университет становится имени Виктора Петровича Астафьева, а дворец спорта – имени Ивана Ярыгина.

Проект конструирования «имен собственных» для, например, общеобразовательных учреждений г. Красноярска – особый и очень важный культурный и идеологический аспект перехода от нарицательной индустриальной действительности к постиндустриальной индивидуализированной реальности. Акт подлинного патриотизма. Сквозная нумерация массовых школ (№№ 1, 2, 3 и т.д.) отражает специфику индустриального развития в её тоталитарном преломлении и, по меньшей мере, является устаревшей по отношению к становящемуся постиндустриальному Красноярску. За последние годы в городе появились события, знаки, люди и информационные поводы, удерживающие чёткие и определённые культурные смыслы и идеи развития, оформился так называемый новый тип градообразующих оснований **Гуманитарного Города**.

Для начала в задачном плане современные старшеклассники могут:

- *осуществлять* игровое моделирование знаково-символического пространства города;
- *разрабатывать и реализовывать* инициативные проекты и проектные идеи при работе с внутригородской символикой и языковой политикой городской среды;
- *участвовать* в решении креативных задач конструирования возможных «имён собственных» для образовательных учреждений города;
- *проводить* учебные исследования в области культурно-исторических прогнозов и традиций городского развития;
- *участвовать* в диалогах с депутатами Красноярского городского совета – политиками, учеными, бизнесменами, деятелями культуры и другими VIP-персонами города Красноярска;
- *оформлять* собственные представления о культурной политике города как механизме общественного развития.

Вот об этом мы нынче и поговорим на страницах нашего журнала. Восьмой выпуск.

«ЗАМНОЙ, ЧИТАТЕЛЬ!»

(Михаил Булгаков, «Мастер и Маргарита», Часть вторая, Глава 19)

ВЕЛИЧИЕ ЗАМЫСЛА

(Материал подготовлен главным редактором журнала и находится в содержательном поле цитатного мышления)

Двадцать девятое ноября 1963 года, уже более пятидесяти лет назад, газета «Вечерний Ленинград» напечатала статью «Окололитературный трутень», подписанную некими Лернером, Медведевым и Иониным. В этом фельетоне молодого поэта Иосифа Бродского клеймили за «паразитический образ жизни». Стихи, раскритикованные в пух и прах, отчасти принадлежали Дмитрию Бобышеву, ученику Ахматовой, а отчасти были скомбинированы из совершенно невинного стихотворения Бродского, где речь шла о русской провинции: «Люби проездом родину друзей <...> Жалей проездом родину чужую», в результате получилось у пасквильантов: «Люблю я родину чужую». Но ведь и у Лермонтова были стихи о его единственной отчизне — Шотландии, и Маяковский не однажды ругал «снеговую уродину» Россию. Дело не в этой подтасовке. Может быть, та газетная атака оказалась пропуском Бродского в бессмертие?

Писать об Иосифе Бродском сложно, потому что он закрыл свои личные архивы на 75 лет, но ведь о Лермонтове достоверных данных у историков ещё меньше — тем интереснее им работать. Когда-то Александр Сергеевич Пушкин, размышляя о планах «Божественной комедии» Данте, упомянул о величии замысла. Эта фраза Пушкина стала ключевой для всей жизни поэта Иосифа Бродского. Он был разным в жизни: и ироничным, и раздражённым, и молчаливым, и разговорчивым, но в своей поэзии, в своей литературе он всё подчинил величию замысла. Писал ли он «Большую элегию Джону Донну» или «Новые сонеты к Августе», «Столетнюю войну» или «На смерть Жукова», в глубине его сознания оставалось: «Главное — это величие замысла».

Он всегда и во всём искал смысл жизни и смерти. До конца жизни недолюбливал, недопонимал смысл западный, потребительский, предпочитая пусть и драматический, даже трагический русский духовный смысл. Он не раз говорил об этом в своих интервью, к примеру, в беседе с Элизабет и Хайнцем Маркштейн, состоявшейся в Вене в 1972 году: «Я, к сожалению, нахожусь в довольно затруднительном положении, потому что я понимаю, что у вас не может быть ответа на этот вопрос. Потому что, когда смотришь вокруг, то уже непонятно, во имя чего живёшь. Вот особенно здесь. Непонятно. Складывается впечатление, что во имя shopping'a, понимаете? Что жизнь происходит во имя shopping'a. Единственное, что остаётся, — постараться быть по возможности наименее involved вот во всё это. В shopping и... вы знаете, если бы я здесь вырос — я не знаю, во что бы я превратился. Просто не знаю. Я не понимаю... Это очень странное ощущение. Я не понимаю вообще, зачем всё это. Нечто хорошее (но это наша, тоталитарная русская мысль) — что-то хорошее может быть только как награда, а не как априорное нечто, понимаете?»

Сам он никогда, ни на мгновение, не жил потребительской жизнью. Бродский вынужден был всю жизнь тянуться к величию своего замысла, противопоставляя себя западной потребительской цивилизации. «То, что здесь, мне не очень нравится — это нереальный выбор, который здесь предлагается... Какой бы выбор ты ни совершил, это в лучшем случае ударит тебя только по карману. Но психологически, субъективно, как персону, это тебя оставляет в том же самом состоянии, в котором ты был и до выбора. Ну, за исключением

автомобиля — он тебя может доставить дальше... В спиритуальном смысле это ничего не даёт, абсолютно. И здесь может существовать только очень сильно одарённая... как бы сказать, чисто в артистическом смысле очень одарённая личность. Очень sensitive, понимаете? Которая очень чуткая и которая... музыка, не музыка, чем бы она ни занималась — литература, слово, — этот дар должен быть в ней настолько силён, чтобы всё время вибрировать. Чтобы всё время, чтобы он был более реальным, чем всё остальное. Но это уже в некотором роде болезненное нечто должно быть, понимаете? <...> Впрочем, поэзия — это нечто другое. Я не знаю, что здесь должно быть: протест, безразличие. Но, в общем, я всегда себе говорил — всегда, во всех ситуациях, скверных, не скверных, даже когда мне удавалось делать что-то, с моей точки зрения, очень толковое, я всегда говорил себе: «Иосиф, надо взять нотой выше» (беседа с Элизабет и Хайнцем Маркштейн).

Он и жил «нотой выше». Во всём. Без величия замысла он не мог писать ни о любви, ни о природе. В этом смысле он и был творчески счастливый человек. «Художник — особенно в русской терминологии — это живописец... я понимаю, как художник может быть счастлив, когда он видит и познает что-то, когда он работает. Я предполагаю, что Брак (это мой любимый художник) — это не страдалец. Его художником сделало не страдание. Но колоссальное внутреннее богатство и процесс работы — вот что сделало его человеком. Я даже думаю, что Шагал, между прочим, не страдалец...» (беседа с Элизабет и Хайнцем Маркштейн).

Он как никто другой из поэтов обожествлял само Слово. Эпиграфом ко всей его поэзии может быть библейское «В начале было Слово...». Очень верно о нём написал голландский русист Кейс Верхейл: «Если Бог есть Слово, то в каждом человеческом слове есть хотя бы зачаток Божественного. Со свойственным ему духовным экстремизмом Бродский идёт по этому пути до конца, настаивая на формуле — в пределах кальвинистского миропонимания уже совершенно немислимой — о божественности или даже надбожественности языка».

И потому он не принимал теории о греховности любой литературы, любого писательства. Его ставка была на высочайшую ценность поэтического слова. Думаю, он и вёл себя в жизни согласно некоему ритуалу поведения великих поэтов. Не из-за своего высокомерия, а для того, чтобы не снизить значимость своего слова, величие своего замысла. Может быть, и встречи с Анной Ахматовой были нужны ему, молодому застенчивому поэту, чтобы понять, как надо себя вести, как надо держаться великому поэту. Ахматова не была поэтическим наставником Иосифа Бродского — она была его учителем ритуального общения. Виктор Кривулин вспоминал: «Я видел, что Бродский следил за тем, как Ахматова произносила слова, переводила любую житейскую ситуацию в план речевой и в план поэтический за счёт артикуляционной метафоры, за счёт жеста, который становился словом...»

Еще один исследователь поэзии и творчества Иосифа Бродского, хабаровчанин Олег Давыдов, очень верно отметил: «Влияние личности Ахматовой на Бродского сделало его тем, кем он стал, хотя манера их письма была весьма различна. Она была для него человеком из другого мира, из Серебряного века, звездой прошлого, великое тяготение которой разогнало его воображение до околотелесных скоростей». Этическое влияние Ахматовой на Бродского трудно переоценить: «Его экзистенциальные выборы, его ценностные выборы как бы подсознательно диктовались Ахматовой, можно сказать, он её

интериоризовал, сделал частью себя. В манере его жизни и мысли сквозило что-то холодно-отстранённое, трудноуловимое: то ли ахматовское, то ли римское, то ли космическое, но всегда тоскливо равнодушное к духовному тону времени». Это был наглядный пример для подражания. Поэзии он учился у Марины Цветаевой, а личному поведению у Анны Ахматовой.

Может быть, отсюда, от величия замысла, и идёт его постоянное обращение к античности, к глобальным проектам, к библейским темам, к рождественским стихам. Не будучи воцерковлённым, он последовательно, год за годом писал свои рождественские стихи. Что заставляло его, начиная с «Рождественского романса» 1961 года, долгие годы писать стихи на тему Рождества? Думаю, прежде всего — величие замысла. В последние годы жизни его потянуло к уже привычной еврейской ироничности, к едкой сатире. Он с юности любил полублатную лексику — так бы и писал, пользуясь ею. Величие замысла не позволяло. Думаю, иногда он даже тяготился этим величием, но никогда не поступался им. Вот и рождественский цикл был его волевым приказом самому себе. На время оставив после отъезда из России рождественскую тему, он с 1987 года и до самой смерти каждый год снова пишет по стихотворению накануне Рождества.

Открывает этот «цикл в цикле» «Рождественская звезда», а последним рождественским стихотворением стало «Бегство в Египет», написанное в декабре 1995 года, за месяц до смерти. В Америку он улетел с крестом на шее, почти не писал стихов на ветхозаветные сюжеты, а вместо этого буквально принуждал себя на каждое Рождество писать стихи на новозаветную тему. И какие великолепные стихи!

В холодную пору, в местности, привычной скорей к жаре,
чем к холоду, к плоской поверхности более, чем к горе,
младенец родился в пещере, чтоб мир спасти;
мело, как только в пустыне может зимой мести.

<...>

Внимательно, не мигая, сквозь редкие облака,
на лежащего в яслях ребёнка издалека,
из глубины Вселенной, с другого её конца,
звезда смотрела в пещеру. И это был взгляд Отца.

Может ли такие стихи написать неверующий, законченный атеист? Или просто человек иной конфессии, нежели христианская? Или кто-нибудь осмелится назвать его рождественские стихи — «паровозными», как называли иные его друзья изумительное стихотворение «Народ» или «На смерть Жукова». Но и впрямь паровоз поэтического величия тащил Иосифа Бродского от плоских шуток и стихотворных насмешек к истинной религиозности, государственности, имперскости. Да, порой он сопротивлялся этому паровозу, хотел отстать от него, но импульс единого жизненного замысла был сильнее. Иосиф Бродский и сам не скрывал, к примеру, «государственности» того же стихотворения «На смерть Жукова». В своих «Диалогах» с Соломоном Волковым он говорит: «Между прочим, в данном случае определение «государственное» мне даже нравится. Вообще-то я считаю, что это стихотворение в свое время должны были напечатать в газете «Правда»... А ведь многие из нас обязаны Жукову жизнью. Не мешало бы вспомнить и о том, что это Жуков, и никто

другой, спас Хрущева от Берии... Жуков был последним из русских могикан...».

Если не принимать во внимание осознанную жизненную стратегию Иосифа Бродского, его ставку на величие замысла всегда и во всём, многие из лучших эмигрантских творений поэта, наполненных державной значимостью русского стиха, никак не объяснить. Впрочем, он всегда чурался примитивной политики: советский или антисоветский, он не боялся в эмиграции называть себя советским поэтом в отличие от всех перестроечных лауреатов госпремий СССР, срочно забывавших о своей советскости. За эту конъюнктурную суетливость он презирал того же Евтушенко.

Когда Хайнц Маркштейн в Вене спросил его: «А скажите, Иосиф, вы считаете себя советским поэтом?» — Бродский без затей ответил: «Вы знаете, Хайнц, у меня вообще довольно сильное предубеждение против каких бы то ни было определений, кроме «русский». Поскольку я пишу на русском языке. Но я думаю, что можно сказать «советский», да. Вполне. Вполне. В конце концов, это, при всех там его заслугах и преступлениях, все-таки режим реально существующий. И я при нём просуществовал тридцать два года. И он меня не уничтожил».

О себе он говорил просто: «Я — русский, хотя и евреец». Этим своим еврейством он как бы обманул мировую интеллигенцию, заставив её признать глубинную русскую метафизическую, провиденциальную философию. Только сейчас иные западные культурологи и публицисты стали писать о Бродском как чуть ли не о мракобесе — мол, кому мы премию дали?! Ныне американские профессора удивляются: «Смотрите, он всерьёз писал о высоком и низком, о добром и злом, даже о Боге и дьяволе — и это сошло ему с рук в нашей среде! Чудотворец — не иначе». Именно как русский он то стыдился, то гордился действиями советской державы. Когда на писательской конференции в Лиссабоне в 1988 году все делегаты из России, от Татьяны Толстой до Анатолия Кима, не хотели брать на себя ответственность за советские танки в Чехословакии, мол, это не наши танки, не писательские, один лишь Бродский признал, что отвечает за всё, что делается в России. Это и есть патриотизм.

Узнав о ссылке в Норенскую, Анна Ахматова сказала: «Какую биографию делают нашему рыжему! Как будто он кого-то нарочно нанял». Так всё и было. Иосиф Бродский сам осознанно делал свою биографию, не позволяя себе распускаться. Его любимый философ Ортега-и-Гассет писал: «Жизнь — неизбежная необходимость осуществить именно тот проект бытия, который и есть каждый из нас...» К сожалению, далеко не все люди осуществляют предназначенный им проект бытия, или, говоря по-восточному, следуют своему дао. Иосиф Бродский максимально старался осуществить именно предназначенный ему свыше жизненный проект и потому следовал своему величию замысла.

Судья Савельева весной 1964 года спрашивала его: «А кто это признал, что вы поэт? Кто причислил вас к поэтам?» Бродский отвечал: «Никто. А кто причислил меня к роду человеческого?» Судья: «Не пытались ли вы окончить вуз, где готовят поэтов?» Бродский: «Я не думал, что это даётся образованием. Я думал, что это... от Бога».

ОБРАЗОВАННОСТЬ БРОДСКОГО

Лосев Лев Владимирович, русский поэт, литературовед, эссеист

Несмотря на свои двойки, в том числе и по английскому (у того, кому предстояло стать признанным мастером английской эссеистики), Бродский неплохо усвоил школьный запас знаний. В первую очередь это относится, конечно, к превосходному пониманию русской грамматики. Как свидетельствуют его юношеские рукописи и письма, писал он не только свободно, выразительно, с хорошим чувством композиции, но и очень грамотно. Он глубоко вдумывался в родной язык. Сохранилось письмо, которое он написал в 1963 году по поводу предлагавшейся реформы правописания. Молодой человек без формального образования объяснял учёным лингвистам-реформаторам, что унификация правописания во многих случаях приводит к обеднению психологии говорящего: «Сложность языка является не пороком, а – и это прежде всего – свидетельством духовного богатства создавшего его народа. И целью реформ должны быть поиски средств, позволяющих полнее и быстрее овладеть этим богатством, а вовсе не упрощения, которые, по сути дела, являются обкрадыванием языка».

Хорошее знание истории, в особенности классической античности, и географии Бродский получил более из самостоятельного чтения, чем из школьных уроков. В целом школа отложилась в памяти как источник скуки и других неприятных ощущений. Годы спустя он написал лирическое стихотворение, где воспоминание следует за расписанием уроков одного школьного дня в шестом классе: древняя история, физкультура, затем, возможно, русский язык, физика и геометрия:

Темно-синее утро в заиндевевшей раме
напоминает улицу с горящими фонарями,
ледяную дорожку, перекрестки, сугробы,
толчею в раздевалке в восточном конце Европы.

Там звучит «Ганнибал» из худого мешка на стуле,
сильно пахнут подмышками брусья на физкультуре;
что до черной доски, от которой мороз по коже,
так и осталась черной. И сзади тоже.

Дребезжащий звонок серебристый иней
преобразил в кристалл. Насчет параллельных линий
все оказалось правдой и в кость оделось;
неохота вставать. Никогда не хотелось.

В раздевалке толчая, учитель истории похож на худой мешок, в спортзале воняет невымытым телом, от классной доски мороз по коже, электрический звонок в физическом опыте дребезжит – все школьные впечатления неприятны. Возможно, самым важным для будущей жизни опытом школьных лет стал как раз волевой акт ухода. Бросить школу, выломиться таким образом из системы, было поступком необычным, радикальным. Вопреки официальному прославлению рабочего класса, детям повседневно вдалбливалась мысль, что без высшего или среднего образования они обречены на прозябание в подножии

социальной пирамиды. В школе и в семьях подросткам постоянно грозили: «Не кончишь школу – будешь грузчиком!» (или дворником, заводским рабочим, колхозником). Для городского подростка из среднекультурной семьи уход из школы означал превращение в не такого, как все, хуже других, изгоя.

Уйдя из школы почти сразу по достижении того возраста, когда это позволялось законом, Бродский ещё пытался продолжить формальное образование – записался в вечернюю школу, посещал вольнослушателем лекции в университете. Однако то, что в конце концов он стал широко и в некоторых областях знания глубоко образованным человеком, объясняется только его неустанным самообразованием. Ещё в молодые годы он самоучкой в совершенстве овладел английским и польским, позднее читал со словарем латинские, итальянские и французские тексты, а в последние годы жизни начал изучать китайский язык. В юности вместе с учившимися в университете друзьями он проштудировал основы языкознания по классической «Философии грамматики [Linguistica]» Йенса Есперсена, занимался историей философии, европейской и восточной, много читал по пушкинской эпохе, пользуясь, в частности, профессиональной библиотекой покойного пушкиниста Б.В. Томашевского. Всю жизнь он не расставался с лучшей из всех российских энциклопедий, «Энциклопедическим словарем» издательства Брокгауза и Ефрона, к которой в Америке прибавилась «Encyclopedia Britannica». Судя по всему, он особенно внимательно читал в «Брокгаузе» замечательные статьи В.С. Соловьева по истории философии и религии. Сам Бродский полушутя говорил, что приобретает знания «by osmosis» (осмотически). К этому виду самообразования следует относиться серьезно. Среди его близких друзей были выдающиеся лингвисты, литературоведы, историки искусства, композиторы, музыканты, физики и биологи, а Бродский был известен своей способностью дотошно расспрашивать знатоков об интересующих его предметах. Близко знавший Бродского А.Я. Сергеев пишет: «Иосиф страшно много ловил из воздуха. Он с жадностью хватал каждый новый item [англ.; здесь: сведение] и старался его оприходовать, усвоить в стихах. Можно сказать, ничего не пропадало даром, все утилизировалось – с невероятной, ошеломляющей ловкостью».

Недостаток систематического образования сказывался у Бродского не столько в том, что в его познаниях были пробелы – их он по мере надобности заполнял, сколько в отсутствии навыков дисциплинированного мышления. Мыслить для него означало выстраивать цепочку силлогизмов, не заботясь о проверке каждого очередного звена эмпирикой и без критического анализа. Скажем, основная тема его нобелевской лекции может быть сведена к логической цепочке: искусство делает человека личностью, стало быть, эстетика выше этики; высшей формой эстетической практики является поэзия, стало быть, поэтическое творчество есть окончательная цель человечества как вида... Есть ли вообще у человечества как вида «цель»?

В эпоху треня
скорость света есть скорость зренья;
даже тогда, когда света нет.

Источник: ВикиЧтение (<https://biography.wikireading.ru/62796>)

ПОМНИТЬ – ЗНАЧИТ ЗНАТЬ

Сенявская Елена Спартаковна, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, лауреат Государственной премии РФ, действительный член Академии военных наук, член Научного Совета Российского военно-исторического общества, член Союза писателей России

Что такое историческая память? Это сложный феномен общественного сознания, представляющий собой передаваемые из поколения в поколения представления социума об историческом прошлом. В ней много пластов, формирующихся разными путями. Механизмы формирования исторической памяти включают разные формы передачи информации (например, систему образования, СМИ, музеи, мемориальные комплексы и т.д.), а также устную традицию, фольклор, семейные предания и т.п.

Историческая память – основа национального самосознания, которое, в свою очередь, имеет решающее влияние на развитие страны, жизнеспособность народа и государства, особенно в условиях тяжелых национально-государственных кризисов. Травмированное и дезориентированное массовое сознание, в том числе в отношении исторического прошлого своей страны, – один из сильнейших факторов подрыва национальной безопасности, способных привести к катастрофе.

Следует отметить несколько важных особенностей, связанных с механизмами функционирования исторической памяти. Историческая память избирательна. Это связано с тем, что её емкость ограничена, поэтому в сознании обычного человека сохраняется весьма небольшое количество исторических событий и имён. Как правило, они связаны с экстремальными для жизни страны и общества явлениями – войнами, социальными потрясениями, крупными политическими событиями.

Историческая память делится на долговременную и кратковременную. Кратковременная связана с событиями, иногда в масштабах истории малозначительными, но о которых помнят их современники и непосредственные свидетели, или, косвенно, в основном через устную традицию, ближайшие потомки. Долговременная имеет более сложный механизм формирования и функционирования, в основе которого лежит избирательность. Долговременная историческая память всегда символична и мифологизирована. В ней остаётся не точная подробная передача исторических фактов, а предельно обобщенный образ.

Особенностью исторической памяти является её оценочная бинарность (белое-черное, хорошее-плохое, герой-злодей и т.п.). Историческая память не знает оттенков, переходных форм, сложностей и противоречий, которые характерны для реальной жизни. В значительной степени, именно это позволяет манипулировать общественным сознанием, в том числе и исторической памятью, меняя оценочные знаки с плюса на минус, и наоборот.

Исторические символы – основное содержание исторической памяти – одновременно являются и опорными точками национального самосознания, ориентирами для представителей социума в отношении к себе и миру, самоидентификации и опознании чужого, инородного.

Размещая себя на оси времени, общество, имеющее прочный исторический фундамент из различных испытаний и трудностей и опыта их преодоления, может достаточно уверенно выстраивать свою перспективу, сохранять оптимизм даже в условиях сильных потрясений. Утрата исторической памяти или ее сильная деформация дезориентируют общество также в настоящем и будущем, порождают массовый пессимизм.

Для исторической памяти в определённых условиях характерен механизм актуализации, то есть избирательного интереса к событиям прошлого, вызывающим ассоциации с настоящим. Например, актуализируются даже плохо зафиксированные в исторической памяти войны при новой войне с тем же историческим противником: в Великую Отечественную часто вспоминали Первую мировую, события на Северном Кавказе на переломе XX-XXI веков вызвали повышенный интерес к Кавказским войнам XIX века, и т.д. Другим фактором актуализации исторической памяти являются юбилейные даты крупных исторических событий. Сегодня их принято называть «информационным поводом».

Особенно заметен рост интереса к историческому событию, когда его юбилей отмечается на государственном уровне с подключением всех имеющихся ресурсов. В этом случае интерпретация прошлого, которую внедряют «в массы», напрямую зависит от интересов господствующей идеологии. При этом прошлое можно не только «пересмотреть», «переоценить», «перетрактовать» и виртуально «переиграть» по-новому, более выгодному сценарию, но и «забыть», «замолчать», «закрыть» и даже «засекретить». А дальше... «Кто контролирует прошлое, контролирует будущее; кто контролирует настоящее, контролирует прошлое». (Джорж Оруэлл. «1984»). Сегодня такие попытки «изменить прошлое» предпринимаются в отношении практически всех важнейших, ключевых и судьбоносных событий отечественной истории и в первую очередь – событий XX века, связанных с историей СССР. Искажая, подрывая, фальсифицируя историческую память нашего народа, его пытаются уничтожить как данность. Сберегая и отстаивая историческую память, мы защищаемся, сохраняя свою цивилизационную и историческую идентичность, а в конечном итоге – право и самую возможность дальнейшего существования.

Историческая память – мощное оружие в информационной, идеологической и психологической войне, а в более широком контексте – в войне геополитической и даже цивилизационной.

В современной России, по данным социологических обследований, основными источниками исторических знаний являются: «учебники» – назвали более 70%, «кинофильмы» – более 60%, «телепередачи» – более 50% опрошенных (при этом респонденты указывали не один, а несколько источников). «Чтение мемуаров, художественной литературы, газет и журналов» назвали источником исторических знаний лишь около 40%, «рассказы старшего поколения» – около 30%, а «семейные архивы» – 5% опрошенных. Таким образом, подавляющая часть исторической информации население получало через систему образования, наиболее массовое искусство и самый распространенный вид СМИ. То есть активное освоение и прямая передача исторических знаний уходит на второй план и характерна лишь для относительно небольшой части общества.

Особенно велика роль государства в формировании исторической политики и регулировании системы исторического образования, а также ответственность деятелей киноискусства и средств массовой информации, популяризирующих и интерпретирующих события отечественной истории.

Военное прошлое и военный опыт занимают особое место в исторической памяти. Войны – это всегда экстремальное состояние для страны, государства и общества. Чем масштабнее военные события и их влияние на развитие общества, тем они потенциально занимают более важное место в структуре общественного сознания. При этом особое значение приобретают войны не столько победоносные, сколько те, в которых народ проявил жертвенность, стойкость и героизм, иногда даже независимо от исхода самой войны. Это явление характерно, прежде всего, для национального самосознания русского народа, в исторической памяти которого сохранились такие имена, связанные с военными событиями и приобретшие характер символов, как Александр Невский, Дмитрий Донской, Минин и Пожарский, Петр Великий, Суворов и Кутузов, маршал Г.К. Жуков. Если мы вспомним исторических персонажей военной истории, так сказать, «второго плана», то есть не вождей и полководцев, а простых людей и рядовых воинов, то ответы, как правило, ограничатся героическими символами Великой Отечественной войны – Зоей Космодемьянской, Александром Матросовым, Николаем Гастелло, героями-панфиловцами, «молодогвардейцами», защитниками Брестской крепости.

В период «перестройки» и «гласности» историческая память использовалась как поле политической борьбы, причем разрушались не только классовые символы советской эпохи, но и ставились под сомнение героические символы Великой Отечественной войны, общенациональные символы российской истории.

На рубеже 1980-х-1990-х гг. даже термину «патриотизм» пытались придать негативный оттенок и отождествить с реакционностью. В результате целое поколение оказалось воспитанным в условиях исторического нигилизма и беспамятства. В последние годы, в основном в противовес враждебному России и крайне агрессивному давлению на неё внешних факторов, государственная власть начала осознавать опасность такого подхода для существования самого государства и пытаться (к сожалению, порой частично и непоследовательно) наверстать упущенное в патриотическом воспитании граждан.

Примеры использования государством «патриотического ресурса» – это Федеральный Закон «О днях воинской славы (победных днях) России»; Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации»; «приватизация» народных инициатив – акции «Георгиевская ленточка» и движения «Бессмертный полк»; открытие Военно-патриотического парка культуры и отдыха ВС РФ «Патриот» и мемориально-музейного комплекса «Дорога Памяти. 1418 шагов к Победе»; попытка создания «единого учебника истории»; и др. Одновременно на том же государственном уровне регулярно предпринимаются попытки оторвать символику Великой Победы от советской символики: замалчивание роли И.В. Сталина как Верховного Главнокомандующего; полное забвение роли коммунистической партии и комсомола; «маскировка» Мавзолея на параде Победы; официальный плакат к 70-летию Победы – «голубь мира» вместо ордена Отечественной войны; и др. Так, в 2010 году на улицах

Санкт-Петербурга появились плакаты с лозунгом «За Родину, без Сталина!». Правда, не к 9 мая, в канун празднования 65-летию Победы, как планировалось организаторами акции (этого им не позволили городские власти), а к 22 июня – годовщине начала Великой Отечественной войны.

Историческая память не бывает «линейной» и «статичной»: «воспоминания о войне» изменяются со временем, подвергаются корректировке и переоценке в интересах современной политики и, как правило, в ущерб исторической правде, ранее значимые имена, явления, факты искажаются, отодвигаются на второй план, а то и вовсе предаются забвению.

Для каждого нового поколения современные им события почти всегда кажутся более существенными, нежели ушедшие в прошлое и объективно более значимые для истории. В ментальной (а не документальной, зафиксированной в письменных источниках) исторической памяти всегда остается очень ограниченное число «единиц хранения». Закономерна динамика исторической памяти: трансформация ее структуры, значимость, смысл и другие оценки по мере удаления исторического события и смены поколений, в строгой зависимости от политической и идеологической конъюнктуры. Однако сам народ обладает сильным чувством самосохранения, и в тех случаях, когда память о каком-либо историческом событии становится «последним рубежом» для сохранения национального самосознания, она демонстрирует весьма значительную устойчивость. Так, по данным регулярно проводившихся социологических опросов, Великая Отечественная война, несмотря на все ухищрения развернувшейся против России информационной войны на историческом фронте, неизменно рассматривается как позитивная символическая ценность, причем во всех поколениях россиян. «Именно в России, – отмечает социолог М.Г. Мацкевич, – обнаруживается феномен, не наблюдавшийся практически ни в одной другой стране. В отношении к Великой Отечественной войне отсутствует значимая дифференциация социальных групп. Ни поколенческая принадлежность, ни уровень образования, ни регион, ни тип поселения, ни прочие социально-демографические факторы практически не оказывают влияния на отношение к данному событию. Ряд исследователей отмечают, что, при том, что коллективные представления об общем прошлом являются традиционной основой построения идентичности, память о Великой Отечественной войне в России – единственное событие, которое не разделяет, но объединяет различные социальные группы, прежде всего – различные поколения».

В условиях идейной дезориентации современного российского общества, вызванной в первую очередь отсутствием государственной идеологии, память о Великой Отечественной фактически остаётся одной из немногих опор национального самосознания, его ценностным ядром. Оно отторгло многочисленные попытки, предпринятые в 1990-е годы, по ревизии оценок событий и итогов этой войны. При этом именно неформальная, наиболее устойчивая и менее всего поддающаяся идеологической обработке и пропагандистскому воздействию семейная память о войне вновь, как и в первые послевоенные годы, выходит на первое место среди других, как правило, формальных и институализированных инструментов сохранения исторической памяти. Яркое свидетельство этому – многомиллионные шествия по всей стране и даже за её пределами «Бессмертного полка» – потомков уже ушедшего из жизни фронтового поколения.

Особую социальную ответственность в преодолении тенденции «исторического беспамьяства» должна осознавать историческая наука и активно противодействовать разрушительным мифам, насаждаемым в первую очередь в СМИ. Особенно это относится к области военной истории, поскольку именно в ней народ всегда находил образцы стойкости и героизма, являющиеся морально-психологической опорой общества в условиях тяжелых социальных испытаний. Обращение к этим героическим символам прошлого даже в самые драматические периоды истории позволяло русскому народу сохранить национальное достоинство, гордость и оптимизм, веру в свои силы.

Символы приобретают значение самостоятельной социальной ценности, становятся предметом подражания в жизни и идеологическим инструментом: агитации, пропаганды и даже воспитания.

Что же такое героические символы и для чего они нужны обществу и власти в экстремальных военных условиях? Наибольшее число устойчивых символов возникло в период Великой Отечественной войны, причем каждому её этапу соответствовали свои символы. Примером для подражания становились: единоборство с превосходящими силами противника, удержание боевых позиций ценой собственной жизни (с гранатой под танк; вызов огня на себя; подрыв гранатами себя и врагов при угрозе плена); массовый героизм, коллективный подвиг (стойкость целых подразделений); акты самопожертвования, спасение товарищей ценой собственной жизни («грудью на амбразуру»); мученическая смерть под пытками в плену у врага, верность долгу и присяге перед лицом смерти; уничтожение врага таранным ударом при отсутствии иных средств ведения боя (воздушный таран); нанесение максимально возможного ущерба врагу ценой собственной жизни, отказ от возможности спастись (огненный таран); единство и дружба советских народов (подвиги многонациональных воинских коллективов; героизм бойцов разных национальностей); спасение боевого знамени и другой воинской и советской символики. Таковы основные типы подвигов, явившиеся содержанием героических символов «первого порядка», т.е. общегосударственного масштаба.

Героические символы породили феномен массового подражания, «тиражирования» образца-подвига. История знает сотни «матросовцев», «талалихинцев», «гастелловцев» и других героев, совершивших похожие подвиги. Это не значит, что аналогичное поведение было подражательным или «вторичным». Люди совершали подобные подвиги, даже не зная об «образце», многие – ещё до него.

В любом случае каждый подвиг – индивидуален и неповторим, как неповторима сама жизнь, которой жертвовали эти люди. Становясь «историческими», героические символы из преимущественно «служебных» и функциональных превращаются в ценностные, входят в устойчивую структуру народного сознания – историческую память. То, как воспринимается прошлое, особенно периоды тяжких испытаний страны и народа, определяет и их будущее. Исторический оптимизм, уверенность нации в способности преодолеть любые трудности, достойно выйти из экстремальных ситуаций, во многом опирается на историческую память, на опыт предков, которыми потомки могут гордиться и в представлении, о которых черпать свои силы.

В трудные времена народ ищет и всегда находит духовную опору в примерах из славного прошлого: «Если выстояли наши предки, то выстоим и мы. Они смогли, значит, и мы сможем. Мы – плоть от плоти и кровь от крови тех, кто сражался и победил. Будем же их достойны!».

Какое же место занимает память о Великой Отечественной войне в системе ценностей современной России и её граждан? На сайте ВЦИОМ хранятся данные социологических опросов, так или иначе затрагивающих тему Великой Отечественной войны, начиная с 2001 г. и заканчивая 2021 г., то есть за последние двадцать лет. Есть также краткий обобщающий аналитический обзор за предыдущее десятилетие – 1991-2001 гг. Таким образом, можно проследить эволюцию взглядов и представлений наших соотечественников за весь постсоветский период.

Вот лишь основные и самые значимые – и знаковые! – результаты.

Так, на вопрос «Как Вы думаете, мог бы Советский Союз победить в этой войне без помощи союзников или нет?» ответили «Думаю, что да» – в 1991 г. – 54%, в 2001 г. – 71%, в 2003 г. – 68%, в 2009 г. – 63% и в 2016 г. – 67%. Отвечая на вопрос «Кто внёс основной вклад в победу над фашизмом во Второй мировой войне?», «СССР» в 2009 г. назвали 87% опрошенных, в 2016 – 81%, а в 2020 – 69%. При этом оценка вклада США, Великобритании, Франции и Китая осталась примерно на одном уровне. Просто оценка вклада СССР в 2020 г. из раздела «основной» частично сместилась в раздел «значительный» (17%).

На протяжении ряда лет респондентам задавался один или близкий по формулировке вопрос: «Были ли среди Ваших родственников участники Великой Отечественной войны? Если были, то знаете ли Вы подробности их жизни в годы войны?». Как видно из таблицы, утвердительный ответ за всё время опросов с 2004 по 2021 год колебался между 83 и 91%. Среди старших поколений этот процент был стабильно выше, чем среди молодёжи.

23 июня 2020 г. опубликованы результаты опроса ВЦИОМ, приуроченного к празднованию 75-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне, под названием «Великая победа – главное событие в истории нашей страны в XX веке», из которого следует, что:

- абсолютное большинство россиян (95%) согласны с утверждением, что победа в Великой Отечественной войне является главным событием XX века для России.
- для 69% наших сограждан победа в 1945 году является важнейшим событием в отечественной истории. Среди них чаще так отвечали люди в возрасте 60+ (81%).
- почти три четверти россиян (73%) уверены, что победу в Великой Отечественной войне нужно использовать для патриотического воспитания молодежи.

В ходе ноябрьского опроса «Символы России» 63% россиян в 2018 г. и 69% в 2020 г. назвали Победу в Великой Отечественной войне историческим событием, которое сейчас объединяет россиян, о котором каждый из нас помнит и которое важно для всех.

Наконец, в апреле 2021 г. (год 80-летия начала Великой Отечественной войны) был проведен знаковый опрос «Великая Отечественная война в семейной памяти». Большинство россиян (88%) подтвердили, что их родственники принимали участие в Великой Отечественной войне

1941-1945 гг.: среди опрошенных 43% много знают об этом из рассказов близких и семейных архивов, 38% не знакомы с подробностями участия родственников в войне, 7% знают о том, что родственники воевали, но не имеют никакой информации на этот счет. Кроме того, 5% сообщили, что их родственники не участвовали в Великой Отечественной войне, а 6% ничего об этом неизвестно. Лучше всего с военной историей семьи знакомы россияне 45-59 лет (51%), 60 лет и старше (56%), а также жители Москвы и Санкт-Петербурга (51%) и граждане с высшим и неполным высшим образованием (50%). Реже других получали информацию на этот счет напрямую от родственников либо из семейных архивов наши соотечественники 18-24 лет и 25-34 лет (24% и 26% соответственно), а также граждане с неполным средним (14%) и средним образованием (32%). По мнению россиян, ключевая роль в победе нашей страны в Великой Отечественной войне принадлежит народу (64%), простым солдатам (57%), генеральному штабу (42%), И.В. Сталину лично (39%), полевым офицерам (29%), правительству страны (Совету народных комиссаров, 20%) и русской зиме (18%)

Таково состояние исторической памяти наших соотечественников о войне на сегодняшний день. Как мы видим, она сохраняет определённую устойчивость, несмотря на все попытки исказить и разрушить образ Великой Отечественной, которые с конца 1980-х годов предпринимались как внутри страны, так и за её пределами при помощи различных психологических манипуляций и самых современных информационных технологий.

В заключении приведём слова Президента РФ Владимира Путина, сказанные им во время Всероссийского открытого урока «Помнить – значит знать» 1 сентября 2020 г.: «Сохранение исторической памяти – это задача абсолютно государственной важности для того, чтобы, опираясь на эту память и на нашу героическую историю, уверенно двигаться вперед, в будущее. Мы не должны цепляться всегда за прошлое, но на основе этого прошлого, на основе этого фундамента должны создавать себе предпосылки для движения вперед. В этом весь смысл». Древняя восточная мудрость гласит: «Если будущее сложилось неправильно, прошлое изменится». За последние десятилетия мы наблюдаем многочисленные попытки и извне страны, и изнутри изменить наше прошлое, переписать историю в интересах враждебных России сил.

Сегодня, в условиях специальной военной операции Вооруженных сил РФ на Украине с поднявшим голову неонацизмом, память о Великой Отечественной войне и отношение к ней стали не просто опознавательным маркером «свой-чужой», но и одним из самых ожесточённых направлений гибридной войны коллективного Запада против России.

Это наглядно демонстрирует снос памятников советским воинам-освободителям в странах Европы, где уже всё идёт к возрождению фашизма. Они оскверняют и разрушают памятники – мы их восстанавливаем. Наша память о Победе в Великой Отечественной войне – тот самый последний рубеж, с которого нельзя отступить. Это не только опора в настоящем, но и точка сборки будущего. И пока наш народ удерживает этот рубеж обороны, остаётся надежда и шанс: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами!».

Источник: информационно-аналитическое издание фонда исторической перспективы СТОЛЕТИЕ (<https://707.su/WiV4>)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МОЛОДЁЖНОГО ПАРТИОТИЗМА В РОССИИ

Гуреев Максим Вячеславович, кандидат философских наук, доцент

Как неоднократно отмечалось многими исследователями советских и постсоветских лет, «содержание патриотизма зависит от конкретно-исторических условий жизни общества, его классов, политики господствующих групп, целей и задач, стоящих перед ними» [1]. Не стала исключением и та эпоха, в которую живём и мы с вами. Вдвойне актуальная тема для рассмотрения – «молодёжный патриотизм», ибо ему, в силу неестественного «омоложения» населения в нашей стране, суждено сыграть ключевую роль в будущем России.

Патриотизм – это, по определению, Любовь к Родине, а Любви нельзя научить. Можно лишь помочь людям раскрыть в себе этот безграничный и искренний потенциал Любви. «Патриотические» действия многие годы и многими людьми выполнялись на чисто автоматическом, механическом уровне – в силу слепого копирования, подражания той моральной среде, в которой они жили, либо из страха быть не таким, как все, и попасть в опалу со стороны государства. Это – не патриотизм, а его жалкое и лицемерное подобие. Прошли те времена, когда был актуален «Моральный кодекс строителя коммунизма» (официально закреплённый на XXI съезде КПСС в 1961 году), теперь мы имеем дело с культурно-идеологическим плюрализмом в стране. Это и хорошо, и плохо. С одной стороны, у общества нет единого консолидирующего стержня на уровне моральной идеологии, что негативно отображается на развитии социально значимой культуры, с другой, – налицо, кто – патриот, а кто – продажный предательский подонок. Как правило, нет родительского давления над личностью, нет страха перед правящей партией, нет гнёта религии, и т.д. Более или менее многие социальные акторы выражают себя искренно. Единственная, продолжающая оставаться актуальной мотивация для вранья и лицемерия, – желание обогатиться. Ради этого – материального или символического – обогащения люди (или уместнее именовать их иначе?) изворачиваются, как только могут.

Чем опасен механицизм в патриотических действиях? Добро является добром лишь в силу своей ОСОЗНАННОСТИ, ВЧУВСТВОВАННОСТИ. Добро не творится на «автопилоте» и не совершается из-под палки. Там, где есть страх и принуждение, там нет Любви к Родине. Нельзя заставить любить – можно лишь способствовать уважению, но далеко не под угрозами насилия. Любовь к Родине люди впитывают с молоком Матери, или даже раньше. Эта Любовь не берётся откуда-то извне, не привносится в жизнь индивида никем и ничем, кроме него самого. Подобное порождает подобное, яблоко от яблоньки недалеко катится – КАК ПРАВИЛО, а исключения только подтверждают правила. У предателей не рождаются благородные дети; у хороших родителей так или иначе появится ребенок, заимствующий часть их позитивных навыков и их богатого жизненного опыта на генетическом уровне.

В данном контексте интересен вопрос о специализации людей. «Все профессии важны, все профессии нужны», а является ли профессией – В ИСТИННОМ СМЫСЛЕ ЭТОГО СЛОВА – к примеру, коммерция? О каком патриотизме может идти речь, если создаётся ощущение, что треть страны стала, грубо говоря, торгашами? Торговцы... род деятельности, который во все эпохи и во всех культурах без исключения ПРЕЗИРАЛСЯ. Коммерция, по определению, – это извлечение выгоды, прибыли в финансовом смысле, и не более того. Это – не профессия, не специальность и, уж тем более, не повод для гордыни. Это – банальное желание обогатиться

в материальном плане за чужой счёт, узко понимаемый эгоизм. Торгаши порождают торгашей, а не патриотов. Это – аксиома, с которой будут спорить только сами торгошники (а таковые выявляют себя, свою мелочную натуру и в сфере образования, и в политике, и на лесозаготовках, и в медицине, и на стройках, и т.д.). С другой стороны, огромное значение имеет индивидуальное воспитание каждого индивида. Расхлябанные, разнузданные субъекты, воспитанные на таких фильмах и сериалах, как «Американский пирог» (США) или «Бригада» (Россия), пропитавшиеся насквозь их антиморальными идеями, НИКОГДА не будут патриотами.

«Отказ от коммунистической парадигмы воспитания, где на первое место выдвигалось идейно-политическое направление, повлек за собой игнорирование такой его составляющей, как патриотическое и гражданское воспитание. Замена в начале девяностых годов категории «воспитание» на «образование» привело к стыдливому замалчиванию почти на десятилетие таких общечеловеческих ценностей, как «Родина», «Отечество» и др., как в практике, так и в теории педагогики» [2].

Наша задача – отделить зёрна от плевел. Зёрна взрастить, шелуху – выкинуть. Те, кто постоянно ноет о том, что «за бугром»-де лучше и сытнее, пусть, не раздумывая, катится туда! Самый опасный враг – враг внутренний. Ждать от таких персонажей «исправления», того, что они возлюбят эту страну, – то же самое, что ждать от персикового дерева огурцов. Человеческая природа, или сущность, – это определённая совокупность динамичных и константных характеристик. Есть такие принципиальные константы, которые не изменятся за всю жизнь. Талантливые педагоги могут помочь раскрыться, но переделать кого-то – это, увы, не в их компетенции.

Многообразие мировых культур начинает вытесняться культурой общемировой, интернациональной, представляющей собой своеобразный винегрет, части которого далеко не всегда успешно соотносятся друг с другом в содержательно-смысловом плане. Кому-то такое «блюдо», несомненно, может показаться по вкусу, но пригодно ли оно для каждодневного употребления целой страной? Вполне естественно, что такая тенденция влечет за собой и социальные движения за «очищение» какой-либо национальной культуры от «примесей», на почве чего и вырастают современные националистические и псевдонационалистические партии. Однако, они, в свою очередь, зачастую сами представляют собой уродливые напластования одних символических структур на другие, причем нередко их среднестатистические представители сами не осознают предыстории формирования своих импульсов.

Например, что такое нацизм в не так давно минувшем XX веке? Это – извращённая смесь свастики (переработанной буддийской символики, имеющей аналоги и в славянской мифологии, – символ «солнцеворота»), неадекватных интерпретаций идей Ф. Ницше о «сверхчеловеке», «сверхлюдях», а также лженаучного учения Жозефа Артюра де Гобино об «изначальном» превосходстве одних рас над другими. В современном же национализме, если брать, например, российские реалии, ко всему вышеуказанному добавились ещё и такие элементы, как затирание важной исторической памяти о кровопролитной войне с приверженцами А. Гитлера в середине XX века, игнорирование явно враждебной и агрессивной, имеющей целью уничтожение всех славянских народов, политики,

использование таких иноязычных слов и словосочетаний, явно не имеющих ничего общего с нашими исконными славянскими корнями, как «skinhead», включение элементов ЛЮБОЙ агрессии (спортивной – футбольные и другие фанаты; социально ориентированной – ненависть к более богатым слоям населения; культурной – непонимание и нежелание понять тех, кто более культурно развит и усовершенствован), не имеющей других направлений своей реализации. [3]

Весьма интересно в этой связи посмотреть в прошлое нашей многонациональной страны. Вот как, например, описывает национальную ситуацию в Великой Руси (и её окрестностях) второй половины XI века историк Валентин Дмитриевич Иванов в своем романе-хронике: «Русский корень не боялся прививок, русский не чуждался иноплеменных. Стоял крепко на двух опорах, будто бы чуждых: на силе и на вольности. Никому не завидовал, ибо не сознавал себя обиженным, принужденным, несчастным – и не был таким. В Тмуторокани отличали своих от чужих не по говору, не по облику, не по вере, но тем, что ты для Тмуторокани? Друг или недруг? И русский обычай распространялся легко: добровольно, как образец» [4].

Получается, что сильный народ от инонациональных «прививок» становится только сильнее, слабый – слабее или даже гибнет. Главное – не то, кто вливается на славянскую территорию, а то – с какими чувствами и мыслями. Православный лучше поймет православного, бандит – бандита. Сейчас же мы видим ситуацию, сходную по некоторым параметрам с США: мигранты приезжают группами (или даже кланами) и – не стоит этого отрицать – могут весьма неуважительно относиться к национальным святыням России. Разумные люди могут сходиться с себе подобными и далеко за пределами своей национальной общины, родниться, брататься, способствовать процветанию страны. Неразумные – занимаются деструктивной деятельностью и на национальной, и на коммерческой почве.

Трудно не согласиться с тем, что «деидеологизация страны поставила перед образованием новые проблемы: отсутствие патриотических чувств (особенно у подрастающих поколений), незнание своих корней, своей культуры, неспособность понять и принять своеобразие иных культур. Маргинал – человек, находящийся вне всякой культуры, – становится типологическим представителем нашего общества. Поэтому сегодня всё более актуальным становится тезис о возрождении духовности, воспитании гражданственности и патриотизма, который тесно связывается с формированием национальных (патриотических) и интернациональных (общечеловеческих) чувств, необходимых для возвышения к ценностям человеческой Культуры» [5].

Весьма настораживала все последние годы ситуация с оттоком наших граждан в другие страны. Россия сейчас переживает далеко не лучшие времена, но это – не повод отказываться от Своей страны и «сваливать за кордон». Трудности были всегда, есть и будут. Иначе и быть не может: всё познаётся в сравнении, в том числе и Счастье. Например, мужчина, которому долгое время «не везло» в личной жизни, всё-таки находит Свою Вторую Половинку, если не отступает от своей сокровенной цели. То же самое и со всей страной. Не отчаивайтесь, славяне, мои братья и сёстры! За плечами наших предков многие трудные кровопролитные войны – негоже и нам ударить в грязь лицом перед ними! Сейчас, в XXI веке, когда территориально поделён уже весь мир, когда оружие массового поражения

способно уничтожить всю планету, идёт, главным образом, духовно-идеологическая война. Теперь воюют не только автоматами и гранатами. В данный момент происходит война за сознание человечества. У наших врагов теперь принято брать славян изнутри, отравляя их душу: так для них безопасней. Отток интеллигенции за границу из-за нищенской зарплаты здесь, «липовые» прозападные и американские интеллектуально-общественные фонды, воруемые наши идеи под ширмой благотворительности, многочисленные бесчеловечные зомбирующие секты, – это далеко не полный перечень того, с чем приходится бороться современному российскому патриоту нынче.

Создание полноценного менталитета во всех высокоразвитых культурах подразумевало использование моральных или нравственных кодексов. Моральный кодекс гражданина России, который необходимо чётко обозначить и обнародовать, – это моральный кодекс патриота. Я решил сформулировать моральные заповеди, которые приведут нас к победе. Их, как и основных заповедей Христа, тоже десять. Смысл их не нов, возможна лишь несколько иная их формулировка по сравнению с классической. Самое же главное в том, что их надо не только постоянно произносить, но и обязательно практиковать.

- 1) *На что себя настроишь, то и получишь.* (Если постоянно ныть «Россия в кризисе, она никогда не поднимется», то так и произойдёт. Если же поднимать дух патриотизма в стране, то поднимется и сама страна).
- 2) *Одно маленькое дело лучше тысячи пустых слов.* (Потому народ и перестал верить современным политикам, что они ограничиваются лишь красивыми лозунгами).
- 3) *Ничто не даётся сразу. Короткий путь – далеко не всегда самый верный.* (Может быть, некоторые бандиты и начинают свой путь самоутверждения богато и красочно, но большинство их заканчивает его либо с пулей в виске, либо на нарах. Нет ума – учись, нет денег – работай, и никуда от этого не денешься, если хочешь жить долго и плодотворно).
- 4) *Не только молись, но и трудись. Не надейся, а бейся!* (Как говорится, «на Бога надейся, а сам не плошай». Что толку надеяться на перемены к лучшему, если ты ради них палец о палец не ударил?!?).
- 5) *Даже самая длинная дорога начинается с первого шага.* (Что бы ты ни задумал, всегда надо делать решительный первый шаг. Второй шаг и последующие будут уже легче).
- 6) *Никогда не забывай о своём достоинстве.* (Россияне ничем не хуже остальных граждан мира, а по многим показателям даже намного лучше. Мы – самые красивые и самые умные на свете, мы – самые мужественные и великодушные. Мы богаче других по своим природным ресурсам. Нам лишь надо с уважением относиться к себе, не транжирить своё богатство зря. Это у нас должны просить милостыню, а не наоборот. Не бери в долг – будь полноценным хозяином своей судьбы).
- 7) *Делай всё по справедливости: добро за добро и зло за зло.* Если враг говорит: «На войне все средства хороши», если он без стыда попирает ногами наши святыни, то и мы должны отвечать ему тем же. Сострадай лишь тем, кто страдает тебе.
- 8) *В Дружбе и Любви иди до конца.* (Как бы ни было тяжело, никогда не предавай друзей, никогда не оставляй любимых).
- 9) *Широка Россия, а отступить некуда.* (Уступишь сегодня метр – завтра у тебя «оттяпают» километр. Поражение лепится к поражению, победа – к победе. Живи так, как будто сегодня последний твой бой. Не надейся на реванш, выкладывайся полностью, не жалея сил: второй жизни не будет).
- 10) *Мы непобедимы, пока мы едины!* Вместе мы – сила, порознь – слабость.

Не забывайте, что героями-патриотами не рождаются, а становятся. Проблема патриотизма в России целиком и полностью заключается в ментальных особенностях людей. Одна из проблем заключается в том, русские люди не привыкли себя любить и часто расплёскивают себя, свою энергию по всему остальному миру, что представители других наций далеко не всегда ценят. Космополитизм, о котором писали ещё поэт-классик А.С. Пушкин и многие русские философы XIX – начала XX вв., не всегда приемлем в контексте международных отношений нашей страны.

Как заметил один глубокомыслящий человек, «русский человек никогда не боялся умирать, теперь надо научиться не бояться ЖИТЬ». Это, действительно, так. Нельзя однозначно определить, кто бóльший герой: тот, кто сгорел в героическом подвиге в одночасье, или тот, кто продолжает кропотливо трудиться на благо Родины каждый день. Очевидно, стране нужны люди и с тем, и с другим типом решительности и самоотверженности.

Формирование гражданской позиции – это, прежде всего, формирование гуманистической позиции, основанной на самоценности человека. Трудно любить и уважать просто «страну», можно любить и уважать конкретных людей, а через них – свой народ и страну» [8]. Без позитивного личного примера старшего поколения младшие поколения вряд ли будут достойными преемниками в поднимании могущества и авторитета страны

Как справедливо отмечает С.Ю. Иванова, «в переломные эпохи, когда идёт смена ценностных ориентиров, меняются социальное положение и интересы всех слоёв и групп, патриотизм становится тем стержнем, вокруг которого группируются здоровые силы общества. Именно он придаёт смысл жизни и деятельности людей, помогает им объединяться» [10]. Вполне естественно функцию развития патриотизма в стране реализуют ВУЗы – храмы науки, без существования и развития которых утверждение Истины и Справедливости в этом мире невозможно. Получается, что, несмотря на весь лишний пафос и большое количество проблем, социальный кризис в России – это всего лишь очередная проверка на прочность, шанс в очередной раз отделить зёрна от плевел.

Подводя итоги, необходимо сделать акцент на том, что российский молодёжный патриотизм должен основываться не только на описанной широте души, но и на пронизательности разума. Однако, этот разум не должен трактоваться в технократическом смысле: сколь пагубен этот технократический подход для культуры, а вслед за ней и для цивилизации, учёные и философы уже давно установили и обосновали. Русские люди никогда не боялись отдавать свою жизнь за Свою Отчизну, не боялись умирать. Теперь нужно научиться не бояться ЖИТЬ, причем жить ДОСТОЙНО, БОГАТО (в согласии с БОГОМ), СЧАСТЛИВО.

Истинный патриот не живёт одним днём – он выстраивает стратегию и отыскивает перспективы. Патриот не боится терять сиюминутные вещи – он боится не найти смыслы. Главное – найти себя, осознать свою уникальную роль в истории Своей Страны.

Источник: <https://culturolog.ru/content/view/902>

РЕНЕССАНС ДУХОВНОСТИ В УНИВЕРСИТЕТАХ XXI ВЕКА

Безукладова Лариса Васильевна, кандидат философских наук, член Клуба ректоров Европы, член Оксфордского академического союза, Президент Международной общественной организации по развитию культуры и науки «Международная Академия духовных наук»

Новая стратегия университетского образования – приобщение к духовным основам человеческого бытия. В результате научно-технического прогресса человек получил небывалое развитие, утратив нравственную сферу, что привело к росту взаимного отчуждения людей, депрессии, эгоизму, жестокости, наркомании, бездуховности.

Ренессанс духовности университетов XXI века заключается в новой стратегии университетского образования, которая выходила бы далеко за рамки просветительского проекта Нового времени, ибо социальные реальности XXI века ставят иные задачи перед самой цивилизацией. Нравственный релятивизм, эгоцентризм, наркомания, дух потребительства, деградация высокой культуры и, напротив, повсеместное распространение «массовой культуры» - все это реалии истории, которые не могут не вызывать у всех, кто занят в сфере образования, глубокой озабоченности. Подобно тому, как в начале 2-го тысячелетия университеты взяли на себя культурно-историческую задачу вывести народы из тьмы Средневековья, так и сегодня, в начале 3-го тысячелетия, университеты (и, прежде всего, классические университеты) должны взять на себя новую важнейшую миссию.

А в чем же смысл этой новой миссии? Она, прежде всего, связана с ориентацией университетского обучения не только на получение научных знаний и технологий, но и на приобщение к духовным основам человеческого бытия. Немецкий философ Иммануил Кант поставил перед собой задачу найти новые универсальные основания духовного бытия людей, которые можно было бы положить в качестве общечеловеческой предпосылки цивилизационного развития [1]. Философ приходит к выводу, что в основу следует применить требования категорического императива, суть которого составляют три аксиомы:

- поступай так, чтобы правило твоего поведения могло стать правилом для всех;
- в своих поступках исходи из того, что всякий другой человек является высшей ценностью и его нельзя рассматривать как средство;
- все поступки человека должны быть ориентированы на достижение блага.

Проект немецкого мыслителя предполагал сделать нравственность доминирующим типом духовности. Возникает вопрос: возможен ли в современных исторических условиях возврат в той или иной форме к проекту Канта? Современный антропологический кризис подталкивает нас к однозначному выводу: либо человечество решительно изменит стратегию, отдавая приоритет духовному измерению, либо кризисные процессы будут приближать нас к роковой черте. Поэтому, хотим того или нет, необходимо серьезно задуматься о поисках новых стратегий. Это в полной мере касается и сферы университетского образования. В таких начинаниях нужна осторожность и историческая мудрость. По-видимому, назрела необходимость, помня об уроках Канта, разработать и внедрить в жизнь нечто вроде Большого проекта «Этического гуманизма». Хочу отметить, что проект такого рода в настоящее время разрабатывается ведущими учеными Международной Академии духовных наук Международной общественной организации по развитию культуры и науки.

Когда в XVIII веке британский философ Фрэнсис Бэкон (Francis Bacon) провозгласил лозунг «Знание - сила», он, разумеется, не сделал открытия. Эта истина была известна всем древним цивилизациям, которые хранили сведения об окружающем мире гораздо тщательнее, чем золото или алмазы. Древние храмы, монастыри и специально подготовленные люди служили тому, чтобы знания не оказались в руках «непосвященных». И это было еще тогда, когда информация о свойствах окружающего мира не была потенциально способна в руках людей нанести беды планете, нарушить генетический потенциал человечества, изменить климат на Земле и т.п.

Но знание, о котором говорил Бэкон, радикально отличается от знаний предшествующих эпох. Во-первых, это знание является научным (в современном смысле этого слова); во-вторых, благодаря своей технологической рациональности оно способно служить средством господства человека над природой; в-третьих, это знание переживало процесс интенсивного роста как в качественном, так и в количественном отношении; в-четвертых, это знание было обращено к широким слоям населения, оно становилось массовым и демократическим.

Благодаря своим новым качествам знание становится силой в новом социокультурном смысле слова. Соединившись с техникой, с производством оно обеспечило небывалые темпы научно-технического прогресса, преобразив лик планеты. «Знание – сокрушительная сила» – вынуждены констатировать наши современники. И обладают им нынче не только профессионалы, делающие свое нужное для общества дело, но и люди, не связанные никакими нравственными ограничениями. Тем не менее ныне мы вынуждены констатировать, что просвещенный индивид не стал более счастливым, а окружающий мир – более безопасным и гармоничным. Почему это произошло?

И здесь мы вновь обращаемся к этическим идеям Канта. Ключевая мысль философа может быть афористично сформулирована так: «Нравственность – сила». Высокие ценностные ориентации людей, гуманистическая направленность любого социального или технического замысла, действия, поступка – неременная составляющая подлинного прогресса. Лишенное нравственного фундамента образование, любое знание, вынесенное за скобки морального измерения, способны превратить силу в беспомощность, породить страх, создать риски. Братоубийственные войны, экологические и экономические кризисы, террористические атаки, техногенные катастрофы, угрожающие самой жизни на Земле, - все это порожденные человеком качества бездуховности, с которыми он часто не в силах справиться.

Проблема осмысления духовности – одна из важнейших проблем человечества. Актуальность её связана с переломными периодами развития общества, в моменты обострения конфликтов, когда встаёт вопрос о смысле и цели существования. Поиск смысла жизни, преодоление извечного противоречия между «иметь» или «быть» присущи личности, обладающей особым интегративным качеством – духовностью, несущей идеи альтруизма, креативности, любви, надежды, сострадания.

Имеются существенные расхождения в определении понятий «духовность», «духовное развитие», «духовные способности личности», отсутствуют четкие концептуальные основы духовно-нравственного воспитания. Воспитание духовной сферы студентов до сих пор не

стало центральным звеном педагогического процесса в учебных учреждениях; не выявлены условия, средства, методы воспитания духовности; не уточнено сущностное содержание процесса воспитания духовности. Отечественная педагогика на протяжении десятилетий утверждала, что главное в воспитании – «целенаправленное воздействие» педагога на студента с целью «привития» ему социально-требуемых норм. На практике результатом целенаправленного воздействия, организованного идеальным образом, стал рост бездуховных проявлений жизни: пассивность или показная активность молодежи, рост неискренности и двойной морали.

Духовность на уровне представления является образом субъективности, а именно: «Духовность – это стержень внутреннего мира человека, результат проявления его воли к власти над собой, возможность смотреть на мир по-иному, чувствовать его по-другому, принимать активное участие в его конструктивном преобразовании с ориентиром на обеспечение блага, сохраняя совесть и честь, чувство солидарности и справедливости». Ученые отмечают: «Духовность – это определённый тип отношения человека к природе, обществу, другим людям, к самому себе; индивидуальная выраженность человека в системе его мотивов жизнедеятельности; потребность в познании мира, себя, смысла и посвящении своей жизни, так как новое понимание – это осознание того, что сам человек себя не придумал, что при рождении ему даются исходные моменты, которые человек изменить не может: родители, место рождения, принадлежность к той или иной расе».

Преподаватели и студенты, которые могут правильно оценить и понять чувства и эмоции другого человека, уже начинают решать проблему интеграции всех ключевых ценностей духовности, объединив возможности морали (добро); нравственности (благо); искусства (красота); политики (солидарность); права (справедливость); религии (трансцендентное), философии (метафизика); науки (истина). Они же являются базовым основанием духовности. Духовное воспитание молодежи лежит в основе любых поступков человека, формирует облик его личности, определяет его систему ценностей и характер. Ключевые ценности духовности работают только в единстве.

Президент Российской Федерации В.В. Путин отметил: «Быть сильной России помогают русский язык, традиции, культура, наука, а также истинные ценности - честность, патриотизм, доброта, мужество, стойкость, ответственность и чувство долга, которые прививала семья».

Духовна ли современная цивилизация? Духовна ли современная наука? Духовно ли современное образование? Эти вопросы кажутся беспредметными, бессодержательными, если не согласиться с мыслью о том, что человек по природе своей нацелен на высшие, как говорит М. Хайдеггер, метафизические ценности. И тогда заданные вопросы приобретают такой характер: «Соответствуют ли природе человека современное общество, культура, образование?» Само знание здесь остаётся за скобками, ибо оно, когда речь идет о духовной сфере, – не цель, а инструмент, средство, способное быть обращенным как во благо, так и во вред. «Вернем душу науке». Пришло время гармонично объединить в пространстве современной культуры ученого, мудреца и святого.

Источник: <https://clck.ru/3AnP53>

ТРИ ВИДА ПАТРИОТИЗМА: В ЧЁМ ОТЛИЧИЯ?

Гордякова Ольга Владимировна, кандидат психологических наук, профессор кафедры социальной психологии НОЧУ ВО «Московский институт психоанализа».

«Дом там, где тебе хорошо» или «Родину не выбирают»? «У нас то правительство, которого мы заслуживаем» или «Это все происки врагов»? Что считать патриотизмом: верность Отечеству или разумную критику и призывы учиться у более развитых стран? Оказывается, патриотизм патриотизму рознь.

Несколько лет назад мы в Московском институте психоанализа начали проводить глобальное исследование понятия патриотизма. Участники отвечали на вопросы, выражая своё отношение к утверждениям типа: «Понятие патриотизма для меня очень важно», «Многим, что у меня есть, я обязан моей стране», «Меня раздражают люди, которые плохо говорят о моей стране», «Мне безразлично, если за границей ругают мою страну», «Руководство любой страны, призывая к патриотизму, лишь манипулирует человеком», «Любить страну, в которой живешь, можно, если она тебя ценит» и так далее. Обработывая результаты, мы выделили три типа патриотического поведения: идеологический, проблемный и конформный.

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПАТРИОТИЗМ: «Я ДРУГОЙ ТАКОЙ СТРАНЫ НЕ ЗНАЮ»

Эти люди всегда на виду и не упускают случая продемонстрировать патриотизм, равно как и «воспитать» его в других. Сталкиваясь с непатриотическими взглядами, реагируют на них болезненно: «Покупаю только российское», «Никогда не откажусь от своих убеждений, готов пострадать за идею!». Такой патриотизм — плод политической рекламы и пропаганды в условиях сильного социального давления и информационной неопределенности. У идеологических патриотов между собой много общего.

Как правило, такие люди сильны не столько эрудицией, сколько практическими навыками. Они допускают лишь одну точку зрения, не считая, что на настоящее или прошлое страны можно смотреть по-разному. Чаще всего они подчеркнута религиозны и во всём поддерживают власть (и чем сильнее позиция власти, тем ярче они проявляют свой патриотизм). Если же власть меняет свою позицию, они с той же легкостью принимают тенденции, с которыми ещё недавно активно боролись. Однако, если сама власть меняется, они придерживаются старых взглядов и переходят в лагерь оппозиции новой власти. Их патриотизм — это патриотизм веры. Такие люди не способны выслушать оппонента, часто обидчивы, склонны к чрезмерной морализации, агрессивно реагируют на «ущемление» чувства их собственного достоинства. Идеологические патриоты везде ищут внешних и внутренних врагов и готовы с ними бороться.

Сильные стороны идеологических патриотов — стремление к порядку, умение работать в команде, готовность пожертвовать личным благополучием и удобствами ради убеждений, слабые — низкие аналитические способности и неумение идти на компромиссы. Такие люди верят, что ради создания мощного государства необходимо идти на конфликты с теми, кто этому препятствует.

ПРОБЛЕМНЫЙ ПАТРИОТИЗМ: «МОЖЕМ ЛУЧШЕ»

Проблемные патриоты редко публично и с пафосом говорят о своих чувствах к родной стране. Куда больше их волнует решение социально-экономических проблем. Они «болеют душой» за всё, что происходит в России, у них остро развито чувство справедливости. В глазах идеологических патриотов такие люди, конечно, «вечно всем недовольны», «не любят свою страну» и вообще «не патриоты».

Чаще всего такой тип патриотического поведения присущ интеллигентным, хорошо образованным и нерелигиозным людям, с широкой эрудицией и развитыми интеллектуальными способностями. Они работают в сферах, не связанных с большим бизнесом, большой политикой или высокими государственными должностями. Многие из них часто бывают за границей, но предпочитают жить и работать в России. Им интересна культура разных стран — в том числе и своей собственной. Они не считают свою страну хуже или лучше других, но критически относятся к властным структурам и считают, что многие проблемы связаны с неэффективным управлением. Если идеологический патриотизм — следствие пропаганды, то проблемный формируется в ходе аналитической работы самого человека. Он основан не на вере или стремлении к личному успеху, а на чувстве долга и ответственности.

Сильные стороны людей такого типа — критика в собственный адрес, отсутствие пафоса в высказываниях, умение анализировать ситуацию и видеть ее со стороны, способность слышать других и умение считаться с противоположными точками зрения. Слабые — разобщенность, неумение и нежелание создавать коалиции и объединения. Одни уверены, что проблемы могут разрешиться сами без активных действий с их стороны, другие верят в изначально «позитивную природу человека», гуманизм и справедливость.

В отличие от идеологического патриотизма, проблемный патриотизм объективно наиболее эффективен для общества, но часто критикуется властью.

КОНФОРМНЫЙ ПАТРИОТИЗМ: «ФИГАРО ТУТ, ФИГАРО ТАМ»

Конформный тип патриотического поведения проявляют те, кто не испытывает особо сильных чувств к родной стране. Однако считать их «непатриотами» нельзя. Общаясь или работая бок о бок с идеологическими патриотами, они могут искренне радоваться успехам России. Но выбирая между интересами страны и личными интересами, такие люди всегда выбирают личное благополучие, никогда не забывают о себе.

Часто такие люди занимают хорошо оплачиваемые руководящие посты или занимаются предпринимательской деятельностью. У некоторых есть недвижимость за границей. Лечиться и учить своих детей они тоже предпочитают за рубежом, а если представится возможность эмигрировать, не преминут ею воспользоваться. Они одинаково легко приспосабливаются к ситуации, когда власть меняет своё отношение к чему-либо и когда меняется сама власть. Их поведение — проявление социальной адаптации, когда «патриотом быть выгодно, удобно или принято»

Сильные стороны — исполнительность и законопослушность, слабые — быстрая смена убеждений, неспособность пожертвовать личным ради интересов общества или вступить в конфликт с окружающими для решения не личной, а общественной проблемы. Именно к этому типу относится большинство респондентов, которые приняли участие в исследовании. Так, например, некоторые участники, студенты престижных московских вузов, активно демонстрировали идеологический тип патриотизма, а потом проходили стажировки за границей и говорили о том, что хотели бы эмигрировать за границу, чтобы реализовать свой потенциал «с пользой для Родины, но за её пределами».

Так же случалось и со вчерашними проблемными патриотами: со временем они меняли установки и говорили о желании переехать за границу, потому что их не устраивали изменения в стране, которые заставляют их «отказаться от активной гражданской позиции», и понимание того, что они не способны изменить ситуацию в «лучшую сторону».

ТЛЕТВОРНОЕ ВЛИЯНИЕ ЗАПАДА?

Идеологические патриоты и власть уверены, что интерес молодежи ко всему зарубежному снижает патриотические настроения. Мы исследовали этот вопрос, в частности — связь типов патриотизма с оценками произведений зарубежной культуры и искусства. Мы предположили, что увлечение западным искусством может негативно влиять на чувство патриотизма. Испытуемые оценивали 57 зарубежных и отечественных художественных фильмов 1957–1999 годов, современную зарубежную и российскую поп-музыку. Оказалось, что отечественное кино участники исследования оценивают, как «развивающее», «утончённое», «расслабляющее», «информативное» и «доброе», а зарубежное — в первую очередь, как «отупляющее» и «грубое», и только затем — как «захватывающее», «крутое», «увлекательное», «вдохновляющее» и «приятное». Высокие оценки зарубежного кино и музыки никак не связаны с уровнем патриотизма испытуемых. Молодые люди способны адекватно оценить, как слабые стороны зарубежного коммерческого искусства, так и его достоинства, оставаясь при этом патриотами своей страны.

ЧТО В ИТОГЕ?

Идеологические, проблемные и конформные патриоты — на эти категории можно разделить людей, живущих в России. А как быть с теми, кто уехал и издалека продолжает ругать свою Родину? «Как был «совок», так и остался», «Что там делать? Нормальные люди все уехали...» Становится ли добровольный эмигрант патриотом новой страны? И, наконец, останется ли тема патриотизма актуальной в условиях мира будущего? Время покажет.

Источники: <https://www.psychologies.ru/standpoint/tri-litsa-patriotizma/>

МЫ ПРИТЯГИВАЕМ В СВОЮ ЖИЗНЬ ВСЁ ТО, О ЧЁМ ДУМАЕМ

Беседа со священником Максимом Золотухиным, настоятелем храма святых Новомучеников и Исповедников Российских

Отец Максим, В.В. Розанов в свое время написал: «Сущность молитвы заключается в признании глубокого своего бессилия, глубокой ограниченности. Молитва – где «я не могу»; где «я могу» – нет молитвы». Как бы Вы прокомментировали эту розановскую фразу?

Хорошая фраза. Мне нравится такой пример: верующий человек как ныряльщик с дыхательной трубкой, где вера является связующим с жизнью звеном, каналом к Началу жизни. Я думаю, что эта фраза о том, что я совершенно бессилен без этой поддержки, без этой помощи. А уж если я чувствую в себе силы, мощь, могущество, здоровье, мне Бог и не нужен.

К Богу не приходят от безделья, от праздности, от нечего делать, приходят, от большой скорби. И эта скорбь – посещение Божье. Когда появляется боль, тогда звучит настоящая молитва.

«Люди, которые никуда не торопятся – это и есть Божьи люди. Люди, которые не задаются никакой целью – тоже Божьи люди». Вот такая парадоксальная фраза. Как бы вы могли прокомментировать и её.

Я тут вспоминаю своего духовного наставника, который говорил, что люди, которые живут спокойно, подобны самолёту. Самолёт вроде летит тихо, а скорость огромная. Действительно нужно успокоиться, помолиться, чтобы Господь управил всё. А второе утверждение про цель мне трудно прокомментировать. Конечно, хотелось бы понять, что автор понимал под целью. У нас ведь у всех есть своя цель: и ребёнка воспитать – цель, и храм построить – цель, и бороться со злом – цель. А если цели убрать, то, как без них жить?

Вот интересно как В.В. Розанов говорил о молодежи: «Как я отношусь к молодому поколению? Никак. Не думаю. Думаю только изредка. Но всегда мне его жаль. Сироты». Когда вы смотрите на молодое поколение, какое отношение к этому поколению испытываете лично вы?

Очень неоднозначное. Молодежь очень разная.

Расскажу один случай. Я преподавал основы религиозной культуры и светской этики в средней школе. Прихожу, а весь класс стоит на ушах. Я не могу понять, в чём дело. Оказывается, в класс попал ребенок, мягко говоря, расторможенный. А этого ребенка я раньше знал, и сразу понял, что случилось с детьми. Стоит только одному плохому примеру появиться, он тут же всех заражает. Ложка дегтя портит бочку меда, но едва ли ложка меда улучшит бочку с дёгтем.

Вообще, дурной пример заражает моментально. Зло распространяется очень быстро. Заметьте, как трудно учатся новые слова, когда ты изучаешь иностранный язык, и как быстро дети начинают сквернословить, лишь только услышат дурную речь. По мнению

Иоанна Златоуста Господь разделил языки при строительстве Вавилонской башни, дабы уменьшить скорость распространения зла.

А сегодня зло объединено ещё и глобальной сетью Интернета. Любой разврат, любой грех распространяется и усиливается моментально по всему миру. В этом плане молодое поколение сегодня безоружно. И, с одной стороны, – это катастрофа. Они видят и знают всё.

А с другой стороны, по сравнению с моим поколением, которому сейчас 50 лет... Когда я учился в школе, мы были удивительно жестокими и циничными. А сегодня, общаясь со школьниками, я вижу, что современные дети намного лучше, чище, добрее нас. У них, правда, есть один существенный недостаток – отсутствие силы воли, сопротивляемости злу.

Тогда у людей был какой-то стержень. Скорее всего, этот стержень дети теряют из-за современных, в том числе цифровых, технологий, которые порождают бессилие перед своими слабостями и страстями: всё что хочешь, можешь прямо здесь и сейчас увидеть, все свои интересы, в том числе самые низменные, удовлетворить.

И ещё один важнейший момент сегодня, к сожалению, упущен. У детей абсолютно нет любимых героев. Когда задаёшь классу вопрос: «Назовите своих любимых героев», то слышишь в ответ имена лишь фантастических вымышленных персонажей. Это может быть и Бэтмэн, и Лунтик, и Снегурочка, но они совсем не знают Валерия Чкалова, Александра Матросова, Александра Невского, Дмитрия Донского. А если и слышали, то не на них хотят походить, а на мультяшных фэнтэзи-персонажей.

Но есть и огромный плюс – нет той жестокости и цинизма, благодаря тому, что сегодня открыты Православные храмы. Господь через верующих людей даёт всем понятие о добре и зле.

Когда умножился грех, стала избиловать благодать (Рим.5:20).

И зло увеличивается, и добро растёт. А что касается сегодняшних детей, то я вижу явные позитивные сдвиги.

Раз уж мы про Интернет заговорили, то тогда я зачитаю следующую цитату: «Когда я хочу быстро понять человека, мне достаточно лишь взглянуть на его книжную полку». Это просто расхожая фраза?

Когда приходишь освещать квартиру, как правило, у пожилых людей есть стенка (или книжная полка), а в ней есть подборка священных книг, а есть что-то и по гаданию, по астрологии, гороскопы различные. Всё подряд. И становится понятно, что у человека в голове. Верующий знает, что все эти издания про черно-белую магию, астрологию – это бесовство. Спать тяжело, когда дома такие книги. Поэтому я не могу не согласиться с этой цитатой.

Далее я произнесу три фразы, они об одном и том же, но выражены разными словами. Первая: «Мы притягиваем в свою жизнь всё то, о чём думаем». Вторая: «Чтобы привлечь что-то в свою жизнь, представь, что оно там уже есть». И третья: «Если вы

хотите иметь то, что никогда не имели, – начните делать то, что никогда не делали». Правда, что, приходя в храм, нужно перестраивать всю свою жизнь: думать по-новому, менять свои представления о насущном и вечном, делать то, чего до этого никогда не делали?

Очень часто оказывается, что человек прожил большую, насыщенную жизнь, занимал ответственный пост, пользовался авторитетом. Потом пришёл в храм и осознал, что нужно полностью себя поменять. Женщина, которая энергично искала мужского внимания, поняла, что иметь три-четыре брака за спиной, – это не признак женского счастья, а скорее показатель неспособности с первого раза создать крепкую дружную семью.

Мужчина, который считал, что наличие любовницы является необходимым атрибутом успешного человека, понял, что по-настоящему не любит ни одну, ни вторую. И вот теперь этот человек, воспитанный на примере голливудских блестящих героев, осознаёт, что его обманули, что сверкающая внешняя жизнь подобных киношных звезд несёт в себе глубокую духовную трагедию. Он начинает понимать, что любить и быть любимым можно только в одной семье. Где ты хранишь верность, и где хранят верность тебе. Где дети уверены, что никогда ни папа, ни мама не уйдут в другую семью. Потому, что так сказал Бог.

Посему оставит человек отца своего и мать и прилепится к жене своей, и будут два одною плотью, так что уже они не двое, но одна плоть. Итак, что Бог сочетал, человек да не разлучает. (Мк.10:7-9).

И для меня самое большое чудо, когда человек из зверя становится подобием Божиим. Радость приходит в сердце.

Образ мысли же действительно долго меняется. Кроме стрессовых ситуаций.

Я вам одну удивительную вещь расскажу. Как я пришел в церковь.

Мой папа интересовался парапсихологией и был известным в городе экстрасенсом. Своими знаниями он охотно делился. Для этого он проводил свои курсы, в начале 90-х годов. На этих занятиях обучающиеся охотно занимались «открытием третьего глаза», «чисткой чакр», телепатией и прочими экзотическими штучками. И окончилось тем, что отец сказал: «Представляешь, я видел чудо, как человек приходит в храм чёрный, а выходит сияющим как солнце». А храмов тогда в Кемерово было не много. Поставили обычный вагончик, сверху водрузили «луковицу»-купол и из журналов вырезали иконы. И так и ходили, и молились.

И вот он сказал сходить мне исповедоваться и причаститься. Я не верил тогда в это всё, но пошел. Я пришёл и думал, какие грехи бывают и сказал батюшке, что у меня занижена самооценка (*смеётся*). А он мне начал рассказывать про самую настоящую любовь. Был обычный разговор. Я пришёл домой, отчитался отцу, что, мол, ты хотел, чтобы я ходил, я ходил. Но после этого я проспал наверно целые сутки. И когда проснулся, мне так стало хорошо, пришла в сердце радость, тишина и безмятежность. Что произошло, я не понимал, и подумал, что это просто самовнушение.

Приехал в Красноярск, зашёл в храм, и попал на службу. Служил батюшка Алексей Третьяков, Царствие ему Небесное. Мне было лет 25, а ему на тот момент лет 20. Я подумал, что батюшка совсем молоденький, неопытный. Я подошел, исповедался.... И тогда случилось ещё большее потрясение, и ещё радостней стало на душе. То состояние может передать лишь поэзия Пушкина:

*И внял я неба содроганье,
И горный ангелов полет,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье.
(Пророк. Отрывок).*

Было таинство церковное, которое всё поменяло, и я понял, что больше отсюда никуда не уйду. Нашёл я то, что искал. И все эти «духовные практики», «ауры», «линии Хартмана», «подвижные звёзды Тамары Глоба», «потoki чистой энергии», «чакры» – всё то, что было центром моей жизни, превратилось в бессмысленную чушь. Многолетнее хождение по кругу ничего, кроме всепоглощающей гордыни, мне не дало.

И вот начался другой поиск. Поиск любви. Любовь – это и служение, и жертва, и божественный дар.

К вопросу об образовании. Строка в служебную характеристику: «понимает гораздо больше, чем должен понимать офицер в отставке, чтобы счастливо прожить свою жизнь». Строка в автобиографию: «я не больше и не меньше образован, чем всё мое невежественное поколение». Насколько действительно необходимо образование для верующего человека. Возможно, достаточно знать «Верую» и «Отче наш»?

Есть такая фраза у св. Иоанна Златоуста: «когда человек выздоравливает, у него появляется аппетит». Точно также, при выздоровлении души желание к познанию Священного Писания (узнавать, читать, говорить о Боге) увеличивается. Но это желание у всех разное, поскольку и люди разные.

Однажды пришёл ко мне человек, и я понимаю, что я не могу с ним разговаривать, потому что мне мешает моё образование. Он на меня смотрит и говорит: «Я простой сварщик, ты меня просто крести и всё. Я в Бога верю, что ты ещё хочешь от меня». И я понимаю, что он верит, что он пришёл ко Христу. Я понял, что вера его близка к вере мучеников, но рассуждать о церковной догматике это не его. Для таких людей очень хорошо укрепляться примером жизни и блаженной кончины наставников наших по вере.

Поминайте наставников ваших, которые проповедали вам слово Божие, и, взирая на кончину их жизни, подражайте вере их. (Евр.13:7)

Вот вы мне сегодня задаёте вопросы в виде цитат великих людей, а они выше моего познания. И тут ответ, наверное, такой: все разные, но наша вера, она для всех. К каждому можно найти подход: от простого человека до учёного.

Наша цель всех привести ко Христу. Сегодня церковь имеет много мудрых мужей, пусть каждый найдет себе веру по силе. Пусть умный умно верует, а простой просто.

Ваше отношение, отец Максим, к следующим цитатам: «Лучший друг, вероятно, получит лучшую жену, ибо хороший брак покоится на таланте и дружбе»; «При вступлении в брак нужно ставить себе вопрос: полагаешь ли ты, что ты до старости сможешь хорошо беседовать с этой женщиной? Все остальное преходяще, но большая часть общения принадлежит разговору»; «Если бы супруги не жили вместе, хорошие браки встречались бы чаще». Эта тема действительно сложная и важная, так ведь?

Для меня было большим удивлением, что в Греции не причащают людей, которые живут не венчанным браком. И действительно, что мешает верующим людям повенчаться? Только неверие одного из супругов.

По Апостолу Павлу «неверующий муж освящается женою верующею, и жена неверующая освящается мужем верующим». Здесь имеются ввиду наставления и поучения от верующего супруга к принятию веры и последующего крещения второго супруга. И тогда следующий шаг к семейному совершенству – венчание брака.

Когда вы задаёте вопрос: насколько личное общение скрепляет брак, то, скорее всего, любовь к Богу производит и соответствующие беседы. От избытка сердца глаголят уста. Через взаимные речи эта любовь изливается на супругов.

А если разобраться ещё подробнее, то вот, что мы видим. По Апостолу Павлу – «Любовь не бесчинствует». Что это значит? А это значит, что пока мы не узнаем друг друга в личном общении (разговоре, умении вести себя в обществе, с друзьями) мы не делаем следующего шага.

То есть сначала молодые люди должны пройти этап знакомства, чтобы понять смогут ли они любить друг друга без постели, потом уже знакомимся с родителями, и потом, когда родители благословляют нас на брак, мы идём, ставим штамп в паспорте, и только потом венчаемся. Всё постепенно. Представляете, какой это длительный процесс. А у нас сегодня сначала последнее (блуд), а до «потом» (знакомство с родителями, регистрация брака, венчание в храме) у многих не доходит. Поэтому так много разводов.

Я соглашусь здесь, что истинная любовь показана через общение, от сердца к сердцу, которая идёт через слово и Слово.

Заканчивая нашу встречу, давайте обсудим фразу Марлен Дитрих: «Нет ничего более страшного, чем активное невежество».

Здесь речь идёт о смирении.

Если человек мудрый, он не будет себя навязывать, он поймет, что «он знает, что ничего не знает». Чем больше область познанного, тем больше область непознанного.

А невежество... оно как раз от отсутствия смирения, от желания показать себя, от гордыни и тщеславия.

Спасибо, отец Максим, за такой содержательный разговор!

ВСЁ, ЧТО НЕ СЛУЧИТСЯ, ВСЁ К ЛУЧШЕМУ

Разговор с Ириной Долгушиной, руководителем медиагруппы «Столица 24»

Ирина Васильевна, протоиерей Андрей Ткачёв, цитата: «По телевизору идёт вечерняя информационная программа. Уже рассказано о новостях в стране и за рубежом, уже подошло время новостей спортивных и прогноза погоды. Диктор произносит импровизированный или заученный слоган типа: «Как будут развиваться события, покажет «Время», – и вдруг неожиданно добавляет: «Не забудьте помолиться на ночь, поскольку мы не знаем, проснемся ли утром». Возможно, в аптеках исчез бы валидол, раскупленный на следующее утро либералами и атеистами. Но, поверьте, это было бы интересно, а главное, знаково». Как вы можете прокомментировать данную цитату, с учётом вашего большого опыта работы на телевидении.

Давайте будем исходить из того, что, на мой взгляд, то, что Вы сейчас процитировали – это своеобразная провокация. Я Вас сейчас слушала и вспомнила небезызвестного Стива Джобса. Это человек, которого знают все, который нам всем положил в карман Интернет. Человек, который ушёл гораздо раньше, чем хотелось бы. Человек, которого одни считают гением, другие деспотом и сволочью в общении с окружающими. Это к вопросу об объективном или субъективном. Помните его изречение: «Смерть – это лучшее изобретение жизни». Это говорил человек, который знал, что через месяц или два уйдёт, поскольку Господь дал ему информацию о том, когда он уйдёт. Он умирал, умирал тяжело и при этом выступал перед студентами, где и сказал гениальную, на мой взгляд, фразу, которая даёт всем нам веру в то, что жить надо на полную катушку и радоваться жизни, не боясь смерти.

Но ведь, как говорил один известный юморист, «это штучка для понимающих».

Нет. Я не хочу так делить людей. Мой зять, например, мусульманин, но он из той породы людей, которые говорят, что им не нужны никакие религии, что Бог есть и он един. И как он выглядит, как его называют – это неважно. Он говорит: «Это нечто, в которое я верю, и которое все время за мной наблюдает и не позволяет делать то, что мне не положено». Опять повторяюсь, что это интимно и субъективно. Нельзя превращать такие глубинные темы, размышления о жизни и смерти в некий формат ежедневного, особенно новостного, легкого жанра. Это должно быть как подарок. Пусть этого будет не очень много в нашей жизни, но пусть люди сами к этому приходят.

Вторая цитата из о. Андре: «Если вера не занимает главное место в нашей жизни, значит у нас её нет. Эта фраза вертелась однажды у меня в голове, в то время как руки крутили руль автомобиля. На багажниках машин, ехавших впереди меня, то и дело попадались игривые наклейки вроде «Тише едешь – меньше должен» или «Не едь за мной. Я заблудился». Прочтёшь, улыбнёшься и едешь дальше. И вдруг читаю неожиданную надпись: «Господи, благослови того, кто едет за мной». И стало хорошо на душе. Тихо на душе стало, хотя дорога в четыре ряда была плотно заполнена рычащими автомобилями». Тут вопрос как люди в бытовой жизни обращаются друг к другу. У нас СМИ и Интернет пестрят довольно агрессивными вещами. Почему агрессия преобладает?

Мы опять с вами обращаемся к жизни, которая очень разная. Вы сказали про агрессию. На самом деле жизнь, в которой есть маркетинг, она предполагает некий агрессивный

подход, иногда прямое навязывание. Я бы сказала, что политика – это тоже агрессия и навязывание своего мировоззрения, своей позиции. Поэтому мы не можем с вами быть против агрессии как таковой. Потому что она может быть как негативной, так и позитивной. Например, благотворительность. Она ведь тоже по большому счету бывает агрессивной, когда говорит, «срочно нужны деньги, иначе ребенок умрет». Или, например, информация о трагедиях, которая должна вызывать сопереживание.

Но иногда мы ловим себя на мысли, что мы к этому привыкаем. Возьмём нашего президента. Я безусловно люблю своё Отечество, свою Родину, но я сложно отношусь к любой форме государственной власти. Невозможно любить машину насилия, инструмент насилия. Но я уважаю государство как знаковый социальный институт и тех, кого от моего имени назначают «на царство», на управление этим институтом. Да, Путина считают сейчас агрессором. Но он нормальный мужик, который умеет убеждать, умеет навязывать свою волю, принимать точные решения. Убеждение, воля, решимость – вот вам и вся агрессия. Я за такую агрессию!

Ткачёв утверждает: «Мирянин может проповедовать. Особенно если батюшка молчит. Он хочет говорить, но не умеет. Научился бы, если бы захотел, но он боится. В таком случае ему можно готовить к проповеди своих мирян, своих прихожан, которые способны сказать слово перед литургическим собранием. Что для этого надо?». Вопрос к вам – знаете ли вы таких людей?

Непростой вопрос. Во-первых, люди всегда хотят слушать людей. У меня по долгу службы была возможность общаться со многими Митрополитами. Я могу сказать, что дар проповедования, дар донести свои мысли, умение это сделать, даётся Богом далеко не каждому. Я помню Алексея, нашего Патриарха, и Кирилла, который был тогда при нём. В том статусе Кирилл выступал на телевидении еженедельно, по сути дела, с проповедями. Это было блистательно. Повезло и Красноярской митрополии с нашим Владыкой Пантелеимоном. Я четвёртый год с ним встречаюсь и записываю беседы на абсолютно разные темы бытия, светские темы, и он открыт для любого самого провокационного вопроса. Более того, он прямо зажигается, когда с ним начинают говорить неожиданно. Я к чему это – эта искра Божия, то, что даётся сверху, действительно уникальное качество. Если человеку не дано, то не дано. Я в своё время вела тренинги по коммуникационным технологиям и мне часто задавали один и тот же вопрос: «Ирина Васильевна, определите, кто из наших специалистов может быть нашей «говорящей головой». И я могу точно сказать из опыта, великолепный специалист в своём деле – не всегда хороший оратор, Поэтому каждый должен заниматься своим делом. Не помню кто сказал, но очень верно и точно: «Тошно наблюдать за тем, кто показывает свой ум, особенно, когда ума нет». Поэтому если священник хороший, лечит души, умеет слушать, но при этом не может с кафедры проповедовать, то нормально, если кто-то другой будет это делать. Хотя я не знаю, как это делается по церковным канонам и правилам.

Люди часто говорят: «я состоялся как физик, как политик, как художник», но очень редко можно услышать, что «я состоялся как человек». Как бы вы прокомментировали эту фразу?

Владимир Ильич Ленин – хороший человек? - **Нет.**

А почему? Вы лично были с ним знакомы? - **Нет.**

Вот мы опять возвращаемся к тому, с чего начинали. Помните, я упоминала Стива Джобса, которого все воспринимают по-разному. Я к чему это говорю. Если говорить, что я

состоялся как человек, то нужно через запятую говорить, что я состоялся как мужчина, как женщина, как мама, как одинокий степной волк. Человек – он рождается и всё. Ты не вправе говорить, что ты состоялся. Тебя «состояли» твои родители. Могу ли я сказать, я состоялся как хороший человек, а судьи кто? Для рецидивиста – мы лохи последние. А для нас он нелюдь. Всё это настолько субъективно. Другое дело, когда мы сами копаемся в себе и, чем больше претензий к себе предъявляем, тем всё более и более ближе к Богу. Но сделать из себя идеал невозможно. Я приведу пример один, мне за него стыдно до сих пор. Седьмой канал, 2002 год. Лето, жарко. Седьмой канал только-только встал на ноги, мы создаём очередной медийный проект. И я придумываю, как бы без денег продвинуть канал ещё больше, капитализировать бренд. Я иду к начальнику краевого ГУВД и предлагаю сделать антитеррористические учения на базе Седьмого канала. Он согласился. Произошёл захват. Он был такой, что эвакуировали весь коллектив, меня взяли в заложники и нашего директора Елену Сажину. Съехались все, из Москвы звонили... Мы стали медийной фигурой. Но я никогда не забуду нашего технического директора Володю Высотина. Когда меня вели спецназовцы, которые под террористов работали, и выгоняли всех из зала, они наставили на меня пистолет. А ведь никто не знал, что это постановка, Володя кинулся на этот пистолет. Он начал меня отбивать. Когда это всё закончилось, мне было стыдно смотреть людям в глаза. Там были истерики, скорую помощь вызывали. Я даже не подумала, какой это будет стресс и ужас. Я после этого не спала несколько ночей и, если бы не была верующим человеком, наверно, ушла бы из этой жизни. Настолько мне было стыдно. Я сама себя ненавидела. Было так мерзко. Это всё к тому, что у всего есть обратная сторона. Теперь у меня есть прививка на всю жизнь. Есть вещи, которые люди могут переступить, зная, что могут унижить или погубить человека. Есть люди, которые не понимают, что творят. И я не знаю, кто из них более виновен. Это очень сложный вопрос. Меня он зацепил. Человек – это не предмет качественной характеристики. Слава Богу, что мы родились. Остальное – работайте, трудитесь, отдавайте окружающему миру должное, исполняйте долг – отдавайте долги.

Давайте в финале беседы встретимся с Митрополитом Антонием Сурожским: «Я один раз вообразил, что во сне я был в Раю, – произнес митрополит Антоний и с чувством юмора прояснил, – я видел большую светлую реку, которая течёт в ровных зелёных берегах, покрытых замечательной травой, а я в виде белого пуделя, бегаю по берегу этой реки и громко лаю от радости». У вас есть собственное представление о рае?

Честно скажу, я никогда не проектировала себе жизнь, которая будет там. Если бы можно было просить Бога о чём-то, когда предстанешь перед ним, я бы попросила о возможности некоторое время побыть с детьми и внуками. Я их обожаю. Ведь это большое счастье иметь детей, дожить до внуков, которое даёт Господь. Ведь далеко не всем это счастье даётся. Мне очень хотелось бы после того, как я уйду, ещё некоторое время наблюдать за ними, знать, что у них происходит, и у меня была бы возможность их пусть небольшой и не долго, но защиты. Меня тоже защищают, у меня недавно ушла мамочка моя... Что-то есть, что нас связывает с теми, кто ушёл. И очень хочется, чтобы у нас тоже была связь с теми, кто здесь останется. Это очень важно. А вообще, заканчивая нашу беседу, хочется сказать, что нельзя принимать на веру даже самые красивые слова и тех, кто умеет красиво излагать. Дай Бог, чтобы в нашей жизни было побольше хороших людей, которые умеют хорошо молчать, а не тех, кто умеет хорошо говорить, но говорить такое, отчего не хочется жить.

Спасибо, я очень тронут содержанием нашей встречи – еще раз спасибо!

50 КНИГ XX ВЕКА

Бондаренко Владимир Григорьевич, российский литературный критик, публицист.

Предлагаю читателю, на мой взгляд, лучшие 50 произведений русской литературы XX века. Сейчас перед вами лишь список этих книг и имена авторов. Думаю, они привлекут внимание не только школьников, студентов и преподавателей, но всех, кто любит литературу. Каждый из увидевших этот список найдёт в нём прорехи, не обнаружит кого-то из своих любимцев, но 50 есть 50, и у каждого из вас может возникнуть свой список лучших 50 книг. Впрочем, думаю, основа будет у всех одна и та же.

Кто-то может удивиться и даже оскорбиться появлению в одном списке, к примеру, Льва Толстого и Эдуарда Лимонова, Антона Чехова и Юрия Казакова, Андрея Платонова и Александра Проханова, Ивана Бунина и Григория Климova. Кто-то смело отмахнётся от самой арифметичности подхода к литературе, мол, вечно Бондаренко то года рождения вспоминает, то свои десятки и пятидесятки выдаёт. Но, может быть, кому-то из простых читателей окажется полезным именно такой выбор — значит, я работал не зря.

Как всегда, одни будут упрекать меня в излишней широте подхода, мол, зачем нам Битовы и Маканины, другие — упрекать за то, что я проигнорировал постмодернизм, не упомянул, к примеру, Бабея (которого, по-моему, сейчас никто не упоминает и не печатает). Творите, друзья, предлагайте свои подходы. А я буду делать своё дело.

Но даже 50 лучших книг, во-первых, не говорят о том, что все они одного уровня, не может быть даже в России 50 Львов Толстых в одном веке, во-вторых, естественно, чем ближе к современности, тем больше спорных кандидатов, тем больше оппонентов. Время покажет, насколько прав я в своём списке.

Итак, вот мой личный список золотого фонда русской литературы — список 50 лучших произведений лучших писателей XX века.

1. Лев ТОЛСТОЙ. Повесть «Хаджи Мурат», опубликованная великим писателем в 1902 году. Мы прежде времени вычеркнули Льва Толстого из писателей XX века, ведь именно в этом веке были опубликованы и вошли в жизнь читателя «Крейцера соната», «После бала», «Фальшивый купон», «Отец Сергей» — самые спорные и страстные его произведения. Именно в XX веке Льва Толстого отлучили от церкви, признали зеркалом русской революции, именно в XX веке он ушёл из Ясной Поляны. Его идеи и сегодня носятся в воздухе. Не случайно, его как богохульника до сих пор чураются такие, как Владимир Крупин, например. Что уж говорить о прочеченской его повести «Хаджи Мурат», которую наш современник, писатель Александр Сегень, совсем недавно объявил антирусской. Я же, наоборот, считаю, что все традиционно русские имперские стремления выражены в этой ясной, чарующей классической повести. Это — главная повесть XX века.

2. Антон ЧЕХОВ. Пьеса «Вишневый сад», опубликованная в 1903 году. Если кто-то думает, что эта пьеса о давно минувших днях, о крахе нашего дворянского уклада, он ошибается. Эта пьеса о традиционном русском крахе, именно сейчас и застраиваются все «Вишневые сады» наших русских иллюзий новыми хозяевами жизни. Но и их ждёт крушение. Эта пьеса

посильнее «В ожидании Годо» моего любимого ирландца Самуэля Беккета, она вбирает в себя и ожидание, и свершение, и крушение всех надежд. Но заставляет думать о будущем.

3. Иван БУНИН. Сборник рассказов «Тёмные аллеи», вышедший в суровом 1943 году, но посвященный отнюдь не войне, а чувственной любви. Это шедевр мировой новеллистики. Из «Тёмных аллей» пророс и Владимир Набоков, как бы он ни отрешивался позднее от бунинского влияния.

4. Дмитрий МЕРЕЖКОВСКИЙ. Неоконченный роман «Маленькая Тереза». При всей своей незавершённости, а, может быть, в чём-то и благодаря ей, этот роман о католической монахиня Терезе из Лизье, который он писал до самой смерти в 1941 году, являет нам ту святость, к которой стремился и сам писатель. Как известно, монахиня Тереза, при безусловном её католичестве, считается «заступницей и молитвенницей за землю Русскую».

5. Александр КУПРИН. Повесть «Поединок», опубликованная в 1905 году, после поражения в русско-японской войне, воспринималась многими как пацифистская и антивоенная проза. Прошли годы, и сегодня образ поручика Ромашова становится одним из лучших символов русского офицерства.

6. Максим ГОРЬКИЙ. «Жизнь Клима Самгина». На мой взгляд, этот эпический роман, который Горький писал до самой смерти в 1936 году, ничем не ниже ни «Войны и мира» Льва Толстого, ни «Тихого Дона» Михаила Шолохова. Он до сих пор недооценён. Поражает, что и в сталинские годы, публикуя свои большевистские соцреалистические статьи, в романе этом Максим Горький ни одной строкой не сделал уступки внешним политическим мотивам. Считаю, что пастернаковский «Доктор Живаго» весь пронизан мотивами самгинщины и лишь продолжает мощную русскую эпическую традицию.

7. Фёдор СОЛОГУБ. Роман «Мелкий бес». Есть немало писателей, вошедших в мировую литературу лишь одним произведением, взять хотя бы аббата Прево. Вот и Фёдор Сологуб, написавший достаточно много, остался навсегда в русской литературе благодаря своему роману «Мелкий бес» (1907) и его герою, учителю Передонову; тут заложен и будущий Кафка, и вся литература абсурда, и одновременно — вся бичующая социальная проза. Великий роман.

8. Андрей БЕЛЫЙ. Роман «Петербург», опять же явно недооценённый великий русский роман. И опять — явное преддверие Марселя Пруста и Джеймса Джойса. Ещё в школьные годы читая «Петербург», впервые задумался над трагичностью русской истории. В романе вся ширь русской беспредельной и часто разрушительной стихии, собранная в блестящие формы русского символизма. Вот настоящий русский национализм. Без примесей.

9. Василий РОЗАНОВ. «Апокалипсис нашего времени». Вышел в Сергиевом Посаде в 1918 году. Хоть Розанова и называют философом, но все русские философы — писатели, и первый среди них — Василий Розанов. Это его сокровенная, трагичнейшая русская проза, навеянная мыслями о русской жизни и о русском характере. Кто ещё более беспощадно писал о наших пороках и наших бедах, как ни сами национальные русские писатели, и кто из них ни любил Россию до самого конца, до самого края, как Василий Розанов.

10. Евгений ЗАМЯТИН. Роман «Мы». Книга, открывшая ещё в 1920 году тоталитарное будущее всего мира, от немецких вариантов и советской имперскости, до нынешнего американского или израильского глобализма. Потом были и «1984» Джорджа Оруэлла, и «Прекрасный новый мир» Олдоса Хаксли, братья Стругацкие, и далее, и далее. Читал роман ещё студентом, в Питере, и восхищался живостью слога, чёткостью образов, но более всего поразило предисловие... Владимира Бондаренко. Позже я познакомился с этим талантливейшим филологом и прозаиком в Монтеррее (США). Оказалось, он и не Владимир, и не Бондаренко, как и все эмигранты второй власовской волны. Но, тем не менее, мне хочется написать о Евгении Замятине, тем самым спутав все карты будущим исследователям, разбирайтесь, кто из нас кто.

11. Николай ОСТРОВСКИЙ. Роман «Как закалялась сталь». Закончили печатать в 1934 году. Его сейчас хотят забыть, не удастся. Больше предельной исповеди человека идеи в нашей литературе нет. Куда до неё роману «Что делать?» Николая Чернышевского. Тот роман — из головы, этот — из сердца. Образ Павки ещё много веков будет воспламенять сердца молодых романтиков и фанатиков. Великолепная книга. Прав Андрей Платонов: «Мы ещё не знаем всего, что скрыто в нашем человеческом существе, и Корчагин открыл нам тайну нашей силы». Не за большевизм, а за тайну русской силы и стараются нынче изъять роман из памяти молодого поколения.

12. Андрей ПЛАТОНОВ. «Чевенгур». Более большевистского и даже сталинистского писателя (кроме слабеющего телом Николая Островского) в нашей литературе не было и нет. Почему его невзлюбил Иосиф Сталин, для меня загадка. Может, потому, что Платонов в прозе был русским пророком? Его высоко ценили Александр Фадеев, Михаил Шолохов, все настоящие, великие советские писатели XX века. Поразительно, но ценят его и все диссиденты: от Иосифа Бродского до Александра Солженицына. Впрочем, обругали бы советские власти «Тихий Дон» — и он тоже стал бы настольной книгой всех диссидентов. «Чевенгур» — это утопия русского коммунизма образца 1928 года. Великий роман великого писателя.

13. Леонид ЛЕОНОВ. Роман «Вор», ранний вариант 1927 года. Роман о предназначении человека и о сложности выбора своего пути. Всегда этот выбор есть и будет. Всегда человек его будет искать. Значит, и роман «Вор» будет всегда.

14. Михаил ШОЛОХОВ. Роман «Тихий Дон». О великих произведениях всегда спорят, был ли Шекспир, был ли Лао Цзы, был ли Шолохов? Хорошая компания, вряд ли кто усомнится в написании какого-нибудь гранинского романа, или аксёновской повести. Великий роман, великие герои, великие споры. «Тихий Дон» и сделал равновеликими в русской литературе два наших славных века. Закончена эпопея весной 1940 года. Клим Самгин, Григорий Мелехов — эти мощные мировые образы родились в якобы бессловесное время. Эх, нам бы сейчас хоть малое подобие их, в наши-то бесцензурные дни...

15. Михаил БУЛГАКОВ. Роман «Мастер и Маргарита». Долго думал, какому роману отдать предпочтение: православному, близкому мне по всем идеям роману «Белая гвардия», в котором легко живётся, герои, образы, мечтания — всё родное, русское, или же явно еретическому роману «Мастер и Маргарита». Ведь роман-то был сожжён, и возрождён к

жизни дьяволом. И перед нами версия дьявола. «За одну минуту покоя я посмертный отдам покой», — писала Анна Ахматова. Вот и отдал Михаил Булгаков свой посмертный покой. Может, и спасла его обладающая немалыми мистическими силами жена от излишних нападков, и роман сохранила. И роман-то впрямь, великолепный, яркий, фантазмагорический. Таких мало в мировой литературе, но и цена за это великолепие была отдана немалая. «Фауст» Гёте, «Мастер...» Булгакова — опасное дело. Но — великая литература, однако.

16. Александр ГРИН. Роман «Бегущая по волнам». Писатель и впрямь был не от мира сего, и герои его жили по иным, идеальным законам. Его идеализму не дано было осуществиться, впрочем, социализм тут не при чём, ещё более жестко к нему бы отнеслись в наше коммерческое время. От восторженности «Алых парусов» (1923) к неосуществимости «Бегущей по волнам» (1928) — вот его путь. Вроде бы у героев «Бегущей по волнам» сил и возможностей куда больше, чем у романтиков «Алых парусов», но никакие сверхвозможности одинокого героя не способны разорвать тяжкие узы общества. Остаётся уйти в мечту. Так и уходили романтики семидесятых годов, сделав Александра Грина символом своего времени.

17. Александр ФАДЕЕВ. Роман «Разгром». Это своего рода антитеза индивидуализму Александра Грина, написанная в те же годы (1927), впрочем, такая же романтическая, ибо во всех своих лучших книгах Фадеев — безусловный романтик. К тому же его романтические революционные герои были живыми героями, а сам роман — явный символ двадцатых годов — вобрал в себя непосредственные впечатления Фадеева, лишённые ходульности и штампа.

18. Борис ПАСТЕРНАК. Роман «Доктор Живаго». Позднейший лирико-эпический отклик (1957) на наши отечественные катастрофы XX века. Естественно, написан с учётом романов и Андрея Платонова, и Максима Горького, и Алексея Толстого. И всё же эпичность в романе перевешивает его поэтический подход к драгоценности бытия каждого человека. И всё же сохраняется связь и литературных традиций, и самой судьбы русской интеллигенции. Пожалуй, рвётся эта связь лишь сейчас.

19. Алексей ТОЛСТОЙ. Следуя развитию событий, хотелось бы назвать, со всеми оговорками его трилогию «Хождение по мукам», но по высоте замысла и по исполнению, конечно же, лучший роман третьего Толстого — «Пётр Первый», над которым он работал до самой смерти в 1945 году. Да и ближе самому писателю этот образ, роднее сам дух петровской истории. В этом романе писатель, может быть, впервые позволил себе оставаться самим собой, быть до предела искренним. Алексей Толстой, по мощи своего дарования пожалуй и мог бы стать самым значимым художником XX века, но помешало его сибаритство и излишняя услужливость сильному миру сего. Увы, эта услужливость с лихвой передалась и его наследнице — Татьяне Толстой.

20. Владимир НАБОКОВ. Роман «Дар». Конечно же, «Дар», а не заморская «Лолита», не его — Набокова — западнизированный облик. «Дар» — классический русский роман. Своим «Даром», вышедшим в 1938 году, завершающим серию его русских эмигрантских произведений, Набоков как бы оправдал само существование русской литературной

эмиграции. Кто ещё рождён эмиграцией — Гайто Газданов и Поплавский, больше и назвать некого.

21. Вениамин КАВЕРИН. Роман «Два капитана». Конечно, по большому счёту, Каверин — средний писатель, тот же Валентин Катаев, Юрий Олеша или Алексей Толстой — гораздо талантливее. Но именно Вениамин Каверин написал культовое сталинское произведение, которое реально влияло на три поколения советских людей, в том числе и на наше. Не случайно и мюзикл возник уже в наши дни. Закончил роман Вениамин Каверин в 1944 году, уже под звуки победных маршей. Его романтика действия ещё сослужит хорошую службу русскому обществу, независимо от изменения в дальнейшем взглядов как на самого писателя, так и на время, в котором живём.

22. Виктор НЕКРАСОВ. Повесть «В окопах Сталинграда». С этой повести и началась настоящая фронтовая проза, был же вкус у Сталина, выделил и наградил своей премией сразу же после выхода книги в 1946 году. Одна из лучших книг о войне. Собственно, ничего более стоящего Виктор Некрасов и не написал. А в эмиграции вообще замолчал, так же, как и Анатолий Кузнецов. Не всем эмиграция по плечу, иным — хуже лагеря.

23. Александр ТВАРДОВСКИЙ. Книга про бойца — «Василий Тёркин». О поэзии я хотел написать отдельно, и напишу, но «Василий Тёркин» — это уже не только поэзия. Это великий эпос о русском воине. И одновременно весь срез русской жизни. Как «Евгений Онегин» у Пушкина. Твардовского, как редактора журнала, очень ценят наши демократы, но почему-то поэтом его не считают. А ведь после Пушкина такой вечный русский образ никто из поэтов не создавал.

24. Гайто ГАЗДАНОВ. Роман «Вечер у Клэр», вышел в 1930 году в Париже, первый и самый значимый роман русского осетина. Изящное сочетание лиризма, интимности и бурных событий русской истории.

25. Илья ИЛЬФ и Евгений ПЕТРОВ. Роман «Двенадцать стульев». Искренне не хотел вставлять роман в свой список, но куда от него деваться? Отрицать его влияние на читательские умы, его мировую популярность, отрицать отрицательное обаяние жулика и махинатора Остапа Бендера, значит лгать и самому себе и читателям. Как есть, так и есть.

26. Варлам ШАЛАМОВ. Книга «Колымские рассказы». На мой взгляд, Варлам Шаламов как писатель сильнее, чем Александр Солженицын, хотя и написал немного. Он и на самом деле писал о том, о чём и писать-то, может быть, нельзя, и, понимая это, сам же и успокаивал читателя: да, самое тяжёлое — но и это пережили, и живём дальше. Книга рассказов писалась с 1954 по 1982 годы, до самой его смерти, и вышла сначала в эмиграции, затем уже у нас.

27. Александр СОЛЖЕНИЦЫН. Не знаю, на чём остановиться. Повесть «Один день Ивана Денисовича» или рассказ «Матрёнин двор»? По сути, они об одном и том же: как выживает в самые лютые времена русский человек. И всё-таки остановлюсь на рассказе «Матрёнин двор». Не стоит село без праведника, и Россия не держится без таких.

28. Константин ВОРОБЬЁВ. Повесть «Это мы, Господи!..» написана была в 1946 году, отправлена в «Новый мир», но напечатана только после смерти автора в 1985 году. Вот уж, поистине, явление силы человеческого духа. Нет, русская проза на одной стилистической игре и приёмах существовать не может. По крайней мере, большая русская проза.

29. Владимир БОГОМОЛОВ. Роман «В августе сорок четвёртого...» Предельно точный военный приключенческий роман о работе советской контрразведки. И что бы нынче ни писали и ни придумывали об авторе, какие бы истины ни открывались, роман уже не нуждается в прикрытии именем автора. Он давно стал классикой.

30. Виктор АСТАФЬЕВ. Роман «Прокляты и убиты» был опубликован в 1994 году. Тяжёлый роман, даже, я бы сказал, злой роман — злой к собственному народу. Но он стал вехой в литературе конца XX века.

31. Юрий БОНДАРЕВ. Роман «Горячий снег», выдвинувший писателя в несомненные лидеры «фронтальной прозы». Всё лучшее, написанное Бондаревым, написано о войне. Очевидно, так захватила война всю душу писателя, что и в поздних романах об отечественной интеллигенции «Берег», «Выбор» страницы о войне будто бы написаны другим писателем, исчезает многословие, излишняя философичность, герои оживают.

32. Евгений НОСОВ. Повесть «Усвятские шлемоносцы» как бы соединила навеки нашу фронтальную прозу с деревенской. Да и впрямь, войну всё-таки выиграли не штрафные батальоны и не безусые лейтенанты, а кондовый деревенский русский народ, сколько бы генералов и маршалов над ним не было. Нет народа — и выигрывать некому. Не стало шлемоносцев на Руси...

33. Василий ШУКШИН. Сказочная повесть «До третьих петухов», смешная и трагичная одновременно, из-за её смелых народных образов публикация затянулась аж до 1975 года (уже после смерти автора), да и сегодня её не любят упоминать даже иные шукшиноведы. Эта сказка всегда ко времени на Руси.

34. Василий БЕЛОВ. Конечно же, повесть «Привычное дело», ставшая классической сразу после публикации в журнале «Север» в 1967 году. Иван Африканович — один из вечных коренных типов русского народа. Пока живы такие, как он, жив и народ русский. Благодаря таким и выдерживали невероятные трудности, да ещё и веселиться успевали.

35. Валентин РАСПУТИН. Повесть «Прощание с Матёрой» (1976). Это прощание со старой Русью, а может быть, и вообще с Россией, уходящей в прошлое. Когда я писал свою инсценировку, которая и сейчас, уже более 10 лет, идёт во МХАТе имени Горького, мы сплавлялись с Андреем Борисовым, режиссёром, по якутской реке Амга и размышляли о «Матёре». Мифический образ горящей и тонущей России. Великий роман. Но сумеют ли переселенцы построить новую Россию? Дай-то Бог!

36. Григорий КЛИМОВ. Роман «Князь мира сего» (1970). Может, это и не литература вовсе, а чистая мистика — тем более, что все продолжения вообще ошарашивают. Такое впечатление, что бездна, за то, что автор романа приоткрыл некие её тайны, далее заплутала

его самого в себе вовсе. Чтобы серьёзный читатель ничему не поверил. Если бы после «Князя...» ничего и не было опубликовано, роман бы и сегодня мог всерьёз напугать читателя. Будем считать, что после этого романа ничего у Григория Климова и не выходило.

37. Михаил ПРИШВИН. Роман-сказка «Осударева дорога» о моём родном русском Севере, о русских сказках, о нашей природе и, между прочим, о строительстве Беломоро-Балтийского канала, о перековке нового человека. Впрочем, Михаил Пришвин всегда писал о чуде земного творения, в каких бы условиях это чудо ни возвращалось.

38. Владимир МАКСИМОВ. Роман «Семь дней творения», написанный в 1971 году, несомненно, лучшая книга писателя, его попытка осознать национальную и православную историю России через события бурного XX века.

39. Венедикт ЕРОФЕЕВ. Поэма в прозе «Москва—Петушки». Пожалуй, эти записки писателя-алкоголика-протестанта-бомжа-тусовщика характеризуют не только распад его личности, но и распад всего общества. Яростное предчувствие распада самой державы. И вновь, это единственное достойное произведение автора, увековечившее его. Эта поэма вызывает как общественный интерес, так и интерес к судьбе отдельного, павшего в данном случае, человека. Поэма была закончена в 1969 году.

40. Юрий КАЗАКОВ. Книга наблюдений и созерцаний «Северный дневник». Лучшая русская эссеистика XX века. И вновь о моём родном севере, о людях, о природе, о мужестве самой жизни. Писал её Юрий Казаков более десяти лет, закончил в 1972 году.

41. Юрий МАМЛЕЕВ. И всё-таки его самый завершённый роман «Шатуны», русский и даже советский сюрреалистический ужастик 1968 года, где писатель пробует размышлять над очень серьёзными проблемами жизни и смерти.

42. Александр ВАМПИЛОВ. Его абсолютно гениальная пьеса «Утиная охота», которую не понял ни Олег Ефремов, ни другие режиссёры. Потому что страшно принимать её всерьёз. Тогда ведь и о своей жизни задуматься надо, зачем ты живёшь? И надо же, вся эта горькая правда была сказана ещё в 1970 году. Зилов — это наш вечный и не лучший национальный тип времён очередного кризиса веры.

43. Андрей БИТОВ. Роман «Пушкинский дом». Пожалуй, вместе с прохановской «Надписью» и маканинским «Андеграундом...» эти три романа по-разному, с разных сторон осмысливают конец империи и конец века.

44. Александр ПРОХАНОВ. Роман «Надпись» — совсем не типичный, совсем не прохановский, совсем не фантазмагорический, и даже не милитаристический, и всё же лучший роман Проханова. Соловей Генштаба вдруг спел свою лучшую песню о себе и о своей эпохе. Но написан роман в 2006 году, значит, для лучших книг XX века не подходит. Значит, в XX веке всё же остаётся мой друг прежде всего автором блестящей новой военной прозы. «Чеченский блюз» — роман 1998 года, где стилистическая отделка, природный метафоризм, избыточный эстетизм соединяются с жёсткой правдой войны.

45. Владимир МАКАНИН. Роман «Андеграунд или Герой нашего времени», совсем не по Лермонтову, но и герои у нас нынче другие. Его Петрович — скорее, обобщённый итог всей маканинской прозы, это то, к чему пришли с разных сторон и Ключарёв, и Алимускин — совсем разные герои его ранней прозы. Хотел бы назвать лучшей повестью «Предтеча», тем более, я её и помог опубликовать в «Севере» в 1982 году, она мне ближе и героем своим, народным лекарем, и темой, но всё же перевешивает «Андеграунд...», самый последний и самый значимый его роман 1998 года.

46. Анатолий КИМ. Роман «Отец-лес» написан в 1989 году. Это перетекающая восточная проза, где всё может пересекаться, преобразовываться, переходить одно в другое; и этот явный восток писателем перемещается в Рязанскую область, в глубинные русские леса и реки. Может быть, это и есть настоящий природный метафизический реализм, данный писателю свыше?

47. Владимир ЛИЧУТИН. Историческая трилогия «Раскол». Пожалуй, по-настоящему с русскими историческими сюжетами после Алексея Толстого справлялись разве что Дмитрий Балашов и Владимир Личутин. Но личутинский «Раскол» и по языку, и по характерам героев, и по глубине замысла всё же значимее прекрасных балашовских романов. Явно недооценённый роман, один из лучших в русской прозе XX века, куда там рядом Джону Фаулзу или Айрис Мердок. К тому же, он пронизан прозрачной северной мистикой. Это и факт, и миф, и легенда, и мистерия одновременно.

48. Эдуард ЛИМОНОВ. Повесть «У нас была Великая эпоха». Не разобравшись и не вчитавшись, лишь для открытия новых имён эмигрантов, повесть была опубликована либеральным журналом «Знамя» в начале перестройки в 1989 году, потом редакторы судорожно оправдывались, что недосмотрели. Редкой силы талант. Вот уж действительно, как писали не раз, ёрничая, Лимонов, вроде бы играя, показывает читателю истинное величие и героизм всей советской эпохи. Но если писатель и играет, то всерьёз, даже и с самой смертью.

49. Саша СОКОЛОВ. Роман «Школа для дураков» (1973). Ещё одна попытка найти свой путь в прозе. Владимир Набоков назвал роман лучшей современной русской книгой. Но это в представлении Набокова. Сюжеты перетекают как в музыке, но не теряются. Можно увлечься героем географом Норвеговым, можно увлечься и сюжетом, действие и на самом деле происходит в школе для дураков, а можно увлечься просто перетеканием слов и смыслов, фантазий и воспоминаний.

50. Юрий ПОЛЯКОВ. Роман «Козлёнок в молоке» вышел в 1995 году, с тех пор переиздавался не меньше пятидесяти раз. Читают. И есть за что, и есть о чём — есть над чем посмеяться и есть о чём задуматься. Вот за эту по-настоящему смешную сатиру на постмодернизм Юрия Полякова и не любят наши либералы. Посмел на святое замахнуться. Впрочем, писатель всю жизнь замахивается, как бы не по чину, то на армию, то на партию, то на перестройку, то на постмодернизм. Но пока прокураторы до писателя всерьёз добираются, от смеха при чтении все их пуговицы лопаются. Это и спасает.

Источник: <https://books-all.ru/book/194785-gazeta-den-literatury-137-2008-1.html>

50 ПИСАТЕЛЕЙ XX ВЕКА

Бондаренко Владимир Григорьевич, российский литературный критик, публицист.

Альтернативный список писателей, предложенный читателями газеты «Завтра» как отклик на список Владимира Бондаренко.

Газета «Завтра» всё-таки чисто политическая газета, о литературе почти не пишет, это не «Литературка», и всё же читатели «Завтра» по-прежнему читают художественные книги. И спорят о книгах. Значит, поставь литературу на видное место в обществе, и вновь получим «самую читающую страну». Я уверен, нашу литературоцентричность ликвидирует осознанно наша политическая элита.

Свыше ста откликов по Интернету, письма из разных уголков страны на список 50 лучших писателей XX века. Как пишет в Интернете Клейст: «Не автор удивителен своим списком — в конце концов, его список, кого хочет, того и ставит — но удивительны читатели...»

1. Владимир Короленко. «История моего современника» (1905-1910). Эту свою автобиографическую книгу автор писал долго. Известный критик Д. Овсяннико-Куликовский сравнивал её с «Детством» и «Отрочеством» Л. Толстого, с герценовскими размышлениями «Былое и думы». Конечно, более известны, да и художественно значимы его «Дети подземелья» и «Слепой музыкант», но это уже век девятнадцатый. Нашумели его «Письма к Луначарскому» (1922), осуждающие насилие революции и гражданской войны, но это уже чистая гражданская публицистика.

2. Леонид Андреев. «Рассказ о семи повешенных» (1908). Николай Кузин пишет, что он бы выбрал рассказ «Жизнь Василия Фивейского» (1903) «об исканиях человеческого духа». Мне кажется более значимым, и, кстати, пробелом в моём первом списке именно рассказ о смерти и смертной казни, как о трагическом опыте всего человечества. Покушение на одного царского чиновника повлекло за собой смертную казнь сразу пятерых. Так растёт поток насилия.

3. Алексей Ремизов. Как пишет Николай Кузин: «Его повесть «Крестовые сёстры» — психологическое повествование о судьбе маленького человека — извечная тема русской литературы». Но я бы всё-таки, выбрал «Взвихренную Русь» (1927), о революции, как мировом пожаре, где гибнет всё старое и нарождается нечто новое. Сразу и плач, и восторг одновременно. У нас и сейчас «Взвихренная Русь», и опять гибнет всё старое, и что-то там народится новое? Где же новые Ремизовы? Один Проханов с «Пятой империей».

4. Иван Шмелёв. «Лето Господне» (начат в 1927 году, закончен в 1944). Владимир Барахнин пишет: «Думаю, только по недоразумению в список не попал Иван Шмелёв с «Лето Господне». Достаточно напомнить, что Шмелёв номинировался вместе с Буниным (и Мережковским) на Нобелевскую премию». Согласен с ним и Кузин: «Без этого писателя невозможно себе представить список лучших книг XX века». Добавлю, да и вообще всей русской литературы. Весь пласт русской народной жизни, живая народная речь. Впрочем, меня потрясло и его «Солнце мертвых», посвящённое гибели в Крыму его сына Сергея.

5. Борис Шергин. «Шиш московский» (1930). За отсутствие нашего северного земляка меня

критиковал Владимир Личутин. Каюсь, и выбираю из всех его чудесных сказов «скоморошью эпопею о проказах над богатыми и сильными». Народная сатира, беспощадная и озорная, грубоватая и сочная. Самая знаменитая книга поморского моего земляка.

6. Владимир Арсеньев. «Дерсу Узала» (1916, опубл. в 1923). Казалось бы, географические описания путешественника, путевая хроника, описание встречи с охотником-гольдом Дерсу Узала, скромно изданные во Владивостоке в 1923 году, давно уже стали фактом мировой культуры. А русский офицер — одним из самых сокровенных природных писателей. Михаил Пришвин считал Дерсу Узала духовным двойником автора, талант самого Арсеньева — реликтовым. Не случайно всемирно известный японский режиссер Акиро Куросава снял в семидесятых годах фильм «Дерсу Узала», оценив способность Владимира Арсеньева «глубоко проникать в человеческие души».

7. Пётр Краснов. Роман-эпопея «От Двуглавого орла к красному знамени» (1922). Не знаю, что было бы, если бы смерть настигла казачьего атамана где-нибудь в начале тридцатых годов. Допускаю, что, подобно Куприну и Бунину, его бы стали печатать ещё при Сталине. Особенно утопию «За чертополохом». О печальном превращении русского державника и монархиста, самого популярного русского беллетриста в эмиграции в прислужника Гитлера и борца за независимую от русских Казакцию я писал отдельно в «Завтра». Но литература тем и сильна, что она живет «поверх барьеров». «Поверх барьеров» ценил Пётр Краснов своего земляка Михаила Шолохова. Их постоянно сравнивали в эмиграции. Кстати, удивляюсь, как еще генерала Краснова не причислили к мнимым авторам «Тихого Дона». Уж поталантливее Федора Крюкова будет. Георгий Адамович писал: «Характер его писаний — шолоховский. Притом талант у него отрицать нельзя...» Иван Бунин: «Не ожидал, что он так способен, так много знает, и так занятен». Александр Куприн: «В военных сценах он проявляет себя настоящим художником». Над романом-эпопеей он работал более 20 лет. Конец империи и начало революции, особенно хорош первый том.

8. Исаак Бабель. «Конармия» (Первый вариант вышел в 1926 году, потом дополнялся, всего 37 новелл). Как пишет в Интернете некто «фроим»: «Я так таки и не понял: а шо с Бабелем?». Это прямо как в старом анекдоте. Противника «Конармии» Семёна Будённого спрашивают: «Как вы относитесь к Бабелю?». Тот, поглаживая усы, отвечает: «Смотря какая бабель». Я и сам бы спросил у «фроима», а шо вы таки позабыли своего Бабеля? Его краснознамённость не нравится? Конечно, лучшее, написанное Исааком Бабелем, воспекает большевизм и революцию. Увы, сегодня это не модно у либералов, вот и скинули со своего борта современности. Русским патриотам, как маршалу Будённому, тоже поднимать не с руки. И всё-таки одна из лучших книг о гражданской войне, жесткость коллизий и изощрённость стиля. Пафос и ирония — одновременно. Ироничный романтик.

9. Борис Пильняк. «Голый год» (1921). Первый роман о революции. Сегодня прочно забыт всеми. Он соединил в себе стилевые интонации Алексея Ремизова и Андрея Белого с поэтизацией чекистских «кожаных курток». За что и поплатился. И тогда, когда началась чистка чекистов, и сейчас, когда их деяния стараются забыть. Один из самых популярных писателей двадцатых годов.

10. Михаил Зощенко. «Рассказы ...господина Синебрюхова» (1922). В этом сборнике

рассказов умещался уже весь Зощенко, его стилистика, его образ мещанина, старающегося вжиться и победить советскую реальность своим приспособлением. Кстати, точно также приспособлялись наши партаппаратчики к режиму Ельцина, наши либералы ныне приспособляются к Путину и Медведеву. Зощенко писал желчно, беспощадно, «смех сквозь слезы», презирал духовную нищету своих героев. Как он ни пытался, ему не хватало собственного безмятежного приспособленчества под условия жизни, коим обладали Ильф и Петров. Потому и был в опале.

11. Юрий Олеша. «Зависть» (1927). Писатель бунтовал против самого себя. Воспевал героя Гражданской войны, колбасника Андрея Бабичева, строящего новый пищевой комбинат, и всячески принижал Николая Кавалерова, то есть самого себя, тонкого поэта и писателя. Кавалерову оказалось нечего делать со своими метафорами и чувствами в новом обществе, в новом строительстве. Вот Юрий Олеша и замолчал, уйдя в пьянство. По сути, он оказался со всем своим мощным талантом лишь автором сказки «Три толстяка» и романа «Зависть». «Ни дня без строчки» — это уже какой-то постмодернизм, скрытый юмор или скрытый вызов. Писатель, молчащий 30 лет, пишет книгу «Ни дня без строчки». Как большой писатель, Олеша не состоялся, но роман «Зависть» и сегодня может вызвать зависть у пишущей братии. Да и сюжет повторяется, опять колбасники в деле, а поэту Кавалерову тошно и противно. Вся их художественность — это нищета, но как трудно таланту стать новыми Минаевым или Робски? Пора писать новую «Зависть».

12. Константин Вагинов. «Труды и дни Свистонова» (1929). Я полюбил прозу Вагинова ещё студентом, в Ленинграде, искал в букинистических магазинах его книжки, вышедшие в «ИПЛ» — издательстве писателей в Ленинграде. Это был наш русский сюрреалист, растворяющий реальность в античности, в древнем прошлом. Он изумительно коллекционирует частности питерской жизни, не желая видеть новое целое, уходя в свою внутреннюю жизнь. При этом — написано сюжетно и завлекательно. Сын жандармского полковника и дочери крупных золотопромышленников, Вагинов, думаю, и в той царской жизни жил бы вне своей среды, а в новой с его биографией ему и впрямь оставалось коллекционировать изумительные детали. Константину Вагинову крупно повезло, он умер от туберкулеза в 1934 году в своей постели. В газетах писали о смерти тончайшего и изысканного мастера. Его в русской литературе даже сравнивать не с кем. Уникальный писатель.

13. Константин Паустовский. «Судьба Шарля Лонсевиля» (1933). Большой мастер, советский романтик. Читать его всегда интересно, но нет одной какой-то великой книги. Нет какого-то увлекательного сюжета. Он чересчур литературен для живых характеров и образов. В его прозе интереснее подробности и отсутствует главная идея. Но писал он много, и хорошо печатался. И потому я выбрал из многочисленных его повестей наиболее близкую мне по северному сюжету «Судьба Шарля Лонсевиля». В Петрозаводске на кладбище он нашёл заброшенную могилу французского инженера Шарля Лонсевиля. В эпоху петровских реформ тот строил здесь Петровский завод. Здесь и остался навсегда. В повести всё романтично, особенно в годы её написания. Французский инженер в глухой северной русской провинции.

14. Всеволод Вишневский. «Оптимистическая трагедия» (1933). Одна из лучших пьес советского времени. Матрос и комиссар, любовь и революция. «Кто еще хочет комиссарского

тела?» При этом сам автор — дворянин, фронтовик, кавалер трёх Георгиевских крестов. В противовес Бабелю, напуганному войной и ничего не увидевшему, Вишневский пишет свою пьесу «Первая Конная». И всё-таки, лишь оценив важность образ героя, в противовес массовым сценам, он создал подлинный шедевр — «Оптимистическую трагедию», написанную явно с учётом античной драматургии.

15. Альфред Хейдок. «Звезды Маньчжурии» (Харбин, 1934). Сборник рассказов. Мне этот сборник в своё время рекомендовал прочесть во время нашей беседы в Ленинграде Святослав Рерих. Позже я и сам познакомился с мощным древним бородачом, приехавшим в Москву на юбилей Рериха из Алтая. Его мистические рассказы, бывшего белого офицера, служившего у барона Унгерна, дружившего с Николаем Рерихом в его харбинский период, меня покорили. Я написал о них в газете «Советская Россия», в ответ на меня был донос в ЦК КПСС за пропаганду белогвардейской романтики. Помогло мне то, что автор был ещё жив, и к тому времени жил не в эмиграции, как считал доносчик, доктор наук Леонид Резников, и уже не в лагерях, а в Казахстане, и печатался в местных газетах. К сожалению, его поздняя проза, которую он присылал щедро мне, уже живя в Казахстане, была намного слабее. Хейдок, латыш по происхождению, храбрый офицер, переживший немало удивительных приключений, оказался автором одной книги. Но и это немало.

16. Александр Беляев. «Человек-амфибия» (1927). Я осознанно не думал трогать фантастику. Но немало читателей возмутилось таким пренебрежением. Впрочем, уже и Альфред Хейдок — некий свехрелизм, мистическая фантастика. Значит, продолжим. Тем более, мне «Чиж» пишет по Интернету: «Беляевский «Человек-амфибия» половину этих книг (из первого списка. — В.Б.) переживёт. И «Трудно быть Богом»...» Тем более, и сам с детства Александра Беляева люблю, считаю его одним из лучших мировых фантастов.

17. Иван Ефремов. «Лезвие бритвы» (1963). Это уже не столько фантаст, сколько философ. Не хуже Станислава Лема. Да еще и «Артем» на меня давит: «Иван Ефремов с его «Туманностью Андромеды» или «Часом Быка» почему-то отсутствует, хотя это куда более великая литература, чем две трети из перечисленного». Категоричны нынче читатели, каждый готов половину чужого списка перечеркнуть. Но я всё же у Ивана Ефремова ценю прежде всего «Лезвие бритвы». И сюжет увлекательный, и концепция мира цельная, и размышления о красоте.

18. Братья Стругацкие. Раз требует читатель, куда же без них. Но, считаю наиболее достойной для списка «Улитку на склоне» (1966 и 1968 гг., вместе в 1988). Читал её ещё в 1966 году в журнале «Байкал». Мы и сейчас в таком же Лесу живем, и Управление ничем не лучше. Антиутопия как раз для нашего времени.

19. Даниил Андреев. «Роза мира» (1950-е годы). Раз уж мы дали место мистике и фантастике, завершим эту тему философской мистерией Даниила Андреева, начатой им ещё в лагере в 1947 году и законченной после освобождения. Его мистическая картина мира — это некое откровение, объединяющее элементы всех мировых культур и религий.

20. Аркадий Гайдар. «Тимур и его команда» (1940). Не думал я писать и о детской литературе, но настойчивый читатель, который всегда прав, заставил меня назвать хотя бы

несколько главных детских книг из трёх эпох XX века. Конечно, при всей сложности собственной биографии писателя, а тем более — его разрушительных потомков, книга «Тимур и его команда» — детская классика XX века. Писатель, удивительно чувствующий и ритм, и композицию, и завершенность сюжета. Герой, который был вызван временем — предвоенным. Впрочем, не слабее и «Судьба барабанщика». Но всё-таки «Тимур и его команда» — знаковая книга, которая ещё не раз будет востребована.

21. Николай Носов. «Приключения Незнайки» (1954). Всё тот же Владимир Барахнин пишет: «Наконец, «Незнайка» Н. Носова — наиболее выдающийся (и, увы, чуть ли не единственный) пример русской (именно русской) и одновременно советской сказки для детей...» Барахнин прав вот в чём: большинство других сказочных героев — и Чиполлино, и Буратино, и даже Мурзилка — пришли к нам из других стран, пусть и в обрусевшем виде. Незнайка — даже по этимологии слова придуман у нас и для наших ребятишек.

22. Эдуард Успенский. «Крокодил Гена и его друзья» (1966). Докончу список наших национальных сказочных героев Чебурашкой. Тоже не заимствован из зарубежья. Да и по всем своим корням, пусть кто-то и удивится, Эдуард Успенский — стопроцентно природный русский писатель, любит кто его или нет. Знаю абсолютно точно. Сюда же можно пустить в кампанию и кота Матроскина и дядю Федора. Выдумки у Эдуарда Успенского хватит на всех.

23. Леонид Бородин. «Год чуда и печали». Закончу список детских книг моей любимой книгой у Леонида Бородина — нежной лирической, истинно сибирской, с какими-то даже восточными элементами, повестью-сказкой «Год чуда и печали». Я уже не раз сравнивал её с «Маленьким принцем» Антуана Де Сент-Экзюпери. Сравнение выдерживает. Известности не хватает, фильм бы снять хороший по сказке. Иллюстрированных изданий побольше. А то, как вышла в свое время в эмигрантском «Посеве», так и издается всё среди серьёзных книг. Как некое приложение к его же «Третьей правде». А надо издавать для детей. Дети её точно любят.

24. Вячеслав Шишков. «Угрюм-река» (1933). Возвращаюсь в предвоенное время. Роман о русском капитализме. Жизнь целого рода сибирских предпринимателей Громовых, которая завершается крахом, гибелью всего рода. Может быть, сейчас проявятся новые Громовы? Не только ворующие, но и созидающие. Эту книгу надо навязывать всем русским предпринимателям, особенно сибирякам. А также книги Мамина-Сибиряка, Новикова-Прибоя, Сергеева-Ценского...

25. Сергей Сергеев-Ценский. «Севастопольская страда» (1940). Прекрасная историческая эпопея. Я с детства был увлечен событиями Крымской войны, моими кумирами были адмиралы Нахимов, Корнилов, Истомина... Тогда же купил и перечитал «Севастопольскую страду». И почему не переиздается сейчас, в период всеобщего увлечения исторической прозой? Бездари боятся конкуренции.

26. Дмитрий Балашов. «Государи московские». Серия романов. (1975-2000). Дмитрия Балашова я знал лично очень хорошо ещё с его петрозаводских времен. И романы все его люблю, начиная с первых — «Господин Великий Новгород» и «Марфа-посадница». Но трудно выделить какой-то один. Пожалуй, лучший исторический писатель XX века. Впрочем, пишет и

Некого «Удивлён. В списке нет Д. Балашова. А ведь ничего подобного не только в XX веке, но и во всей русской исторической прозе нет, как по замыслу, так и по исполнению».

27. Валентин Пикуль. Конечно же, «Нечистая сила» (1979). Самый проблемный его роман о надвигающейся революции, о бессилии монархии.

28. Семен Бабаевский. «Кавалер Золотой Звезды» (1947). Вернёмся в послевоенное время. Это был самый знаменитый и любимый читателями роман. Кстати, и сегодня он читается с интересом, мастерски написан.

29. Иван Стаднюк. «Война» (1971-1974-1980). Смелое соединение фронтовой окопной правды с так называемым стратегическим мышлением, с изображением руководства страны в годы войны. Его совершенно напрасно относят к так называемой «секретарской литературе». В чём-то Иван Фотиевич был посмелее многих диссидентов, и характер имел стойкий.

30. Константин Симонов. «Живые и мёртвые» (1959-1971). Больше всего мне досталось от читателей, что не дал в первом списке Симонова. Любят его до сих пор многие. Что удивительно, и правые, и левые. За него и Бушин заступится всегда, и Борщаговский. Мастеровитый писатель. Удивляется «Александр»: «Почему-то не упоминается даже косвенно один из самых талантливых и одаренных писателей XX века — Константин Симонов. А это писатель, я считаю, самый талантливый из тех, кто творил в 40-х—50-х годах. Уверен, что творчество Симонова переживет 80% этого списка. А его роман «Живые и мертвые» это и есть «Война и мир» о середине XX века». Добавляет NN: «Александр. Согласен с Вами насчёт «Живых и мёртвых», это действительно великое произведение и непременно должно стоять в списке». Вот и стоит. Но с «Войной и миром» я бы не стал сравнивать.

31. Валентин Катаев. «Уже написан Вертер» (1979). Вот уж кто умел писать для всех времен и для всех читателей. Для детей: «Белеет парус одинокий» или «Сын полка» — изумительные книги советского времени. Для взрослых — от «Растратчиков» до «Отче наш». И вдруг под старость написал лично своё, пронзительное по откровенности и искренности произведение «Уже написан Вертер». Либералы заворчали: «заантисемитничал Катаев», а он просто написал то, что ярко помнил, как в его Одессе еврейские комиссары расстреливали русское дворянство. Впрочем, для кого-то лучшее — это «Алмазный мой венец» или «Сухой Лиман».

32. Илья Эренбург. «Люди, годы, жизнь» (1961-1965). Хотя читатели требовали «Хулио Хуренито», я сам ценю эту остроумную парадоксальную книгу. Но для многих и многих книга воспоминаний «Люди, годы, жизнь» определила всё отношение и к жизни, и к эпохе, и к литературе. Либеральный интеллигент заставил всю интеллигенцию смотреть на первую половину XX века своими глазами.

33. Станислав Куняев. «Поэзия. Судьба. Россия» (1990-2000). Зато о второй половине XX века ярче всех написал уже поэт-почвенник, может быть, и в противовес Эренбургу. Книга о русской судьбе и русской литературе. Всё-таки есть особый дар мемуариста, воспоминаний — тысячи, а остались «Былое и думы», «Люди, годы, жизнь» и куняевский трехтомник.

34. Владимир Дудинцев. «Не хлебом единым» (1956). «Алексей СТ»: «Почему нет в списке Дудинцева. Роман «Белые одежды». Очень хороший и со знанием дела написанный роман, перевернувший представление о социализме... По силе воздействия на умы можно поставить в один ряд с Шолоховым...». Афанасий: «У Дудинцева не «Белые одежды», а роман «Не хлебом единым» — сильная вещь, всколыхнувшая в своё время общественное сознание...». Скорее, соглашусь с Афанасьевым, крепкая социальная проза. Не более.

35. Юрий Трифонов. «Дом на Набережной» (1976). В сталинское время нашумел «Студентами», в эпоху застоя их же опроверг «Домом на Набережной». Городская социальная проза. А сейчас будто исчез, никому не нужный.

36. Василий Аксёнов. «Остров Крым» (1970). Читатель требует «Звёздных мальчиков» и «Коллег», но они безнадежно устарели. Хотя, признаю, в юности все зачитывались ими. Поздняя его проза просто бездарна. Остаётся или «Ожог», или «Остров Крым». Последний хотя бы занятнее. Некий сохранившийся без красных русский остров Тайвань. Впрочем, такой и был — русский Харбин, где царское время как бы продолжалось до конца 30-х годов. Но кончилось чисто по-аксёновски. Кто не уехал на остров Тубабао, тот переехал в Сибирь.

37. Фазиль Искандер. «Сандро из Чегема» (1973). Плутувской роман про абхазскую деревню. Пишет «Дмитрий»: «Странный вы, однако, коли не заметили «Сандро из Чегема», да и Бушин понужнее Пастернака...». Странные, однако, у нас читатели, одновременно требуют ультралиберала Искандера и сталиниста Бушина. Или как пишет из Светлого Яра Владимир Бескровный: «Ты прогнул под еврейское лобби. Эх ты...». И тут же в своём списке просит добавить Лазаря Карелина, Светлану Алексиевич, Виктора Конецкого и других крутых либералов. Ради таких запутавшихся писателей и нужны списки, подобные моему.

38. Виктор Розов. «Вечно живые» (1956). Это его первая пьеса, написанная по свежим фронтовым впечатлениям. Позже, уже основательно переделанная, вышла в 1956 году. С постановки драмы «Вечно живые» начался театр «Современник». На основе пьесы «Вечно живые» кинорежиссер М. Калатозов поставил фильм «Летят журавли». Честный русский реализм.

39. Георгий Владимов. «Три минуты молчания» (1969). Вообще-то, проза мужественных мужчин, ему бы лауреатом стать, а загнали в диссиденты. Но от русского реализма он и в Германии не отказывался. Борьба за человека, изуродованного жизнью. Об этом и «Верный Руслан».

40. Александр Зиновьев. «Зияющие высоты» (1976). Это салтыковская сатира советских времён. Но его социологическая концепция человека важнее, чем сатира. Блестящий социолог XX века. От сталинизма до катастрофы.

41. Олег Куваев. «Территория» (1974). «Самый в хорошем смысле советский роман это «Территория»...» — пишет «Вольга»... Величайший имперский роман о строительстве и долге. «Где же «Территория» Куваева?» — спрашивает читатель. Вот и я спрашиваю, где нынче наша имперская Территория, и кто её строит?

42. Михаил Алексеев. «Драчуны» (1981). Владимир Барахнин пишет: «Михаил Алексеев, «Драчуны» — первое в советской литературе произведение о голоде 30-х годов. Достаточно вспомнить общественный резонанс, вызванный статьей Лобанова «Освобождение» об этой книге, и разгромное постановление ЦК. Громили, правда, Лобанова, Алексеева тронуть побоялись, ему просто не дали Ленинскую премию».
43. Фёдор Абрамов. «Пряслины» (1972). Николай Кузин пишет: «Книга, которую нельзя изъять из русской литературы». Самый острый социальный деревенщик.
44. Виктор Лихоносов. «Наш маленький Париж». Большая творческая удача. Первый в послевоенное время роман о кубанском казачестве. Николай Кузин: «Без Лихоносова невозможно представить современную русскую литературу».
45. Анатолий Иванов. «Вечный зов» (1976). Владимир Барахнин пишет: «Конечно, не А.Н. Толстой, но «Вечный зов» не слабее Каверина, да и острота проблематики для 70-х была весьма смелой. Это настоящая, а не «секретарская» литература, сравните уровень популярности «Вечного зова» и, скажем, «Строговых» Г.М. Маркова...».
46. Пётр Проскурин. «Судьба» (1972). Попытка советского эпоса, на примере судьбы Захара Дерюгина, «мужицкого Прометейя». О Проскурине мне писали многие наши старики. Но будут ли читать его молодые?
47. Сергей Довлатов. «Чемодан» (1986). Вариант эмигрантского Зоценко. Беспощаден и по отношению к себе, и ко всему эмигрантскому окружению. Читается всегда с интересом.
48. Виктор Пелевин. «Чапаев и Пустота» (1996) Пишет «going out» : «В общем, нормальный список. Не без вкусовщины, естественно... Но вот Пелевина он зря забыл. Ранние рассказы и «Чапаев...» — пожалуй, лучшее в последней трети XX века». Добавляет «tanulla»: «...И Пелевина, да, это он зря...». А «Вольга» добавляет: «В самое логово врага нанёс удар Виктор Пелевин».
49. Юрий Козлов. «Колодец пророков» (1998). По мнению Льва Данилкина — это тот же Пелевин, но патриотического разлива. Интеллектуальный увлекательный триллер, где философствуют все герои. Главенствует тема России.
50. Дмитрий Галковский. «Бесконечный тупик» (1997). Если уж мы начинаем Василием Розановым, продолжаем Даниилом Андреевым и Александром Зиновьевым, то и заканчивать надо философским литературным трудом Галковского. Как пишет Евгений Конюшенко из Кемерово: «Эта книга (Галковского. — В.Б.) — настоящий сгусток интеллектуальной и эмоциональной энергии. Заслуга Галковского в том, что он восстановил традицию русского национального философствования, искусственно оборванную в XX веке».

Источник: <https://zavtra.ru/blogs/2008-03-1271>

50 ПОЭТОВ XX ВЕКА

Бондаренко Владимир Григорьевич, российский литературный критик, публицист.

Думаю, любой другой критик, любого направления и любого возраста, затеявший нечто подобное, на добрых две трети повторит те же самые имена. Даже абсолютных гениев в России XX века — и то предостаточно. От Блока и Есенина, Маяковского и Цветаевой до Бродского и Кузнецова. Кстати, сразу же укажу на так называемый «заговор элитарной интеллигенции», навязавшей всему миру так называемую знаменитую «четвёрку»: Борис Пастернак, Марина Цветаева, Анна Ахматова и Осип Мандельштам. Несомненно, это замечательные русские поэты XX века, и они, конечно же, есть в моём списке. Но также несомненно, что как минимум, не менее талантливы, а, по моему мнению, и превосходят нашу «четвёрку» по поэтическому дарованию, по величию замысла и по масштабности его исполнения Александр Блок и Владимир Маяковский, Велимир Хлебников и Николай Заболоцкий, Николай Клюев и Сергей Есенин, Даниил Хармс и Павел Васильев. Таких «четвёрок» можно было в русской поэзии подобрать с десяток — что же мы по чьему-то злему умыслу крутимся лишь вокруг одной из них?

Впрочем, точно так же во второй половине XX века наши либеральные литературоведы и критики навязали всему миру еще одну «четвёрку»: Андрея Вознесенского, Булата Окуджаву, Евгения Евтушенко и Беллу Ахмадулину, естественно, не замечая ни Николая Рубцова, ни Юрия Кузнецова, ни Татьяну Глушкову, ни Глеба Горбовского. Просчитались лишь в одном, за что получили сполна: не заметили будущего нобелевского лауреата Иосифа Бродского. Вот и остались у разбитого корыта. Тем более, Иосиф Бродский сделал всё, чтобы уже в своём нобелевском статусе указать всему литературному миру на фальшивую либеральность и хлестаковщину, поэтическую мелкотравчатость Евтушенко и Вознесенского.

50 ведущих, наиболее талантливых русских поэтов XX века.

1. КОНСТАНТИН СЛУЧЕВСКИЙ.

Это, несомненно, оригинальнейший поэт предыдущего девятнадцатого столетия, дворянин, гвардеец, камергер, дебютировавший ещё в некрасовском «Современнике» в 1860 году. Он как бы опередил своё время, став предтечей русских символистов, может быть, поэтому ему судьбой было дано переползти в XX век. В начале XX века сближается с Бальмонтом и Брюсовым, которые охотно начинают печатать стареющего поэта диссонансов в своих изданиях символистов. Последние циклы стихов вышли в 1903 году в «Русском вестнике». Скончался в Петербурге в 1904 году. Случевский соединил две эпохи, золотой и серебряный век.

2. К.Р.

Увы, по придворному статусу великий князь не имел права баловаться литературой. Поэтому великий князь Константин Константинович Романов остановился лишь на инициалах, публикуя свои сборники стихов без лишней выдумки «Стихотворения К.Р.», «Новые стихотворения К.Р.». Его стихи полюбились самым лучшим русским композиторам, в том числе Петру Ильичу Чайковскому, положившему его стихи на музыку. Незадолго до смерти (а умер великий князь в 1915 году) выпустил мистерию на евангельский сюжет «Царь Иудейский».

3. **ИННОКЕНТИЙ АННЕНСКИЙ.**
Пожалуй, первый выдающийся поэт уже века XX-го. Его первый сборник стихов «Тихие песни» вышел в 1904 году. Второй, посмертный — «Кипарисовый ларец» — в 1910-м. Его стихи оказали огромное влияние на всю русскую поэзию XX века. Он смело соединил психологию романа с высокой лирикой, за что и был назван философом Георгием Федотовым «Чеховым в стихах».
4. **АЛЕКСАНДР БЛОК.**
На мой взгляд, самый великий русский поэт XX века. Его поэтическая вершина — как Александр Пушкин в девятнадцатом веке. О чем бы он ни писал: «Стихи о Прекрасной даме», программные для раннего символизма, героико-романтический цикл «На поле Куликовом», полный предчувствия новых мятежных дней, анализировал ли народную мифологию в «Поэзии заговоров и заклинаний», знаменитые «Скифы» и «Двенадцать», — он, как и Пушкин, определял своими стихами не только поэзию, но и историю России. Тайное высшее назначение поэзии никогда не покидало его.
5. **АНДРЕЙ БЕЛЫЙ.**
Самый дерзкий среди символистов, глубокий мистик, очень тонко чувствующий слово, во всех его проявлениях. Выросший в почтенной профессорской среде, сам он был близок к «мистическому анархизму». Андрей Белый всю жизнь разрывался между эпико-романтической психологической прозой и фантазийной космогонической поэзией. Его поэзия, впрочем, как и проза, всегда музыкальны.
6. **КОНСТАНТИН БАЛЬМОНТ.**
Начинал как поэт-народник. После знакомства с Валерием Брюсовым примкнул к символистам. Жизнь воспринимал, как мечту. «В дымке нежно-золотой», или «...в золотистом тумане». Его ритмической выразительности стиха поражались многие. Как писал сам Бальмонт: «Имею спокойную убежденность, что до меня, в целом, не умели писать в России звучных стихов».
7. **ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ.**
Явный идеолог русского символизма. Так и назвал первые свои три сборника «Русские символисты» (1894-1895). Считал своей задачей «выразить тонкие, едва уловимые настроения...». Долгое время считался вождём новой поэтической школы. Прославился своим для того времени вызывающим стихотворением «О, закрой свои бледные ноги».
8. **ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ.**
Даже без своей поэзии остался в истории литературы знаменитой «башней Иванова», где собирались все известные поэты, художники, философы. Представитель так называемого религиозного символизма, знаток античности. Не случайно с 1924 года переехал в Рим, где и жил до конца дней своих. Считал, что «высшая реальность течёт через символ».
9. **НИКОЛАЙ ГУМИЛЁВ.**
Один из моих самых любимых поэтов. Ставлю его творчество выше всей знаменитой четвёрки, в том числе и выше творчества его первой жены Анны Ахматовой. Если

Александр Блок — это Пушкин XX века, то Николай Гумилёв, думаю, сопоставим с Михаилом Лермонтовым. Романтик, герой, человек чести. Я люблю и его ранние «Романтические цветы», его «Путь конквистадоров», его «Капитанов», «Огненный столп», «Колчан». Восхищаюсь совершенством его поздней, зрелой поэзии. По сути, был основателем акмеизма, основным его представителем. В нём всегда жили страсть к приключениям, отвага и высокое чувство чести. Он успел достичь своих поэтических вершин в стихах последних лет. Таких, как «Шестое чувство», «Заблудившийся трамвай», «Мои читатели».

10. АННА АХМАТОВА.

Прошла путь от раннего увлечения символизмом, затем вошла вместе с мужем Николаем Гумилёвым в группу акмеистов, далее шла своей дорогой, придя к лирической эпике, к трагичности и народности в высшем смысле этого слова. «Я была тогда с моим народом, / Там, где мой народ, к несчастью, был». Голос Анны Ахматовой становится мужественным и в годы репрессий «Реквием», и в годы войны «Мужество», «Клятва».

11. МАРИНА ЦВЕТАЕВА.

Гениальнейшая поэтесса России. Соединение античности и авангарда, всемирности и русскости. Соединение трагического романтизма с народной сказовостью и фольклоризмом. Как Марина Цветаева писала: «...«народный элемент»? Я сама народ». И была права более, чем многие другие поэты. Несомненным шедевром поэзии двадцатых годов стал её сборник стихов «Вёрсты». Воспевала белую армию в «Лебедином стане», и в то же время представляла Владимира Маяковского в 1928 году в Париже, к которому творчески была близка более, чем многие его соратники. Чувственный, предельно искренний лирик и при этом всегда гражданский поэт. Всю жизнь она искала предельную истину, с ней и ушла из жизни, навсегда оставшись в русской поэзии.

12. ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ.

Начинает как символист, близок Вячеславу Иванову, но вскоре, с образованием гумилевского кружка акмеистов, резко порвал с символистами. Николай Гумилев писал, что Мандельштам: «открыл двери в свою поэзию для всех явлений жизни, живущих во времени, а не только в вечности или мгновении». Он играет эпохами, соединяя их в своих стихах, сближая отдаленное, и все самое чужеродное начинает служить в его стихах времени. У него и русский язык становится высокой античностью.

13. БОРИС ПАСТЕРНАК.

Итогом предреволюционных лет для поэта стал сборник «Поверх барьеров. Стихи разных лет» (1929), для которого он переработал все свои лучшие ранние стихи, периода увлечения футуризмом. Ценил Блока, но преклонялся перед Маяковским. Его лучшие стихи как бы впитывали жизнь. С одной стороны, «Какое, милые, у нас / Тысячелетье на дворе?» С другой — до конца дней своих активно откликался на бытие своего грозного времени, писал историко-революционные поэмы, в «Высокой болезни» вспоминает о Ленине, да и сам нашумевший роман «Доктор Живаго» — один из ликов XX века. Впрочем, на мой взгляд, «Стихи из романа» — гораздо сильнее самого романа.

14. НИКОЛАЙ КЛЮЕВ.

Мой великий олонецкий земляк. «Земли моей печальный гений». В годы советской власти со своим плачем по русской деревне он казался лишним, сегодня он видится и на самом деле печальным пророком Руси. В поэме «Погорельщина» песнописец Николай свидетельствует всему миру о сожженной «человечьим сбродом» величайшей красоте «нерукотворной России». Это истинный апостол русской народной поэзии.

15. СЕРГЕЙ ЕСЕНИН.

Долгожданное чудо XX века в русской поэзии. Классическая любовная лирика Есенина столь же проникновенна, как лирика Данте и Гейне. Трагическая поэзия его последних лет даёт зловещий красный отблеск всему столетию. Вот уж кто был равен своему народу и в его радостях, и в его несчастьях.

16. ИГОРЬ СЕВЕРЯНИН.

Многие сочтут его лишним в таком списке. Но при всём желании это имя никак нельзя изъять из поэзии XX века. Северянин неповторим — так же, как неповторимы его «Ананасы в шампанском», «Я — гений, Игорь Северянин». Я часто бываю на эстонской мызе Тойла, где поэт провел практически весь послереволюционный период своей жизни, и поражаюсь пропасти между двумя его жизнями: шумной, бурлескной, эстрадной, шампанской в дореволюционном Петербурге и спокойной, медитационной, одинокой в прелестном, но глухом эстонском местечке. Северянин уезжать не желал. И писал в своём домике хорошие русские, проникнутые любовью к России стихи.

17. ВЕЛИМИР ХЛЕБНИКОВ.

Самый русский из всех авангардистов в русской поэзии. Живущий как бы внутри русского языка, в праязыческом прошлом древней Руси. Знаток мифологии, славянской истории и фольклора. Слово и становилось смыслом его поэзии, завораживало всех любителей и ценителей русского языка. Блаженный пророк русской поэзии, утопист-мечтатель. От ранней зауми он идёт к сотворению русского языка. Его языковые эксперименты влияли на поэзию Маяковского и Пастернака, Цветаевой и Заболоцкого.

18. ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ.

Глыбища русской поэзии XX века. Не влезающая ни в какой формат. Ни в советский, ни в антисоветский. Им восхищаются, но постоянно стараются где-то обрубить, кастрировать. Пожалуй, самый известный из русских поэтов во всём мире. Недавно я выступал в одной телепередаче, посвященной его творчеству, и поразился, в какие узкие рамки хотят сегодня загнать его поэзию. Отделить его «настоящую поэзию» от всего якобы наносного, в данном случае — советского. А он всегда был настоящим во всём, вот и закончил трагически, как настоящий поэт, не влезающий ни в какие рамки.

19. НИКОЛАЙ ЗАБОЛОЦКИЙ.

Я Николая Заболоцкого считаю самым недооцененным из русских гениев XX века. Ценю его поэзию выше поэзии знаменитой четвёрки. Начинал как обэриут, и даже написал самые важные манифесты ОБЭРИУ (объединения единственно реального искусства). Как любой поэтический гений, от Блока до Маяковского, от Есенина до Гумилёва, быстро перерос рамки ими же возвращённых группировок символистов, футуристов, акмеистов,

имажинистов и обэриутов. Задумал написать свод русских былин, подобно Лёнроту с его «Калевалой», к сожалению, замысел не осуществился.

20. ДАНИИЛ ХАРМС.

Начинал вместе с Александром Введенским в группе заумников, затем стал одним из организаторов ОБЭРИУ (объединения единственно реального искусства), душой этого объединения. При жизни печатал в основном свои замечательные детские стихи. Погиб во время блокады Ленинграда в тюремной психиатрической больнице.

21. ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВ.

Поэт яркий, с огромной энергетикой стиха, стихийный, как сама Россия. Его поэзия, как казачья лава, неслась по степи. Он обретал популярность истинно народного поэта, продолжателя есенинской линии, но время уже шло в другую сторону. Погиб в лагере в 27 лет. Увы, но среди тех, кто назвал его хулиганом и чуть ли не фашистом, был Максим Горький. Мощная эмоциональная лиро-эпическая стихия «Песни о гибели казачьего войска» или «Соляного бунта» не укладывались в новое содержание эпохи. Как и почти все великие поэты России, Павел Васильев не допел свою песню до конца.

22. ГЕОРГИЙ ИВАНОВ.

Лирика его — одна из вершин поэзии XX века. Его «кусочек вечности». С одной стороны — крайний эмигрантский пессимизм — «жизнь бессмысленную прожил / На ветру и на юру», с другой стороны предвидение того, что в будущем он «...вернётся в Россию стихами». Безнадёжно предан России, но где его Россия? «И лишь на Колыме и Соловках / Россия та, что будет жить в веках». Суровый памятник всей России XX века. Не случайно его считали чёрным демоном русской поэзии, который творил «...из пустоты ненужные шедевры». Это парижский распад русского атома.

23. АРСЕНИЙ НЕСМЕЛОВ.

На другом краю света, вдали и от России, и от Парижа, возшла яркая, но такая же, как у Георгия Иванова, трагическая звезда русской дальневосточной эмиграции — поэзия каппелевского офицера Арсения Несмелова. Жил в Харбине, там же выходили его лучшие книги стихов. Завершает жизнь поэтическим идеологом русского фашизма.

24. БОРИС ПОПЛАВСКИЙ.

«Царства монпарнасского царевич», — по меткому выражению поэта Николая Оцупа, коробил многих какой-то дикой смесью самобытности и испорченности. Но, как утверждал Дмитрий Мережковский, одного таланта Поплавского хватило бы, чтобы оправдать всю литературную эмиграцию.

25. ЭДУАРД БАГРИЦКИЙ.

Помню, когда собирал поэзию русского авангарда, попались мне и первые одесские альманахи «Авто в облаках», «Серебряные трубы». Там нашёл совсем молодого футуристического Багрицкого. Но из Одессы в Москву приехал уже другой поэт, блестящий имитатор, романтик, птицелов. Жестокая, между прочим, профессия, сродни палачу. Птицелов симитирует пение любой птицы, а потом заманит вольную птицу в клетку. Впрочем, Эдуард Багрицкий и не скрывает свой дар птицелова. «Как я,

рожденный от иудея, / Обрезанный на седьмые сутки, / Стал птицеловом — я сам не знаю». Птицелов знает и чувствует природу, знает и чувствует поэзию, знает и чувствует красоту. И берет её силой.

26. ИЛЬЯ СЕЛЬВИНСКИЙ.

Он тоже как бы из породы птицеловов. Поразительно, будучи в каком-то смысле палачами Николая Гумилёва, и Багрицкий, и Сельвинский многому учились у него и долго подражали ему. Я ещё в юности, увлекаясь русским авангардом, естественно, читал стихи лидера конструктивистов Ильи Сельвинского. Особенно легла мне на душу его поэма «Уляляевщина». Его ранние стихи так и остались непревзойдёнными. Как писал в своих стихах о кумирах XX годов тот же Багрицкий: «А в походной сумке — спички и табак, / Тихонов, Сельвинский, Пастернак».

27. АЛЕКСАНДР ТВАРДОВСКИЙ.

Его «Книга про бойца» стала сразу же мировым событием. Её признал суровый Иван Бунин. «Василий Тёркин» заслонил и «Страну Муравью», и «За далью даль». Это вошла в жизнь в 30-е годы новая деревенская поэзия, отличная от поэзии Есенина и Клюева. Думаю, наиболее талантливыми её представителями были Твардовский и Исаковский, Фатьянов и Яшин, Смеляков и Дмитрий Кедрин. Они были строителями нового. Может быть, это и было лучшее, что создала именно советская литература. Но характерно, что в конце жизни каждого потянуло к тому, что сами и разрушали.

28. МИХАИЛ ИСАКОВСКИЙ.

Вот уж верно сказал про себя: «Я потерял крестьянские права, / Но навсегда остался деревенским». Как и Твардовский, в молодости воспевал новую деревню, все преобразования, не замечая жесткости этих преобразований, но сидела в душе заноза, и уже в пору зрелости, вместе со своими песнями, защищая ими во время войны свою родную землю, он восстановил порванную связь с землей, с народом. Настала пора говорить правду. Народ её сразу же почуял в столь близких русской душе песнях «Катюша», «Дайте в руки мне гармонию», «В лесу прифронтовом». Настоящим шедевром русской песенной поэзии стала его горькая песня «Враги сожгли родную хату».

29. ИВАН ЕЛАГИН.

Из мощного дальневосточного поэтического клана Елагиных-Матвеевых. Дед Н.П. Матвеев писал стихи и рассказы. Отец его — яркий футурист Венедикт Март, о котором я когда-то писал в пору своей авангардной молодости. Из этого же рода наш автор, замечательная поэтесса Новелла Матвеева, двоюродная сестра Елагина. И всё-таки, и в своем поэтическом роду, и в поэзии второй эмиграции, и вообще в русской поэзии Иван Елагин — звезда первой величины. Если бы вторая эмиграция дала только Ивана Елагина, она уже этим бы себя оправдала.

30. ДМИТРИЙ КЛЕНОВСКИЙ.

Последний русский акмеист. Как поэт начал печататься ещё в России, первая книга стихов «Палитра» вышла в 1917 году. Но по-настоящему его талант расцвел в эмиграции, в Германии, куда он переезжает из России в 1942 году. Широко печатается в эмиграции, и наравне с Елагиным становится лидером литературной второй волны из «Архипелага

Ди-Пи». С Россией старается в своей поэзии не порывать: «Я служу тебе высоким словом,
/ На чужбине я служу тебе».

31. ЯРОСЛАВ СМЕЛЯКОВ.

Его поэзию любили даже те, кто не знал такого слова: «поэзия». «Если я заболел, к врачам обращаться не стану», или «Хорошая девочка Лида на улице Южной живет». Просто, понятно и так близко всем. Остаётся загадкой, отчего у такого простого, любимого народом поэта была такая сложная судьба. Один лагерь, второй лагерь, и так четыре срока. Впрочем, и лагеря не изменили его наивную и простую душу. Он был лишён трагизма и полон любви. По сути своей, он был рожден для счастья, вот оно и пришло к нему в поэзию, а значит, и к нему в жизнь.

32. АРСЕНИЙ ТАРКОВСКИЙ.

Первые стихи поэт опубликовал еще в 1926 году, но потом на несколько десятилетий ушёл в восточные переводы, где добился и признания, и успехов. Но позже прочитали горькое признание поэта: «Для чего я лучшие годы / Продал за чужие слова? Ах, восточные переводы, / Как болит от вас голова». Поэт воевал, был тяжело ранен, писал проникновенные стихи «Русь моя, Россия, дом, земля и мать». Вадим Кожин относил его к «неоклассикам», продолжающим классическую традицию русской поэзии.

33. КОНСТАНТИН СИМОНОВ.

Он был всегда победителем — так же, как Сергей Михалков. Но, несмотря на все свои высокие посты и связь с высокой властью, умел писать настоящие стихи и прозу. Говоря о поэзии Константина Симонова, прежде всего, вспоминаешь о войне. Ибо это уже не поэзия, нечто выше. Как воздух, как переливание крови для раненых. Как сама жизнь. «Ты помнишь, Алёша, дороги Смоленщины», «Майор привёз мальчишку на лафете», «Атака», яростное «Убей его!», и, конечно же, звучащее, как молитва каждого солдата «Жди меня».

34. ВАСИЛИЙ ФЁДОРОВ.

Сибирский народный поэт. Живой и мудрый, дерзкий, самобытный. В чём-то продолжил линию своих земляков — Сергея Маркова и Леонида Мартынова. Прежде всего, прославился своими поэмами «Проданная Венера», «Женитьба Дон Жуана», «Дикий мёд», «Белая роща», «Протопоп Аввакум». Из лирических стихов большую полемику вызвал его сборник «Не левее сердца». Его лирика почти всегда была гражданской и острополемичной. «Сердца, не занятые нами, / Не мешкая, займет наш враг». Или же «История устала от войны, / Но от борьбы с войною / Не устанет!».

35. БОРИС СЛУЦКИЙ.

Мастер сурового реализма. Всегда, с детства, высоко ценил его поэзию. В своём отношении и к поэзии, и к действительности во многом схож с Маяковским, но не по форме, не по стилистике, а по монументальности и трагичности стиха. Он видел всю правду войны, но его самоотверженности многие могли бы поучиться и сегодня. Это подлинный лирический эпос XX века. Беспощаден и к себе, и к своей поэзии.

36. ДАВИД САМОЙЛОВ.

Я бывал у него в Пярну, в эстонском городке, где он отгородился от московской

поэтической суеты и мелких литературных перепалок, и склок. Да и соответствовали эстонские крепости и рыцарские замки его историческим поэмам. Парадоксально, но они были и по возрасту близки, и по поэтному мышлению схожи — Василий Федоров и Давид Самойлов. Та же любовь к русской и мировой истории, часто даже схожие сюжеты, к примеру — о Дон Жуане. А где история, там с неизбежностью появляется и высокая философичность, некая медитативность, склонность к размышлениям. И всё же я выше всего ценю у Давида Самойлова, как и почти у всех поэтов военного поколения, его военные стихи. Прежде всего, его классическое — «Сороковые, роковые». По-моему, наша военная поэзия — это уникальное явление в мировой поэзии. Взять бы, да и издать лучшие военные стихи всех наших поэтов вместе.

37. НИКОЛАЙ ТРЯПКИН.

Этот замечательный поэт был символом газеты «День». Он и приходил к нам каждый день, мы ему помогали во всех передрыгах и печатали все его стихи. А уж что оставалось, нёс в «Наш современник». Он всегда был вне времени и пространства. Наш домовой, а для кого и леший. Писать стихи стал на русском Севере, там и состоялся как поэт. Он никогда не обращал внимания на цензуру, но что удивительно, и цензура не обращала внимания на него. Его молитвы звучали и печатались даже в сталинские годы. Думаю, это последний русский народный поэт, ибо нет уже ни того народа, ни того языка.

38. АНДРЕЙ ВОЗНЕСЕНСКИЙ.

Талантливейший поэт, всю жизнь играющий по законам шоу-бизнеса. Вряд ли он лукавил, когда писал, когда воспевал Октябрьскую революцию, и когда проклинал, когда проклинал царя, и когда прославлял. Поэт быстротекущего времени. Чем живёт время, тем живёт и поэт. Может, за это его и ненавидел Иосиф Бродский, называя фальшивым авангардистом. Пожалуй, каждый найдёт у Вознесенского стих созвучный ему.

39. ЕВГЕНИЙ ЕВТУШЕНКО.

Лидер поэтической «оттепели». Пожалуй, Евтушенко в поэзии и Аксёнов в прозе определяли всё направление «оттепели». Но с концом оттепели не уехал в эмиграцию, а стал полпредом именно советской поэзии по всему миру, полпредом вольного советского слова. объездил более 80 стран, был личным другом чекистов и цекистов. Сгубила его не стихийная свобода (будто Есенин или Васильев были лишены этой стихийной свободы), сгубило стремление улыбаться всем — от Сталина до Ельцина, стремление быть прославленным на Западе. Вот так и стоял всю жизнь враскорячку. Стремясь охватить и принять всё, впал в верхоглядство.

40. БЕЛЛА АХМАДУЛИНА.

Не скрываю, одна из моих любимых поэтесс, о чём мы много спорили с Татьяной Глушковой. Будучи одной из шестидесятниц, Белла Ахмадулина никогда не впадала в крайность верхоглядства и всеохватности, не бегала вприпрыжку по миру, смиряясь со всеми властями. Она всегда писала себя и свой мир, своё видение времени. Прекрасность самой русской поэзии была выше всех сдвигов времени. Ритмика и мелодика её стиха всегда разнообразны. И эта поэтичнейшая мечтательница называет себя чуть ли не простой рассказчицей. Её суть в поэме «Сказка о дожде».

41. ВЛАДИМИР ВЫСОЦКИЙ.

Как Александр Фатьянов и Михаил Исаковский, вошёл в большую поэзию своими песнями. Из поколения детей войны, «детей 1937 года». К шестидесятничеству уже относился с иронией, он был певцом эпохи безвременья. Но осколки большого стиля советской поэзии прочно сидели в нём. И потому его любимая песня «Вставай, страна огромная». Вот он и возвеличивал то альпинистов, то артистов, то моряков. Смеялся над пошлостью и рыдал над ушедшими героями. Мечтал о родниковой России. Потому и был — бард всея Руси.

42. ИОСИФ БРОДСКИЙ.

Поэт огромнейшего дарования. Рожденный русской культурой, и продолживший её традиции, от Державина до Батюшкова, от Цветаевой до Заболоцкого. Несомненно, был имперским поэтом до конца своих дней, мечась по треугольнику трёх великих империй: русской, римской и американской. Был близок к Ахматовой, но её поэзия Бродскому была чужда. Достаточно деликатный в быту, в поэзии был непреклонен и твёрд. Я знавал его в Питере, бывал у него в полутора комнатах, и замечу, что характерами, как в чём-то и поэзией, они близки с Юрием Кузнецовым, но, может быть, поэтому никогда друг с другом не общались. Великолепна его любовная лирика, вся посвященная его Беатриче — ленинградской художнице Марине Басмановой. В жизни Марина принесла Иосифу немало горя, но благодаря ей, благодаря их любовной трагедии мировая поэзия получила немало шедевров. До конца жизни, и в России, и в эмиграции в Америке, считал себя исключительно русским поэтом. Его стихотворение о русском народе «Народ» Анна Ахматова назвала гениальным.

43. ГЛЕБ ГОРБОВСКИЙ.

Это один из самых известных и талантливых ныне живущих русских поэтов. Как говаривал Иосиф Бродский: «Конечно же, это поэт более талантливый, чем, скажем, Евтушенко, Вознесенский, Рождественский, кто угодно». Прославился своими блатными песнями «Сижу на нарах, как король на именинах», или «Ах вы, груди, ах вы, груди, носят женские вас люди», но самые проникновенные, не просто лирические, но и философские стихи, близкие тютчевской традиции, превозносят самые тонкие ценители поэзии. При всей своей вольности в жизни и в поэзии, последовательный патриот и государственный.

44. НИКОЛАЙ РУБЦОВ.

Он естественен в русской классической поэзии. Он неожиданен и с трудом вписывается в поэзию своего поколения. Его заждались, но его и не ждали. Судьба Николая Рубцова — это и судьба всей России. Как же ненавидел свою неустроенность, своё сиротство, свою кочевую жизнь Николай Рубцов. Своими светлыми лирическими стихами он отрицал своё пьянство, свой уют, своё сиротство. Он, может, даже неосознанно бросил свой мощный вызов тем силам, которые обрекли его Россию на бездуховность и уныние.

45. ЮРИЙ КУЗНЕЦОВ.

На мой взгляд, последний великий поэт XX века. С ним закончилась не русская поэзия (я оптимист и считаю, что великие поэты были и будут), но та русская поэзия, которая у нас господствовала весь XX век. Для меня Юрий Кузнецов был поэтом всемирного значения, мировой культуры, и даже мирового авангарда. При этом он с мировых олимпийских

высот, с высот мирового авангарда смело спускался вниз, в народный фольклор, находил себе место в русской традиции.

46. ОЛЕГ ЧУХОНЦЕВ.

Почвенник по изначальным убеждениям, по рождению, по своей поэтике. Уверен, если бы не абсолютно дурацкая расправа цензуры с его «Повествованием о Курбском», быть бы ему постоянным автором «Нашего современника», дружить с Николаем Рубцовым и Николаем Тряпкиным (хотя, думаю, он и так к ним неплохо относится). А если эта любовь к России немного поперечная, так и авторы «Нашего современника» ненавидят наши родные благоглупости и всякие свинцовые мерзости. И цензура доставала их не меньше. От шестидесятников он так же далек, как и от поэтов «тихой лирики». Одинокий поперечный почвенник.

47. СТАНИСЛАВ КУНЯЕВ.

Мне кажется, как поэт Станислав Куняев гораздо более уверенно продолжает линию Владимира Маяковского, нежели Сергея Есенина. Думаю, был более верен в наблюдениях первый учитель Станислава — Борис Слуцкий. «Добро должно быть с кулаками» — это и поэтический стиль, и жизненный девиз Куняева. Движение, действие, охота, стремительность, какая уж тут тишь. Ставка на русскую национальную поэзию. «Добро должно быть с кулаками» не только сделало поэта знаменитым, но и определило его стиль, его жесткое волевое начало.

48. ТАТЬЯНА ГЛУШКОВА.

Поэтесса последнего срока. Она, как верный воин языческих времён, пожелала быть погребённой вместе со своим Властелином, имя которому — Советская Держава. Прежде всего, допев ему свою великую Песнь. Песнь о Великой державе, о Великом времени.

49. ТИМУР ЗУЛЬФИКАРОВ.

Как и Велимир Хлебников в своё время, Тимур Зульфикаров занимает свою поэтическую Вселенную, и его ни с кем не спутаешь. Когда надо, он пишет просто и понятно даже деревенской бабушке, когда в его стихах припекает самаркандская жара, то и воздух его стихов плотнеет, обжигает. Он — самый древний архаист на свете, ещё дописьменной эпохи. Он — поразительный новатор стиха, играет и со словом, и с каждым звуком, как чародей.

50. ЛЕОНИД ГУБАНОВ.

Его так и воспринимали — как варвара русской поэзии, несмотря на все его многочисленные ссылки на Верлена и Рембо, на Пушкина и Лермонтова. Он жил исключительно в мире поэзии, в мире русской поэзии, но вольность его обращения и со словом, и с ритмом, и с образами была такова, что весь предыдущий поэтический опыт как бы улетучивался, и он вновь оставался один на один с миром первичности: первичности слова, первичности человека.

КОНФЛИКТ ПОКОЛЕНИЙ: ВЧЕРА, СЕЙЧАС И ВСЕГДА!

Хасан Борис Иосифович, доктор психологических наук, кандидат юридических наук, профессор кафедры управления человеческими ресурсами Института экономики, управления и природопользования, заведующий лабораторией мониторинга профессионального развития Сибирского федерального университета, директор Института психологии практик развития, член Координационного совета Российского психологического общества, председатель Красноярского регионального отделения РПО.

18 мая 2023 года исполнилось бы 75 лет доктору психологических наук, кандидату юридических наук Борису Иосифовичу Хасану. Представляем вниманию читателей одну из последних его статей. Эту статью Борис Иосифович написал, готовясь к конференции. Текст публикуется в том виде, который оставил автор. Конфликт поколений находится в центре рассуждений автора и представляет его взгляд и позицию по этой проблеме. Эта тема была ключевой в мыслях и действиях автора.

«Есть пьесы настолько слабые,
что они не в силах сойти со сцены».

Станислав Ежи Лец

Поколения сменяли и сменяют друг друга — так мы говорим про какой-то любопытный процесс, который (спасибо Ивану Сергеевичу Тургеневу) довольно прочно поселился на сцене и, похоже, совсем не собирается её покидать и скорее всего не из-за собственной слабости. Я попробую просто порассуждать на эту тему. И не только в плане отношений родовых, но и в целом как человек, перешагнувший определённую возрастную границу и оглядывающийся назад с вопросом: идёт ли кто-то следом?

Конечно, очень хотелось бы остановиться на определении поколенческой границы, потому что мы, часто разговаривая о поколениях, говорим так: детство — взрослость или зрелость — юность. А где заканчивается один и где начинается следующий этап? И исчерпывается ли эта структура двумя, весьма масштабными единицами, или есть более строгие варианты?

Известно, например, что отрочество появилось в истории культуры сравнительно недавно. Для нас, живущих в современности, понятие подросток привычное, и мы этому феномену даже относительно конкретные границы задали. Хочется на эту тему поговорить, но я предпочту использовать этот вариант как рамочку. Где граница? Сколько лет должно пройти для появления смены? Мы из этого поколения или не из этого? Кто попадает в мою поколенческую страту? По какому принципу?

Некоторые социологические попытки отвечать на эти вопросы содержатся в недавней интересной книге Вадима Радаева «Миллениалы», но я хочу попробовать взглянуть не только на картинку смены, но и само её устройство. Очень важную вещь, на мой взгляд, сказал Л.С. Выготский о том, что, когда мы оформляем границы возраста, важно обсуждать не только притязания, не только то, на что претендуем, и в этом смысле, чего ещё нет, но чего уже хочется, но важно определять и то, чего уже не хочется из того, что хотелось, но уже было взято. Как оформляется завершение этапа? В чём, в каких признаках мы можем удерживать представление о том, что какая-то возрастная группа вышла из состава поколенческой страты и перешла в другую?

Обычно, мы пользуемся при этом какими-то формально-юридическими вещами и традициями. Когда-то существовали обряды переходов. Сейчас изменилась ситуация, стала сложнее, никаких обрядов нет, кроме получения паспорта, или наоборот, всего так много и всё такое разное, что невозможно определить, где сигнал точный и для всех. Раньше мы могли этому только радоваться, нам казалось, что это замечательно, когда пришёл человек в школу, у него кончилось дошкольное детство, его взяли и привели в школу. И родители тревожатся чаще всего по поводу того, впишется их ребенок в эту когорту или нет. У детей тревоги, конечно, совсем иного типа. И мы даже когда-то изучали этот вопрос — откуда дети получают представление об образе школ.

Было 10-летнее исследование социально-психологическое, и мы обнаружили, что большое число молодых людей в возрасте 6-ти с небольшим лет в школу вовсе не хотят идти. И нам было интересно, почему школа потеряла для них привлекательность. Взрослая идея была такая: ребёнок всегда хочет в школу, для него это перспектива. А мы вдруг выяснили, что в представлении ребёнка это не так. И, когда мы спрашивали детей про это, они отвечали нам, например, так: «В школе не кормят», «В школе не спят днём». Из чего мы поняли, что на самом деле — это аргументация для нас, на самом деле дети не любят тихий час и редко, когда понимают, что голодны. А нам они говорили про это, потому что мы их про это спрашивали.

Следом было проведено тоже такое замечательное исследование, в котором мы выясняли, как реагируют дети на всякого рода социологические опросы. Мы сделали большое количество фокус-групп с детьми, нашли среди них значительное количество экспертов, в искренности которых были уверены. Мы выясняли, что думают дети, когда к ним подходят с разными вопросами. Например, хорошая у тебя школа или нет? Первая реакция детей состояла в том, что они вообще ни о чём таком не думают, они всё время думают о чём-то своём, о другом, но ответить, что они про это ничего не думают, они не могут. И ребёнок говорит: думаю, что хорошая. Ответ его часто зависит от настроения или ещё от чего-либо. А на самом деле они думают: что нужно этому человеку ответить, чтобы он отстал. И вот что мы выяснили в итоге.

Наши представления о детстве существенно расходятся с представлениями о детстве у самого детства. Детство позиционирует себя несколько иначе, чем мы об этом говорим и пишем и чем мы можем располагать, пытаюсь изучить это самое детство. Это предположение у нас исходило из целого ряда представлений, сложившихся в культуре, например, из того, что детство экспансивно по отношению к взрослости. Детство всегда осуществляет экспансию. Суть этой экспансии состоит в том, что взрослость — это штука неизбежная. Почему-то в культуре идея взросления понимается как положительная, т.е. быть взрослым — хорошо, а быть не взрослым (ребёнком) — это хуже. Откуда это представление?

Ещё одно исследование в рамках старшей школы и в рамках старших курсов вузов, где есть формальная институциональная граница, привело нас примерно к тем же выводам. Хотя здесь мы обнаруживаем существенные различия в том, как об этом говорят молодые люди, относящие себя к мужскому полу и к женскому. И тут не понять — либо это преувеличенная женская откровенность и мужская скрытность, или они просто так аккуратно врут, или,

наоборот, искренне говорят, что они думают. То же самое примерно мы обнаруживаем и в конце вузовского периода. Если исключить тот мотив как «надоела эта школа или институт», то, оказывается, что они на самом деле не против приостановиться и никуда особо не шагать.

Это забавное противоречие выявляется во многих исследованиях. Мы предполагаем, что есть притязание, экспансия на взрослость, и одновременно полагаем, что есть определённые сдерживающие факторы. Некоторая неспешность во взрослость, в зрелость, потому что там есть атрибуты, которые присвоить себе человек не очень торопится. Итак, с одной стороны, детство экспансивно по отношению к взрослости, претендует на взрослость. Похоже, что есть какой-то период «предвзрослости», в котором люди рассматривают взросление как положительную перспективу и одновременно есть ряд сдерживающих факторов, часто не осознаваемых, иногда — сознательных, в которых эта перспектива сдерживается или просматривается как нежелательная. Т.е. мы имеем некоторый внутренний конфликт или картинку конфликта, противоречия. Это со стороны предвзрослых когорт. Это пока про такой, с позволения сказать, «внутрипоколенный» конфликт, оформляющий противоречия взросления. А со стороны взрослости? Про отношение предыдущего поколения к последующему...

Воспользуюсь метафорой про завещание. Известно, что можно написать завещание в любом возрасте. И можно спросить: зачем люди, находящиеся в расцвете лет, пишут завещание? Есть ряд вариантов. Вообще завещание пишется перед концом, когда человек начинает размышлять, что останется после него и что я кому завещаю. И в этот момент он представляет себе, что его уже нет. А тут странная ситуация — завещание написано, а человек здоров и продолжает жить. А тот, кому завещание адресовано, начинает чувствовать себя как его получивший. И получается, что завещанное не отдано, а только обещано. Но говорят, что обещанного три года ждут... И вот вопрос — как «пишут завещание» или как взрослое поколение представляет себе молодое. Где оно передаёт наследство?

Был такой старый кинофильм. Там суть сюжета в том, что существовал большой завод. И вот приходит на этот завод молодой секретарь парткома (в те времена эта фигура была не менее важной, а зачастую и более, чем директор завода), и там решают провести эксперимент — передать завод молодым рабочим кадрам. И на заводе остаётся только молодежь, а все старики уходят. Но оставляют, конечно, своих информаторов на предприятии. И вот молодые начинают вводить различные новации. А старики за ними наблюдают, но затем, конечно, вмешиваются. И вот это перерастает в конфликт. Молодые, которых сначала пустили поиграть, а потом дали по рукам, и вот старики, которые как бы говорят молодым: «Мы завещание переписываем, мы вам дали возможность распоряжаться, но нам не понравилось, как вы это сделали, поэтому переписываем теперь завещание». И молодые, соответственно, обиделись, часть людей уволилась. Вот такой сюжет. Что я в этом месте обсуждаю? Как старшее поколение видит молодое? И как молодое видит старшее? И как они представлены друг другу? И реально вот эта представленность, т.е. поставленность перед, — на мой взгляд, это вещь нетривиальная, потому что чаще всего мы друг перед другом не становимся, а пользуемся условными картинками. Я говорю: у меня есть картинка следующего поколения со всей его структурой, со всем его развитием, с логикой. У меня достаточно ресурсов, чтобы все соответствовало. Что такое взросление в этом смысле?

Взросление — это претензия на ресурсы, которыми, якобы, обладают взрослые. При этом есть тайна взрослости. И открытие этой тайны — это открытие того, как приобретаются эти ресурсы, как осуществляется овладение ими, соответственно, распоряжение, как так распоряжаться ресурсами, чтобы они не убывали, а наоборот — должны прибывать. И я теперь с позиции молодежи говорю: если старшее поколение ухитряется каким-то неизвестным для меня образом преумножать ресурсы, распоряжается ими так, что видно, как они умножаются, то я говорю, что это успешное поколение, и оно достойно подражания. И тут появляется такая форма поведения — уподобление. Однако это не то уподобление, которое из Ветхого завета. Там, по-видимому, уподобиться Образу предполагается через Действие Творения (или Со-творения), а здесь — «Я хочу быть таким, потому что это успешно». «А если взрослое поколение не смогло убедительным образом показать, что оно умеет распоряжаться ресурсами так, что они умножаются, то это поколение не представляет для меня образа успешности, и я, соответственно, не хочу быть уподобленным ему, а буду делать по-другому». Но вот как по-другому? Замечательно, если есть хотя бы пара образцов.

Итак, представлены картинки, которые соотносятся с какой-то реальностью, при этом картинки обобщённые, а реальность конкретная. У взрослых на картинке примерно так же нарисовано детство. У меня есть предположение о том, что картинка детства для взрослых, как и картинка взрослости для детства, имеет очень сильное искажение. Пункт первый — это наша ситуация. Чтобы внести коррективы в эти искажённые картинки, надо посмотреть, каковы источники их изображений, какова их история, как они реально изображены и в какой мере изображения согласованы? Это важно.

Итак, картинка взрослости для детства выглядит определённым образом. В своё время, особенно в том месте, где мы с вами живём, приключилась такая вещь, которая происходит часто, когда старшее поколение сильно и резко дискредитируется как успешное. Проходят массовые PR-акции, которые говорят о том, что старшее поколение всё делает не так. И ресурсы все убили, и страну поставили на колени, полная зависимость, никакой автономии, распределение ресурсов плохое. И возникает рассогласованность. Вот эти картинки, которые каждый раз возникают, когда поколение напрочь дискредитируется, тогда новое поколение начинает искать свой путь, который не наследуемый, потому что в завещании одни долги. Эта замечательная идея с завидной регулярностью воспроизводится. Но я думаю, что эта нарисованная картинка требует некоторых коррективов. Мне это напоминает борьбу с наркоманией. Мы понимаем, что с этим явлением мы должны бороться. Если у нас есть надежда на победу, то мы должны вселять в аудиторию некоторый оптимизм. Чтобы появлялась идея того, что победа возможна. И, более того, что она именно нами достижима. Надо говорить о собственной силе и о собственных ресурсах, а не наоборот. А наши действия сегодня строятся с точностью «до наоборот». Из всех материалов, которые мы сегодня читаем, мы выясняем, что это явление такое страшное, что никаких сил для борьбы с ним нет. А у нас всегда стремятся сначала запугать. А запуганный, естественно, сдаётся. С другой стороны — другая крайность — абсолютно героическая, но сильно напоминающая компьютерную графику или анимацию. И та, и другая картинки какие-то неприглядные.

Теперь изображение со стороны взрослости — как нарисовано для взрослых детство. Здесь масса проблем. Вопрос: как выглядят те, кто следует за нами. Тут можно прибегнуть к тексту Маргарет Мид. Она нарисовала три возможные картинки отношений между взрослостью и

детством. Первый тип отношений — дети всегда следуют за взрослыми и повторяют их жизнь. В этой системе каждое следующее поколение следует за предыдущим. Небольшие отступления в этом случае возможны, они могут кое-что улучшить. Но всё менять нельзя. Взрослые не позволяют. Они создали массу институтов воспроизводства себя. Второй тип отношений, который можно помыслить, — сосуществование. Два мира живут сами по себе. И у них при этом возникают отношения терпимости или нетерпимости. Параллельные возможности сосуществования. И возможен третий тип отношений — детство начинает забегать вперёд взрослости. Взрослые в этом случае обнаруживают, что им, оказывается, есть чему учиться у своих детей. Дети открывают и осваивают в мире нечто для взрослых сокрытое. Оказывается, что отношение детства и взрослости — это отношение взаимной экспансии. Если дети постигают тайну взрослости, то они тем самым претендуют на взрослость. Если наоборот, то взрослые становятся инфантилами, регрессируют до детства. По Маргарет Мид, это один из типов сосуществования в культуре.

На чём основана картинка детства для взрослости? Если взрослость строится таким образом для ребенка: есть идеальная взрослость — это полное владение ресурсами, умениями распоряжаться для достижения успехов и развития. Сила и могущество. Что, по сути дела, видно в разного рода достижениях. Есть мечты, которые постепенно сбываются. А есть реальная взрослость, которая либо в какой-то мере согласуется с этим, либо не очень. В ответах на вопрос о том, какие именно взрослые являются образцами, около 40% детей указывают своих ближайших родственников.

А как выглядит в этой картинке для взрослых детство? Идеальное и реальное. У взрослых обычно есть три картинки (здесь начинается масса трудностей очень интересных): идеальное детство; реальное детство; а есть моё детство. Итак, есть ещё и то, что я удерживаю как своё собственное прошлое, маркированное мной как моё детство. И пространство отношений между этими тремя образами довольно сложное. И тут одно из ключевых противоречий связано со страхом не успеть. В чём суть противоречия? Оно, кстати, хорошо известно, но не очень часто обсуждается. Наше сознание и мышление устроено так, что мы можем охватить им огромные промежутки жизни. Такие у нас возможности. Мы можем помыслить жизнь до нашего существования и после. Можем рассуждать категориями столетий, тысячелетий. Вот это ощущение возможности помыслить в огромном масштабе и одновременно ощущение краткости пребывания в этой жизни, пребывания между гигантскими масштабами, в которые мы проникаем в своем мышлении и реальным временем жизни, породило массу мечт.

В.П. Зинченко как-то сказал: «Есть такая максима — умирают только другие». И я в детстве тоже так думал, что пока я до взрослости доживу, эти учёные что-нибудь придумают, чтобы я не умер. Позже я начал размышлять о возможности реинкарнации... Попытка преодоления ограничений натурального бытия, его кратковременности. Но одна из попыток преодолеть этот рубеж и это противоречие — это успеть как можно больше, пока ты здесь. Интенсифицировать жизнь. Так появляется идея ускорения. Надо всё делать быстрее, потому что времени мало. Возможности осуществления рассогласуются жутко. Надо успевать, но как ты ни торопись, а успевать не получается. И создаётся такое ощущение, что мы по всем генеральным показателям не успеваем. Есть ощущение, что нужно ещё быстрее (в этом месте очень показателен разворачивающийся в настоящее время сценарий цифровизации как своеобразной гонки — куда?). И один из вариантов разрешения проблемы

успеть-не-успеть — продлить собственную жизнь. Это связано отчасти с родовой идеей. Если я ассоциирую себя не только с этим исключительно местным, бранным существованием, то тогда понятно, что я — не один я, а целый род.

Вот эта идея продлить себя в другом — идея простая. Следовательно, и надежды, и планы должны этим — другим продолжением меня — осуществляться. В этом колоссальная экспансия взрослости на детство. Т.е. детство — это есть фактически меня продолжение. Но при этом того, который вообще передвигается самостоятельно, контролировать сложнее. Он отделился и пошёл. Свернул за угол и уже не видно, как он там ходит. У взрослых всегда есть потребность компенсировать, восстановить контроль, потому что это и есть я, моё продолжение. Александр Моисеевич Аронов как-то утверждал, что дети становятся самостоятельными не по собственной инициативе, а потому что мы их бросаем. Им нужно много внимания уделять, а хочется себе. «Я же ещё здесь, живой, а как бы принадлежу ребёнку». Отсюда и симметричное отношение — «тогда и он мне принадлежит». Но все чаще и чаще хочется от него освободиться и побыть собой. Вот в эти «уходы» взрослых оставшийся без опеки и опор ребёнок вынужден становиться самостоятельным. Потом взрослый «возвращается», а ситуация уже другая. Экспансия — совершенно уникальная вещь.

Я всё время вспоминаю своё собственное детство, воспроизвожу то, в отношении которого я определился как моё, полностью контролировать и определять его движение, а оно уже само ходит — моё продолжение. И у него появляются мысли, которые ему надуло со стороны, а не с помощью родовой генетической передачи. Вот проблема. И идея продолжения контролируемого детства, с одной стороны, а с другой стороны — идея сдерживания экспансии. И вот это противоречие заставляет нас говорить: ты ещё мал! И ребёнок понимает, что, когда нам надо — он для нас взрослый, а когда нам выгодно — он маленький. И он не понимает, как тут себя вести. Этот сюжет фактически воспроизводится и в более поздних периодах между так называемым старшим поколением и молодостью.

Внешняя рамка у этой ситуации совершенно замечательная, она связана с тем, что действительно взрослость, с одной стороны, всё время претендует на детство, с точки зрения обеспечения, становления, самостоятельности и ответственности. С моей точки зрения, слово «ответственность» — ключевое, потому что взрослость по целому ряду исследований определяется тем, ответственность за какого масштаба действия готов взять на себя человек и эту ответственность реально осуществлять. Это и есть критерии взрослости, которые проявляются и в экономических, и в социально-психологических типах позиционирования. Речь идёт о масштабе решений, за которые человек берёт на себя ответственность и реально готов эту ответственность нести. Потому что когда мы говорим: ты отвечаешь за то, что ты делаешь, масштаб задачи ясен.

Есть ещё и внутренняя рамка противоречия, сильно влияющая на то, как мы определяем эти отношения, в каком материале эти отношения начинают возникать и обостряются, где у нас возникают конфликты и реальные способы их разрешения на уровне когорт или межличностных отношений. Подрастающее поколение (становящееся) претендует на места и ресурсы старшего (ставшего), ему уже надо что-то делать, как-то себя реализовывать, чтобы чувствовать свою значимость. Чтобы вообще Себя Чувствовать! И тут снова — место занято. Потому что уже сравнительно небольшая часть трудоспособного населения обеспечивает все

потребности. Т.е. в развитых странах заняты в производстве, обеспечивающем прямые потребности человека, уже меньше 20% трудоспособного населения.

Надо создавать какие-то формы занятости, в которых человек мог бы почувствовать себя реально живущим вместе с другими людьми. Занят он всё меньше и меньше, а свободного времени всё больше. Нужно чем-то занимать молодых людей. Они приходят в мир и говорят: дайте нам что-то делать; а мы говорим: потребляйте пока. И это есть нормальная взрослая позиция, которая связана с мораторием — удерживать где-то большие когорты людей, которые уже половозрелые, имеют некоторые физические характеристики, связанные с их притязаниями на социальное позиционирование. А мест для социального позиционирования нет. Новых форм не придумано. Поэтому создаются компенсирующие ниши, и люди в эти ниши погружаются. Коммунисты решали эту задачку, с моей точки зрения, гениально. Появлялись такие проекты, как целина, БАМ, молодежные жилищные кооперативы (МЖК), студенческие стройотряды, и молодежь себя сделала. Это сработало как мораторий. И в это время сила, энергия и притязания были точно канализированы. И соответствующий PR был.

Итак, у каждого своя картинка, каждый с ней живет и на основании этой картинки с другим сталкивается. При этом, столкнувшись, содержание картинки не выкладывает, культуры такой нет. Может быть, в этом и состоит Вызов — создавать такую культуру диалога поколений. Переговорный процесс между представителями различных поколенческих групп мог бы разворачиваться на разных уровнях, в разных формах и масштабах, но везде должны быть культурные переговоры, где оформляются интересы. Это вызов, но вызов моему поколению, скорее. Потому что я не думаю, что следующие за нами идут в след, это трудно несмотря на то, что есть такая необходимость. Далее могут быть конструктивные переговоры, предметом которых могут быть проблемы и взгляд на них тех и других. Потому что мне не раз приходилось убеждаться, что взгляд молодых не менее основателен, чем обусловленный опытом.

Другое дело, что мы не привыкли, собственно, вести переговорные процессы. Мы привыкли быстро принимать решения, быстро их осуществлять, потом подсчитывать убытки и квалифицировать действия как поспешные и неэффективные. После чего без особого анализа мы приступаем к следующему мероприятию, и этот мероприятиный подход скончался, с моей точки зрения. Похоже, что конфликт поколений не сходит с культурно-исторической сцены не потому, что у него нет сил и он не разрешается. По-видимому, он и не должен разрешаться в терминальном смысле. Ему на этой сцене отведено специальное место, в котором и совершается поколенческий переход. Но хорошо бы, чтобы это место было соответствующим образом организовано.

Источник: Практики развития: образовательные парадигмы и практики в ситуации смены технологического уклада: материалы 27-й научно-практической конференции. Красноярск, ноябрь 2020 г./отв. за вып. Е.А. Келлер. Красноярск, 2021. С. 5–14. Опубликовано 18 мая 2023 (<https://psy.su/pubs/10789/>).

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПЕДАГОГА: СОЧЕТАНИЕ АВТОРСТВА И ПОСРЕДНИЧЕСТВА

Хасан Борис Иосифович, доктор психологических наук, кандидат юридических наук, профессор.

Разговор об учительской ответственности начнём с нескольких иллюстраций. В конце 80-х годов, разворачивая проект гимназии «Универс» (в то время экспериментальная школа № 106), мы пользовались таким инструментом, как организационно-деятельностные игры (ОДИ), позаимствовав его у Георгия Петровича Щедровицкого. В них принимали участие сотрудники психолого-педагогического факультета университета, учителя и ученики образовательного учреждения. На одном из заседаний слово взяла десятиклассница. Она села на стул (до этого все выступали стоя) и, раскачиваясь на нём, заявила: «Учить-то вы нас, конечно, учите, а вот с воспитанием завязывайте. Не ваше это дело».

Среди учителей начался переполох от такого вызова, и уже после доклада были предприняты несколько раундов переговоров между группами педагогов и учеников для выяснения и согласования представлений о воспитании. Нам удалось договориться на уровне слов примерно о следующем: взрослые, по мнению детей, должны заниматься этим процессом, но без оттенка нравочужения.

Вторая иллюстрация о той же гимназии спустя несколько лет. Мы проводили большое исследование, в котором участвовали несколько тысяч старшеклассников из десяти городов тогдашнего Советского Союза. Его целью было понять, с кем ребята обсуждают важные для них жизненные ситуации, в которых им нужна поддержка. Таким образом мы пытались определить рейтинг значимых взрослых. В результате «выделился» набор позиций, начинающийся с родителей и заканчивающийся «ни с кем». В среднем по стране учитель в этом рейтинге занимал 7–8-е места. И только в нескольких школах (в том числе в нашей) педагог оказался на 2–3-й позициях.

Мы провели специальные интервью с учащимися этих образовательных учреждений и обнаружили любопытные вещи. Выяснилось, что ребята выделяют в качестве референтных тех учителей, которые, в отличие от распространенного эталона, не отдают себя без остатка школе и детям. То есть те, кто, кроме учительских, имели ещё какие-то социальные позиции. Опрашиваемые специально подчеркивали отличие математиков от «математичек», физиков от «физичек» и т.п. То есть это означало, что ребята определяли их как тех взрослых, с чьей позицией можно считаться «не только в школе» или как минимум соотносить с ней свою.

Эти иллюстрации важны в контексте размышления над тематикой ответственности. Разговор о ней приобретает предметные очертания только тогда, когда вместе с обсуждением того, за что человек отвечает, речь идет о том, чем он за это отвечает.

А теперь обратимся к истории и посмотрим, в каких ситуациях возникал вопрос о новом учителе.

Первый сюжет, который мне удалось обнаружить, относится к раннему Средневековью. Тогда в Болонье глоссаторы определили, что для эффективной юридической деятельности им не обойтись без Кодекса Юстиниана; отыскивали тех, кто хорошо ориентировался в этих

текстах, и наняли их себе в педагоги. Это одна из версий начала Университета, согласно которой профессора появляются по инициативе учеников. И здесь всё предельно ясно: учитель отвечает за что – за знания текстов и их трансляцию; чем – возможностью быть нанятым.

Позднее, уже во времена Парижского университета, столкнулись две позиции, претендующие на определение предмета ответственности учительства. Одна из них формировалась в учёном сообществе и соотносится с именем Абельяра, вторая представлена церковью и связывается с Франциском Ассизским. С точки зрения первой, учить нужно грамотности, второй – укреплять дух. Таким образом, возникает дискуссия об ответственности учителя за знания, учёность или крепость духа. Замечу, что у интерпретаторов всё время возникает соблазн рассматривать эти положения не в качестве оппозиции, а как предмет и средство, но тексты самих авторов достаточно определены в претензиях на предмет.

Обращение к истории позволяет выделить два предельных типа учительства: авторский и посреднический. Первый соответствует учительству в собственном смысле слова. По нему педагог – автор собственного мировоззрения, за которое он и ответственен. И это исключительно персональная ответственность. Второй тип предполагает вменённую ответственность, поскольку обязывает учителя (педагога-проводника) обеспечить связь ученика с каким-то культурным содержанием, уже положенным до общения с ним.

Второй тип (посреднический) становится особенно актуальным во времена Я. Коменского потому, что к двум игрокам, продуцирующим учительскую позицию, добавляется государство, начинающее выступать заказчиком на образование законопослушного налогоплательщика. С этого времени в список задач педагога прочно включается дисциплина.

Уже в начале XX столетия С.И. Гессен внятно сформулировал конструкции, которые являются базовыми для гражданского образования. В работе «Основы педагогики», которую он в скобках назвал прикладной философией, учёный предпринимает попытку в учительском назначении именно технологически применить данные о психологических закономерностях возрастного развития. Так были сформулированы предмет и границы ответственности учителя в соответствии со ступенями образования. Причём они были определены сочетанием возрастных особенностей, предмета и способа преподавания.

Однако с того момента, когда государство стало ключевым игроком на образовательном поле, именно дисциплина начинает доминировать над учёностью и укреплением духа, а педагог утверждается в позиции проводника. Массовая государственная школа не может позволить себе учителя-автора.

Именно поэтому авторство, являясь генетически исходной формой учительства, остаётся скорее формой идеальной. Её прецеденты встречаются в научных и духовных школах, но не в общеобразовательных. Хотя наблюдения показывают, что притязания сохранились и время от времени возникают такие эксцессы. Достаточно вспомнить движение учителей-новаторов в 80-х гг. XX века.

Посреднический тип учительства – вполне реалистичный вариант для общеобразовательной школы и в зависимости от исторического времени и возрастных особенностей учащихся может рассматриваться в рамках ответственности педагогического сообщества в целом и каждого учителя персонально.

Вопрос об ответственности единой профессиональной позиции провоцирует, в основном, спекулятивные и декларативные рассуждения. Куда конкретней персональная ответственность. Но и та, и другая требуют ответа на вопрос: «За что спрашивают с учителя?». Вплоть до недавнего времени в точном соответствии со средневековой традицией можно было услышать в ответ: «За предметные знания и воспитанность».

Обратите внимание, это привычная формулировка, в которой собственно ответственность педагога и не подразумевается. Ведь за состав предметного знания ответственны учёные и соответствующие методисты, а за нравственные категории и правильное поведение – идеологи и семья. По-видимому, понимая это противоречие, Коменский настаивал на том, чтобы во время учения влияние учителя было, безусловно, доминирующим, и чтобы никто не мешал его воздействиям.

То есть для достижения поставленной государством перед педагогом цели он должен выступать единственным культурным каналом. Понятно, что современная ситуация множественности и вариативности информационных каналов ставит человека в невероятно сложные конкурентные условия и, соответственно, позволяет как бы разделять ответственность и в части учебного предмета, и в части общих норм нравственности со всем этим множеством источников.

На вопрос о том, чем учитель может отвечать перед теми социальными позициями, от которых он выступает проводником для нового поколения, ответ достаточно очевиден – это материальное положение и социальный статус.

Проблема нового предмета ответственности возникла в последнее десятилетие и была сформулирована как задача достижения компетентности.

Фокус внимания начал сосредоточиваться не на знаниях объекта изучения и общих правилах поведения в обществе, а на способности к эффективному действию в различных типичных и нетипичных житейских ситуациях. Однако под ресурсом для этого подразумевается именно то, что изучается в рамках образовательных школьных программ.

Понятно, что учитель, ориентированный на трансляцию учебно-предметного материала и его усвоение учеником, выглядит в этих новых подходах не очень адекватно. Некоторая часть педагогического сообщества отреагировала достаточно быстро предложением сосредоточить внимание не столько на самих научных предметах изучения, сколько на метапредметах.

Но и этот сюжет имеет свой прообраз в истории. В 1909 г. в книге «Психология и учитель» Гуго Мюнстерберг пишет: «Основательное изучение методов может сделаться методом для уклонения от основательного изучения самого предмета».

Уже в начале прошлого века тем, кто занимался подготовкой учительства и анализом педагогических практик, было ясно, что само по себе знание закономерностей научных предметов, а также представление о нормах морали, не являются пределом в реализации учительского назначения. Но и другая крайность – исключительно предъявление и упражнение общих способов действий – напоминает нам предупреждение Г. Мюнстерберга.

Тематика посредничества актуализировалась в отечественной педагогической психологии в культурно-исторической школе Л.С. Выготского, а позднее особым образом технологизировалась в системо-мыследеятельностной педагогике Г.П. Щедровицкого. В том, как позиционируется посредничество в культурно-историческом подходе (это, прежде всего, технологии развивающего обучения), обнаруживаются реалистические претензии на авторство, касающиеся построения учебной событийности, где учитель отвечает за эволюцию учебного действия.

Образно говоря, новая ответственность педагога может состоять в том вкладе, который он делает в «поумнение» своего ученика. Именно связь способа действия, развитие которого должен обеспечить учитель, и «приращение умности» определяется как предмет его ответственности. Такие учительские инвестиции, кстати, вполне измеримы. Мы это уже проверили как минимум в двух предметных областях.

Попробую в завершение предложить несколько гипотез к развитию темы.

Во-первых, отвечая на вопрос, появится ли сегодня новый учитель, я бы ответил так: если нам удастся его подготовить, то возможно иной станет школа.

Во-вторых, вариант «учитель-автор» – это не архаика, а перспектива. Только речь сейчас должна идти о корпоративном авторстве и авторстве способа развития действия.

В-третьих, сама ответственность педагога задаётся как обусловленное возрастом сочетание авторства и посредничества.

Возможность такого союза обеспечивается реальной полипозиционностью: учитель не должен быть исключительно школьным человеком. Возможно, это касается в большей мере специалистов, работающих с подростковым и старшим школьным возрастом, но наличие ещё одной (как минимум) профессиональной позиции – настоятельное современное требование к новому педагогу.

Источник: https://upr.1sept.ru/view_article.php?ID=200900803

ЦИТАТЫ ПРО УЧИТЕЛЕЙ

Подготовил Дмитрий Сироткин

Учителя каждый день встречаются с будущим. И это нелёгкое испытание.

Призвание учителя

От врачей и учителей требуют чуда, а если чудо свершится, никто не удивляется. (М. Эбнер-Эшенбах)

Учитель - это ...

Учитель — человек, который может делать трудные вещи легкими. (Р.У. Эмерсон)

Самым важным явлением в школе, самым поучительным предметом, самым живым примером для ученика является сам учитель. (А. Дистервег)

Педагог — это инженер человеческих душ. (М. Калинин)

Тот, кто, обращаясь к старому, способен открывать новое, достоин быть учителем. (Конфуций)

Учитель не тот, кто учит чему-либо, а тот, кто помогает раскрыть своему ученику то, что ему уже известно. (П. Коэльо)

Типы учителей

Посредственный учитель излагает. Хороший учитель объясняет. Выдающийся учитель показывает. Великий учитель вдохновляет. (У. Уорд)

В чем разница между хорошим и великим учителем? Хороший учитель развивает способности ученика до предела, великий учитель сразу видит этот предел. (М. Каллас)

Обучение и учителя

Мы ничему не учимся у того, кто говорит: делай, как я. Единственными нашими учителями являются те, кто говорят «делай со мной». (Ж. Делез)

Совершенно неразумен тот, кто считает необходимым учить детей не в той мере, в какой они могут усваивать, а в какой только сам он желает. (Я.А. Коменский)

Большинство вещей, которым нас учат, конечно, вполне правдивы и правильны, но на всё можно смотреть и совсем не так, как учителя, и тогда они большей частью приобретают куда лучший смысл. (Г. Гессе)

Воспитание и учителя

В воспитании всё дело в том, кто воспитатель. (Д. Писарев)

Не может быть хорошим воспитатель, который не владеет мимикой, который не может придать своему лицу необходимого выражения или сдержать своё настроение. Воспитатель должен уметь организовывать, ходить, шутить, быть весёлым, сердитым. (А. Макаренко)

Учитель и ученик

Твой учитель не тот, кто тебя учит, а тот, у кого учишься ты. (Р. Бах)

Учатся у тех, кого любят. (И. Гёте)

Оценки и учителя

Отметка должна вознаграждать трудолюбие, а не карать за лень и нерадивость. Если учитель усматривает в двойке и единице кнут, которым можно подстёгивать ленивую лошадь, а в четвёрке и пятёрке пряник, то вскоре дети возненавидят и кнут, и пряник. (В. Сухомлинский)

Тот, кого я учу, — это, прежде всего, живой человек, ребёнок, а потом — ученик. Оценка, которую я ставлю ему, — это не только измеритель его знаний, но, прежде всего, моё отношение к нему как к человеку. (В. Сухомлинский)

Помощь в самообразовании

Я не учитель. Я просто помогаю тебе изучать себя. (Б. Ли)

Всему, что необходимо знать, научить нельзя, учитель может сделать только одно — указать дорогу. (Р. Олдингтон)

Роль педагога состоит в том, чтобы открывать двери, а не в том, чтобы проталкивать в них ученика. (А. Шнабель)

Самообразование учителя

Тот, кто обучает, должен всегда продолжать учиться сам. (Р.Г. Дана)

Лишь до тех пор являешься способным давать образование другим, пока продолжаешь работать над собственным образованием. (А. Дистерверг)

Быстрее и лучше всего учишься, когда учишь других. (Р. Люксембург)

Есть учителя, которых ничему нельзя научить. (Б. Кауфман)

Коллектив и учителя

Там, где воспитатели не соединены в коллектив и коллектив не имеет единого плана работы, единого тона, единого точного подхода, там не может быть никакого воспитательного процесса. (А. Макаренко)

Люди и учителя

Никто тебе не друг, никто тебе не враг, но всякий человек тебе учитель. (Сократ)

Хорошее в человеке приходится проектировать, и педагог это обязан делать. (А. Макаренко)

Государство и учителя

Отношение государства к учителю — это государственная политика, которая свидетельствует либо о силе государства, либо о его слабости. (О. Бисмарк)

Успех в войне решают два фактора: ружье нового образца и школьный учитель. (О. Бисмарк)

Жизнь и учителя

Воспитателю надо глубоко знать жизнь, чтобы к ней готовить. (Л. Толстой)

Профессия учителя даёт пожизненную гарантию от похищения с целью выкупа. (С. Моцарский)

ЦИТАТЫ ПРО ШКОЛУ

Подготовил Дмитрий Сироткин

Школа вызывает противоречивые чувства как у учеников и родителей, так, наверное, и у учителей.

Школа - это...

Школа — это мастерская, где формируется мысль подрастающего поколения, надо крепко держать её в руках, если не хочешь выпустить из рук будущее. (А. Барбюс)

Образование и школа

Мы все учились понемногу чему-нибудь и как-нибудь! (А. Пушкин)

Не так важно, чему учат в школе, а важно, как учат. (М. Планк)

Ничто так не усредняет, как хорошее среднее образование. (М. Вернер)

Образование — это то, что остаётся после того, как забывается всё выученное в школе. (А. Эйнштейн)

Образование помогает ребенку понять свои потенциальные возможности. (Э. Фромм)

Учителя и школа

Только тот сможет стать настоящим учителем, кто никогда не забывает, что он и сам был ребёнком. (В. Сухомлинский)

Учителя, которым дети обязаны воспитанием, почтеннее, чем родители: одни дарят нам только жизнь, а другие — добрую жизнь. (Аристотель)

Преподавателям слово дано не для того, чтобы усыплять свою мысль, а для того, чтобы будить чужую. (В. Ключевский)

Ученики и школа

Современные дети хорошо разбираются во всём, кроме школьных предметов. (О. Макарова)

Самостоятельность головы учащегося — единственное прочное основание всякого плодотворного учения. (К. Ушинский)

Ученикам, чтобы преуспеть, надо догонять тех, кто впереди, и не ждать тех, кто позади. (К. Прутков)

Учебники

Учебник: книга, которая непрерывно открывает Америку. (В. Булатович-Виб)

Ученье – свет, а учебников – тьма! (В. Скуратовский)

Книги и школа

Одной из истин моей педагогической веры является безграничная вера в воспитательную силу книги. Школа — это, прежде всего книга. Воспитание — прежде всего слова, книга, живые человеческие отношения. Книга — это могучее оружие. Умная, вдохновенная книга нередко решает судьбу человека. (В. Сухомлинский)

Знания и школа

Увы, в школе дают знания, а не мудрость. (Г. Берг)

Школа даёт знания только тем, кто согласен их взять. (С. Скотников)

Учителя, как местные светочи науки, должны стоять на полной высоте современных знаний в своей специальности. (Д. Менделеев)

Контроль и школа

Школа без дисциплины, что мельница без воды. (Я.А. Коменский)

Государство и школа

Тот, кто открывает школу, закрывает тюрьму. (В. Гюго)

Жизнь и школа

Мы учимся, увы, для школы, а не для жизни. (Л. Сенека)

Школа готовит нас к жизни в мире, которого не существует. (А. Камю)

Общество и школа

После хлеба самое важное для народа — школа. (Ж.Ж. Дантон)

Отрицать больницы и школы легче, чем лечить и учить. (А. Чехов)

Одним из таких буржуазных лицемерий является убеждение в том, что школа может быть вне политики. Вы прекрасно знаете, насколько лживо это убеждение. И буржуазия, выдвигающая такое положение, сама во главу угла школьного дела ставила свою буржуазную политику и старалась школьное дело свести к тому, чтобы натаскать для буржуазии покорных и расторопных прислужников. (В. Ленин)

Люди и школа

Я хочу образования для народа только для того, чтобы спасти тех тонущих там Пушкиных, Остроградских, Филаретов, Ломоносовых. А они в каждой школе. (Л. Толстой)

Можно быть милым и умным мальчиком, прекрасно учиться в школе, отлично пройти курс университетских наук — и после нескольких лет исправного посещения кинематографа превратиться в идиота. (И. Ильф, Е. Петров)

О разном

Классы полны милых детей, но свет полон глупых людей. (К. Гельвеций)

Некоторые дети так любят школу, что хотят оставаться в ней всю жизнь. Из них то и выходят учёные. (Х. Штейнхаус)

Я действительно считаю, что чрезмерный акцент на сугубо интеллектуальную позицию в нашем образовании, часто целиком направленному на практику и факты, непосредственно привёл к обесценению этических ценностей. (А. Эйнштейн)

ЦИТАТЫ ПРО МЫСЛИ

Подготовил Дмитрий Сироткин

Каких только мыслей не бывает у человека: банальных, злых, глубоких, нелепых, непристойных, великих...

Мысль - это ...

Мысль — это всего только молния в ночи, но в этой молнии — всё. (А. Пуанкаре)

Мыслить — значит говорить с самим собой, слышать самого себя. (И. Кант)

Слово и мысль

Право выражать свои мысли имеет смысл только в том случае, если мы способны иметь собственные мысли. (Э. Фромм)

Речь — удивительно сильное средство, но нужно иметь много ума, чтобы пользоваться им. (Г. Гегель)

Слово не есть наша произвольная выдумка: всякое слово, получившее место в лексиконе языка, есть событие в области мысли. (В. Жуковский)

Книги и мысли

Люди перестают мыслить, когда перестают читать. (Д. Дидро)

Книги — корабли мысли, странствующие по волнам времени и бережно несущие свой драгоценный груз от поколения к поколению. (Ф. Бэкон)

Пусть мысли, заключённые в книгах, будут твоим основным капиталом, а мысли, которые возникнут у тебя самого, — процентами на него. (Абу ль Фарадж)

Знания и мысли

Знание только тогда знание, когда оно приобретено усилиями своей мысли, а не памятью. (Л. Толстой)

Человек и мысли

Человек создан для того, чтобы мыслить. (А. и Б. Стругацкие)

В течение дня человек внимает такому множеству мыслей, впечатлений, речей и слов, что всё это составило бы не одну толстую книгу. (А. Грин)

Люди, как я заметил, любят такие мысли, которые не заставляют их думать. (С. Ежи Лец)

Мало кто мыслит больше, чем два или три раза в год; я стал всемирно известен благодаря тому, что мыслю раз или два раза в неделю. (Б. Шоу)

Общество и мысль

Общественное мнение торжествует там, где дремлет мысль. (О. Уайльд)

Не мешайте другим мыслить иначе. (Н. Карамзин)

Когда человек мыслит глубоко и серьёзно, ему плохо приходится среди широкой публики. (И. Гете)

Скудность мысли порождает легионы единомышленников. (С. Довлатов)

Поистине всегда там, где недостает разумных мыслей, их заменяет крик. (Л. да Винчи)

Мыслить так трудно, поэтому большинство людей судит. (М. Жванецкий)

Некоторые мысли приходят в голову под конвоем. (С. Ежи Лец)

Великие и мысль

Следовать за мыслями великого человека есть наука самая занимательная. (А. Пушкин)

Мир и мысли

Мы - то, что мы думаем. Все, что мы есть, возникает с нашими мыслями. Своими мыслями мы создаем мир. (Будда)

Для того, чтобы мысль преобразила мир, нужно, чтобы она сначала преобразила жизнь своего творца. (А. Камю)

Будущее и мысль

Будущее отныне принадлежит двум типам людей: человеку мысли и человеку труда. В сущности, оба они составляют одно целое, ибо мыслить — значит трудиться. (В. Гюго)

Реальность и мысль

Любое положение в этом мире лишь видимость, и единственная реальность — это мысль! (О. Бальзак)

Дела и мысли

Будьте внимательны к своим мыслям, они — начало поступков. (Лао-цзы)

Тот, кто не владеет своими мыслями, не распоряжается и своими действиями. (В. Гюго)

Хорошо рассуждать о добродетели не значит еще быть добродетельным, а быть справедливым в мыслях не значит еще быть справедливым на деле. (Аристотель)

Правда и мысль

Скверная привычка утверждать, что другие мыслят неправильно, а мы — правильно и что те, кто придерживается иных с нами взглядов, — враги отечества. (М. Ганди)

Нет мысли, которую при желании нельзя исказить дурным толкованием. (Б. Спиноза)

Легкомыслие

Легкомысленный человек, не знающий истины, изъясняется абстрактно, высокомерно и неточно. (А. Блок)

Легкомыслие - это хорошее самочувствие на свой страх и риск. (М. Жванецкий)

Свобода и мысль

Наука освободила мысль, а свободная мысль — народ. (П. Бертелло)

Не бывает опасных мыслей; бывает опасно мыслить. (Х. Арндт)

Утро и мысли

Мысли как цветы: сорванные утром, они дольше остаются свежими. (А. Жид)

Порядок и мысль

Спокойствие — не что иное, как надлежащий порядок в мыслях. (М. Аврелий)

О разном

Всякая разумная мысль уже приходила кому-нибудь в голову, нужно только постараться ещё раз к ней прийти. (И. Гете)

Я цитирую чужие мысли, чтобы подтвердить свои. (Э. Фромм)

ПАТРИОТИЗМ КАК ОПЕРАЦИОННАЯ СИСТЕМА ДЛЯ ОБЩЕСТВА

Трофимов-Трофимов Виталий Дмитриевич, политический аналитик

Среди множества политических теорий, ставших со временем идеологиями, патриотизм занимает особое место.

Если все существующие идеологии разделить на три большие группы по силе их влияния на жизнь общества и политический строй, то в первой группе окажутся либерализм, социализм и фашизм. Это идеологии, которые регламентируют все сферы человеческого общества – от статуса частной собственности и формы правосудия до характера местного самоуправления и предпочтительных стратегий социальной политики. История XX века показала, насколько тяжёлым бывает путь государства, выбравшего ту или иную госидеологию первого порядка.

Именно поэтому куда привлекательнее выглядят идеологии другого порядка. Это локальные идеологии, не претендующие на строительство лучшего мира для всего человечества в целом. Консерватизм, социал-демократия, либертарианство, религиозный или рыночный фундаментализм, монархизм, коммуитаризм – всё это идеологии, отвечающие на вопрос о том, как обустроить жизнь здесь, в этих географических и исторических условиях. Они не рисуют образ утопии для всех людей Земли, но тоже требуют серьёзных институциональных реформ.

Патриотизм же можно отнести к идеологиям третьего порядка, не требующим каких-то особенных издержек. В этой группе он соседствует с либертарианством, экологизмом, антиглобализмом, анархизмом и идеологиями, несущими имена своих авторов – джорджизмом, сталинизмом, рейганизмом. Такое положение делает патриотизм привлекательным – легко говорить о патриотизме во времена исторического подъёма, экономических и внешнеполитических успехов. Но патриотизм обладает не кумулятивной природой, а инфляционной и требует поиска всё новых художественных средств его выражения. Мы часто видим всплески патриотизма во времена определённых экономических или внешнеполитических достижений и последующий затухающий след. Патриотизм как бы «рассеивается», проявляясь в определённые моменты истории. Такая природа патриотизма требует и специфического обращения.

Восстанавливать инфраструктуру воспитания патриотизма в нашей стране уже начали, а в ближайшие времена её необходимо вывести на расчётные мощности. Также нелишними будут силы искусства, особенно кинематографа. У нас есть четыре вида патриотического кино.

Первая история – это военная история, построенная вокруг Великой Отечественной войны. Для многих Великая Отечественная – это священное событие. 9 мая – День Победы – второй после Нового года полноценный праздник с развитой мифологией, ритуализацией и символикой. Поэтому и кино о войне традиционно собирает свою аудиторию. Конечно, о войне тоже надо уметь рассказать. Чего стоят картины Леонида Быкова или Ефима Дзигана! Сегодня мы утрачиваем эту школу: современное кино о войне изобилует махровыми штампами о злых чекистах, жестоких командирах, несправедливо осуждённых солдатах штрафбата, заградотрядах.

Вторая история – это история про космос. Здесь тоже есть свои штампы: глупые чиновники, коррупция – но акценты можно перенести и на гонку вооружений, решение сложных технических задач, которые стояли перед человечеством. И недостатки у такого кино те же: это история о России, которую мы потеряли. Потому что сейчас все глобальные неразрешимые проблемы, что тогда стояли перед командой Королёва, сегодня являются будничными банальностями технического отдела где-то в Роскосмосе. Космонавты, как говорится, уже не те.

Третий, очень свежий мотив в продвижении патриотизма, обозначился в десятые годы XXI века. Это спорт. И картины, которые запустили этот тренд, действительно оказались кассовыми – в первую очередь это «Легенда номер 17» (2013) и «Движение вверх» (2017). Причём здесь мы сказали что-то очень свежее – в ответ американцы в 2020 году сняли сериал «Ход королевы». Своего зрителя сериал тоже нашёл, хотя и не такого массового, как российские баскетболисты.

Ну и четвёртый мотив – это история России. От славянского фэнтези «Князь Владимир» (2006) до походов Эраста Фандорина. Картины с самым разным бюджетом, самого разного качества и с самыми разными оценками от зрителей и критиков.

Особенность всех четырёх видов – на долгой дистанции начинают производиться картины про «Россию, которую мы потеряли». Даже если и начинали оптимистично. Последующие картины не всегда хуже качеством, но гораздо мрачнее по патриотическому сообщению. Работает «затухающий след».

Всё это требует поиска всё новых и новых тем для раскрытия патриотизма, а тема для творческого сообщества всё ещё остаётся непопулярной. И это вторая важнейшая проблема – на этот раз организационная. Слишком мало людей, способных работать изощёрённо тонко – не молотом, но скальпелем. По-настоящему патриотическим кино должны парадоксально оказываться те картины, которые не задумывались и не позиционировались как патриотические. «Особенности национальной охоты», «Брат-2» – примеры такого тонкого мастерства.

Патриотизм как идеология обладает своим собственным потенциалом. Его собственные возможности позволяют решить широкий спектр задач социальной, культурной, научной, спортивной, а не только военной мобилизации. Это не инструмент, который позволяет здесь и сейчас набрать 300 тыс. добровольцев, а целая операционная система, для которой нам, как обществу, ещё предстоит написать приложения и программы, и куда нам надо перенести свои текущие дела. Для этого надо разобраться, как она работает, и исправить накопившиеся за полвека – ещё с брежневских времён – довольно глупые и нелепые ошибки пользователя. После этого и первых последующих успехов мы обязательно услышим, что эта операционная система лучше Windows, она рабочая и позволяет решать различные стоящие перед нашей страной сложные задачи.

Источник <https://vz.ru/opinions/2022/12/26/1191666.html>